

М.Португалов
Тургеняна

83.3P5-8

760

68386.

15

М. ПОРТУГАЛОВ.

ТУРГЕНИАНА

**СТАТЬИ
И
БИБЛИОГРАФИЯ**

Государственное Издательство
Орловское Отделение.

1922

Мих. Португалов.

ТУРГЕНИАНА

Статьи, очерки
и библиография.

Орловское Отделение Госиздата.
1922 г.

Настоящее издание отпечатано в Типогр.
„Парижск. Коммуна“ в Орле, в количестве
3000 экз. Обложка работы худож. В. Беллева.
Р. В. Ц. № 674.

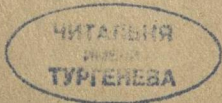

ПРОВЕРЕНО 2014

ПРОВЕРЕНО 2009

Фонд редкой книги
ТУРГЕНИАН

68386

Важнейшие печатки.

Стр.	Напечатано.	Следует читать.	е.
9	сносила	внесла.	
16	вкус в круг	вкус и круг.	
20	siffles	siffles.	
21	и Пувиным	с Пувиным.	
22	Emblemaet	Emblemata et.	
24	Weltteschieje	Weltgeschichte.	
25	наметить	заметить.	
29	стихи (в эниграфе)	стихи.	
30	вески	резка.	
39	Лермонтовъизъ	Лермонтовым.	
51	по конед	под конед.	
55	„Признаки“	„Призраки“.	
59	Отправляя	отрваляя.	
60	их	его.	
63	давашия	давший.	
67	могущий	могучий.	
70	от „пониманья“	ни „понимания“.	
71	только	полного.	
76	будт	будут.	
80	переходы не	переходы е.	
80	записке	переписке.	
81	показывают.	показывают, что.	
—	свергнуть	свернуть.	
86	(№ 49) Лучаковский	Луцаковский.	етней
89	(№ 40) Ziele	Ziele.	ола, и
90	(№ 51) Glogau	Glogau.	оции.
91	(№ 87) Т. И. Вейнберг.	Т. и Вейаберг.	неву,
92	(№ 142) № 22	М. 22.	пиро-
93	(№ 172) Шабляковской	Шаблювской.	ом пе
—	(№ 176) Zesen	Lesen.	ва в
96	(№ 18) Boborykine	Boborykine.	во, 2)
—	Tourgieneefotes	Tourgieneef. Notes.	блио-
100	(№ 50) Соликовский	Полняковский.	вию,
104	(№ 108) Иванов-Разульник	Иванов-Разумник.	цять
108	(№ 78) Т-в	И-в.	олов-
—	(№ 116) Н. С. отед	С. Н. отед.	жде-
109	(№ 21) Буква—Васильовский	Буква—Васильовский.	ор-
—	(№ 64) Хурочкин	Курочкин.	гали

Тургеневский музей в г. Орле.

(История его возникновения и существования).

I.

Тургеневский Музей в Орле возник в ознаменование столетней годовщины со дня рождения знаменитого писателя, уроженца Орла, и это событие совпало с первой годовщиной Октябрьской революции. (1818—1918). Собиранье вещей и книг, принадлежавших Тургеневу, началось в сентябре 18-го года эmissаром из Москвы, ¹⁾ командированным Отделом научных библиотек по соглашению с отделом по охране памятников старины и искусств. Он направился сперва в родовое имение Тургенева Спасское-Лутовиново, а затем Кляйменово, ²⁾ и в самый Мценск, куда переведена была весьма ценная библиотека Ивана Сергеевича, и его предков, Эта последняя, к сожалению, отчасти уже подверглась расхищению, и эmissару пришлось принять энергичные и спешные меры к ее спасению и доставке в Орел. Орловский Отдел Народного Образования деятельно способствовал учреждению музея-библиотеки имени Ив. Серг. Тургенева. Центральные органы Нар. Ком. Просв. не менее сочувственно и решительно подвигали дело его осуществления. Телеграммами и охранными грамотами подтверждались Центром распоряжения местного Отд. Нар. Образ. Дом по Садовой ул. с той обстановкой, которая была признана принадлежащей Тургеневу и Фету, был передан вновь учрежденному Музею. В городе у наследницы Тургенева О. В. Галаховой находились значительная часть мебелировки и немногие рукописные материалы, как, например, черновик комедии Тургенева „Студент“ (впоследствии

¹⁾ Ив. Алекс. Друганов.

²⁾ Имение О. В. Галаховой, дальней родственницы Фета-Шенниина и Тургенева.

„Месяц в деревне“) и его студенческие тетради. Что касается библиотеки, то некоторые шкафы и все книги были вывезены эмиссаром частью из Клейменово, частью из Мценска. Им же доставлены были из Спасского оставшаяся там мебель, диван „Самосон“, бильярд и беговые дрожки. Такая разбросанность Тургеневских реликвий и вещей объясняется тем, что после пожара помещичьего дома в селе Спасском-Лутовинове ¹⁾ вся обстановка была перевезена частью в им. Клейменово, частью в городской дом Галаховых по Садовой ул. (в Орле), где и основан Музей. В виду особой научной ценности, исторической и литературной, какую имела Тургеневская библиотека, по постановлению Коллегии Наркомпроса (от 16/XII—1918 г.) содержание музея и высшее распоряжение его судьбой были отданы в руки Московского Отдела Научных Библиотек, ныне составляющего часть Академического Центра Главнауки. Им же определяется и штат и личный состав служащих и сотрудников Музея.

В первый год существования Тургеневский Музей был вполне обеспечен материально, и это дало возможность, несмотря на тяжелые внешние условия гражданской войны и разрухи, поставить его на прочную культурную основу. Правда, техническое оборудование Музея сильно затруднялось вследствие недостатка мелких, но необходимых, приспособлений, однако с течением времени недочеты устранялись, и работа в этом отношении не прекращается до сих пор.

24-го ноября 18-го года состоялось торжественное заседание по случаю открытия Тургеневского Музея с речами и приветствиями, а с 26-го началось посещение его публикой. Первое время количество посетителей было очень велико, несмотря на все неблагоприятные обстоятельства: в короткий срок со дня открытия до 1-го января 1919 г. перебывало 1033 челов. (по 80—90 чел. в день). Но далее посещаемость уменьшилась. Отметим годовые итоги посещаемости: 1919—3668, 1920-й—2156, 21-й 2463, за полгода 22-го—900 ч., а всего 10220, т. е. почти по 240 человек в месяц (за 42 м.). Линия посещаемости оказывается очень ломаной, вследствие неблагоприятных условий переживаемого времени, когда жизнь утратила свою устойчивость и равновесие. Самым тяжелым временем для существования Музея был период с августа 1919 го года по сентябрь 20-го; все, что пережил Орел в связи с наступлением белых, конечно, отразилось на посещаемости Музея. Одно время жизнь в нем совсем замерла, как показывают цифровые данные: до 4-х чел. в ноябре 19 г. Только весной 20 го года началось в нем оживление и в летние месяцы Музей снова наполнился экскурсиями, учащимися, красноармейцами и заезжими „гостями“ из столиц. Вообще наблюдается, что самые посещаемые месяцы—май-июнь, наименее—зимние (декабрь-февраль). При статистике посетители делятся на рубрики по профес-

¹⁾ В 1905 году в январе с 19-го на 20-е.

сии и по местужительства (местные и приезжие). В последние годы приходится отмечать, что число приезжих все возрастает, и это несомненно доказывает, что Тургеневский Музей приобретает всероссийское значение.

Всякого писателя можно познать не только путем критических и историко-литературных монографий, но и проявлением в его будничной мир и в уклад окружающей его бытовой среды. Для этого лучшим наглядным руководством служит литературный музей. Тургенева мы все хорошо знаем и то и дело перечитываем. О нем имеется довольно большая и разнообразная критическая и биографическая литература. Тем не менее, если мы, хотя бы поверхностно, погрузимся в его „гнездо“, сохраняемое музеем, как много живого и интересного почерпнем мы из этого подлинного источника Тургеневской „житейской прозы“.

В некоторых произведениях Тургенева, напр. „Фауст“, „Дворянское гнездо“, „Бригадир“, рисуется такого рода картина. — Утомленный жизненными невзгодами, отягченный ошибками и грехами молодости, стареющий интеллигент из „лишних людей“ возвращается из дальних странствий в родное гнездо (Лаврецкий, герой „Фауста“). Что находит он в нем? Ветхий покосившийся домик, низкие потолки, затхлый, кислый запах нежилого помещения; перед домом — густой, запущенный сад. В комнатах же — дедовская мебель „домодельщина“: узатые комоды, тяжелые, громоздкие диваны, белые кресла с овальными спинками, выцветшие картины неуловимого жанра и неведомой кисти; портреты предков в париках и цветных камзолах — строго надменные лица, презрительно вззирающие на „никчемного“ потомка, либо „вывихнутого“ воспитанием, либо просто неудачника, российского гамлета. И вот стоит пройти по двум-трем комнатам Тургеневского Музея, — и далекий, навсегда отживший мир встает перед посетителем. Невольно душу охватывает атмосфера старого отшедшего мира, который и в самом писателе и в его героях возбуждал грусть и унылость.

¹⁾ Если после посещения музея, вы возьметесь за чтение рассказов и повестей Тургенева, вы то и дело натолкнетесь на заметные следы, оставленные в памяти писателя окружавшими его вещами и обстановкой. Все, что упомянуто в письме Павла Алакеандровича В., героя „Фауста“: и мебель (домодельщина), и выцветшие картины, и портреты предков, — все это срисовано Ив. Серг. с собственной обстановки в доме Спасского-Лутовинова, и ныне перевезено в Музей. А вот что мы читаем в рассказе „Бригадир“:

„В самом доме все немножко на боку, немножко распалось — а ничего. Стоит крепко и держит тепло; печи, что твои слоны, мебель

¹⁾ Соч. Тургенева. Изд. Салаевых т. VII стр. 177.

сборная, „домодельщина“;... в углу столовой громадные английские часы в виде башни с надписью: „Strike-Silent“—в гостиной портреты хозяев, написанные масляными красками, с выражением сурового испуга на кирпичного цвета лицах,—а иногда и старая покоробленная картина, представляющая либо цветы и фрукты, либо мифологический сюжет“¹⁾.

Удивительна эта обостренная наблюдательность и памятьливость на мелочи домашнего обихода в Тургеневе. Нам известна редкостная зоркость Гоголя в этом отношении. Но Гоголь по своему дарованию фантаста, схватывая наблюдаемую мелочь, либо видоизменяет ее либо преувеличивает, т. е. чаще всего деформирует ее. Тургенев, как художник реалистической манеры, стремится быть вещественно-точным в передаче и, собирая правдивые детали, из них формирует живую картину. Мы не знаем, записывал ли Тургенев в свои памятные книжки подобные мелкие штрихи, или они внезапно всплывали, помимо его сознания и воли, в моменты творчества, но только точность их передачи подтверждается тем, что мы находим в музее. Так, например, „громадные английские часы“, фабрики Риверс и Тон, с теми двумя надписями, которые воспроизвел Тургенев, стоят ныне в зале-гостиной Тургеневского музея. Там же висит „старая покоробленная картина“, представляющая разрезанный арбуз и каких-то двух старичков, которых очень трудно разобрать. Говорят, что эта картина висела в „главной спасской конторе“. Тогда не о ней ли упоминается также в другом рассказе Ив. Серг. Т-ва, „Контора“. „На другой картине два старика ели арбуз: из-за арбуза виднелся в отдалении греческий кортик с надписью: „Храм Удовлетворения“.“²⁾ Отличие музейной картины от здесь упомянутой лишь в отсутствии „портика с надписью“. Время ли стерло эту подробность или творческое воображение применялось в данном случае к памяти художника—довольно трудно ответить с точностью. В психологии творчества, несомненно, наблюдается навязчивость некоторых образов и представлений, то и дело возникающих при малейшей ассоциации. Нам думается, что у Тургенева при описании им помещичьих усадеб, дворянских гнезд и „затишья“ всегда вставал знакомый, слишком знакомый с детства, дом в Спасском со всеми мелочами обстановки. Тургенев—редкий гость в России и в редком своем гнезде. Им, как и его героем из „Фауста“, на родине овладевала какая-то „тревожная скука“. Но ему необходимо бывало верой окунуться в родные (хотя и стоячие) воды, чтобы обогатить свой склад описательных реминисценций (воспоминаний). И тогда в своих повестях и романах он то и дело воспроизводит живые мелочи

1) то-же. Бригадир т. VIII стр. 122.

2) Тургенев. Записки Охотника Т. II стр. 162.

одиного быта и обстановки. Связь творчества с подлинной действительностью становится в этом случае ясно ощущаемой и осязаемой. Большое внимание друзей и знакомых Тургенева привлекал к себе громадный широкий диван времен Империи, о котором писали и А. А. Фет ¹⁾ и Я. П. Полонский и который стоит ныне в кабинете Тургеневского Музея (комната 2-ая), возбуждая любопытство многих посетителей. Это—знаменитый „Самосон“, фигурирующий, между прочим и в романе „Накануне“.

„Увар Иванович почивал в мезонине на широком и удобном диване, получившем прозвище: „Самосон“ ²⁾. О нем же Иван Сергеевич сообщал следующее в письме к своему—старому другу („bon vieux“) Флюберу: „Есть, например, опасный диван, на котором непременно заснешь, если сядешь,—я стараюсь его избегать“ ³⁾. В этом письме наш писатель живо рисует обстановку своего кабинета в Спасском, выражая к то же время свое душевное настроение во время пребывания в нем: „Здесь—тишина, которая не возбуждает ни одной мысли. Ни единого соседа на 20 верст кругом. Все застыло в томительной неподвижности. Дом убогий, но прохладный, а мебель недурна. Прекрасный письменный стол и при нем плетёное из тростника кресло (двойного сиденья)... В углу комнаты висит старинный византийский образ, совсем темный: только один огромный лик, сумрачный и суровый. Он слегка мне докучает, но я не решаюсь его вынести: мой слуга сочтет меня за язычника. Здесь, у нас подобные вещи не могут нравиться.“ ³⁾.

Эти строки вполне совпадают с тем, что заключает в себе кабинет-спальня в Тургеневском Музее, воспроизведенный почти с точностью по рисункам Сонни Кольман, которые тоже хранятся в музее. Что касается душевного настроения автора, то как-то невольно вспоминаются некоторые из Тургеневских „стихотворений в прозе:“ та же элегическая грусть, тот же мягкий осенний колорит, блекло-увядающий, в котором чувствуется „умильная таинственная прелесть“, те же стилистические приемы в описании чувств и окружающей обстановки (интерьера). Проходишь по комнатам музея, рассматривая отдельные предметы и вещи,—и выявляются те или иные черты Тургеневского облика, присущие ему привычки, интересные моменты его жизненного пути. Остановишься перед дипломом на звание почетного члена Московского Университета, подписанным Тургеневу в 1880 г. за подписью ректора проф. Тихонравова, деканов Тольского, Троицкого, Давыдова, Легонова и секретаря А. Белястина,—и вспомнится та завидная доля,

¹⁾ Фет. Воспоминания. ч. 1-я стр. 7.

²⁾ Тургенев. Накануне (изд. Салаевых.) т. IV. Стр. 46.

³⁾ Halperine-Kaminsky. Tourguéneff d'après sa correspondance avec ses amis français. Edit Charpentier. Paris. P. 89.

которая выпала Тургеневу, предмету восторженных овадий в эти дни, признанному и достойному ученику - наследнику величайшего русского поэта. Взглянешь на портрет Мих. Н. Лонгинова с автографом на обратной стороне, и пройдет в памяти дружба Тургенева с этим некогда либеральным и способным литератором, правда, большим мастером виртуозной порнографии, впоследствии превратившимся в „сквернейшего в России“ Орловского губернатора, а затем в „главу всероссийской цензуры, Великого Инквизитора словесности“¹⁾. Понятно, дружбе пришел конец. Шахматный столик напомнит нам об увлечении этой игрой и успехах Ив. Сергеевича, о которых он отзывается так: если бы он не был писателем, он наверное сделался бы знаменитым молководцем²⁾, так хорошо он знал все ходы и выходы на поле битв и сражений... за шахматным столиком. Не даром в шахматном руководстве на немецком языке Бильгвера и Лаза мною найдены были выцветшие листки, на которых рукой Ивана Сергеевича записаны были „партии, игравшие им в селе Спаском“ с Е. Колбасиным, причем последний неизменно оставался в проигрыше, хотя и получал вперед ладью и ход. Посмотришь на картины, старинные и современные Ивану Сергеевичу, и невольно вспомнится страсть писателя к их приобретению, что подтверждается его письмами к брату Николаю из Парижа, где Тургенев не пропускал ни одной картинной выставки и покупал произведения французских художников (напр. Мишеля, Милле, Тройона и Руссо). Он и брату советовал заняться ими³⁾. Предки, родители, нянька-кормилица Тургенева, его друзья и современники, очаровательная псевдительница Полина Виардо, не менее очаровательная артистка М. Г. Савина, блеснувшая писателю „прощальной улыбкой“ любви на его „закате печальном“, — все они, спутники жизненного пути поэта, проходят перед взором, смотрят на посетителя со стен и воскрешают, точно в кинематографе, мгновения из жизни великого художника. Отец поэта, юный красавец 19 лет, с нежно-девичьей окраской лица и станом, перетянутым гвардейским мундиром, глядит мужественно - смело, бодро - самоуверенно, этот „великий ловец перед Господом“, столь непохожий по натуре на своего гамлетически - недужного сына. А он уже в юности, в те же годы, отравлен самонализом, рефлексией и скорбная усмешка залегла в очертаниях губ двадцатилетнего Ивана Сергеевича, написавшего в этот период драматическую поэму разочарования и байронических настроений („Стено“). — Таким он выглядит на фотографии Фельтена (Берлин 1838). Суровый облик своенравной помещицы и деспотической матери, какой привыкли изображать Варвару Петровну Тургеневу, мало совпадает с

1) Чуковский. Незаданные произведения Некрасова. СПб. 1918—Миша Стр. 49—53.

2) Mourier Turguénéff à Spasskoé. Veit n. 1899. II. стр. 146.

3) Русская Старина 1885. IX и X.

тем, что дает ее портрет - миниатюра (копия) с чувствительной подписью: — „Рассталась я с тобой милая, но сердцем вечно твоя буду. 1816 г. 27 числа“. Эта дата — год замужества Варвары Петровны, етоль же безрадостного, как и ее девичья доля. Не весело смотреть на красивое лицо „смуглянки“, богатой невесты, соединившей свою судьбу с человеком властно-холодным, умеющим „жить и командовать“, которого, однако, несмотря ни на что, она не могла забыть до конца своих дней. Портрет подарен любимой компаньонке и подруге Евдокии Логривовой (ур. Губаревой), которой принадлежит имеющаяся в Тургеневской библиотеке книга „Кларисса Гарлоу“ Ричардсона. Можно предполагать, что обе подруги - читательницы сеставались далеко неравнодушны к судьбе героини чувствительнейшего и поучительнейшего из романов. Компаньонка Варв. Петр. была выдана ею замуж за незаконного сына помещика Кологривова, носившего по тогдашнему обычаю усеченную фамилию своего отца (Логривов). Надпись на портрете, очевидно, явилась результатом не только литературного поветрия (сентиментализма), но и подлинного сердечного влечения. Варвара Петровна умела не только карать, но и „жаловать“ и одаривать. Об этом свидетельствует та „Опись белью, гардеробу и прочему“, которая находится в музее и составлена на „46 занумерованных полулистах“. Перед нами — весьма любопытный биографический и бытовой документ, о котором стоит сказать несколько подробнее. Большая полу-листовая тетрадь, исписанная крупным писарским почерком, с оглавлением: „Каталог для скорейшего приискивания разных статей“, содержит в себе перечень домашнего туалета и белья, начиная с салопов и кончая какими-то „подтилками“. На полях мелким дамским почерком сделаны заметки об употреблении той или иной принадлежности гардероба. Не беремся категорически утверждать, чья именно рука их писала; сама ли грозная барыня Варвара Петровна, или какая-нибудь кастелянша из приживалок с тольностью сносила в каталог, что „галстук соболей потерян Госпожею на Невском в Марте 1840 г.“, или что капот „зеленый, шелковый на шате. Подарен Ивану Сергеевичу в 1843 году“¹⁾. Из этой драгоценной описи мы узнаем не только о количестве туалетных вещей и гардероба Варвары Петровны, но и о том, кого она особенно оделяла и жаловала: тут упоминаются и сыновья Николай и Иван (третий Сережа, как известно, умер рано 17 л.), и племянницы Вера да Варвара, и отец их Николай Николаевич, и сама Авдотья Кириллова, на „ответственности“ которой лежала „учиненная опись“. Особенно много перепадало „пожалованного“ любимой племяннице Варваре Николаевне, впоследствии вышедшей замуж за Арсеньева (во втором замужестве Мосина)²⁾

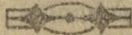
¹⁾ Орфография подлинника.

²⁾ У этой Мосиной, жившей в последние годы в Карачеве Орлов. губ., имелось вероятно Тургеневских реликвий, но нам не удалось нанасть на ее и их след.

Добавлением к этой описи служит другая тетрадь такого же рода „Сундук при гордеробе“ (1846 г.). Нам не удалось установить, знали ли об этих „реестрах“ Иван Сергеевич или нет, но можно думать, что он использовал бы имеющиеся в них бытовые мелочи для типичной обрисовки обитателей помещичьих гнезд. Ведь умел же он оквазь вещи вскрывать душу живого человека и по мелким штрихам восстанавливать характерное в психологическом и общественно-бытовом отношении. Как мастерски использовал он, например, „три портрета“, висевшие в одной из комнат Спасекого, связав с ним заманчивую, но ключальную, семейную историю. Не забыл он также и тех „беговых дрожек“, на которых охотился со своим Ермолаем и о которых упоминает в „Вирюке“. Они, может быть, совершенно скопированы с „беговых дрожек“, на которых однодворец Овсянников⁴⁾ об'езжал „рыбного битюка“. Не даром художник Соколов, иллюстрировавший в 70-х годах „Записки охотника“, воспроизвел в точности этот „домодельный“ экипаж, ныне особенно привлекающий внимание посетителей музеев.

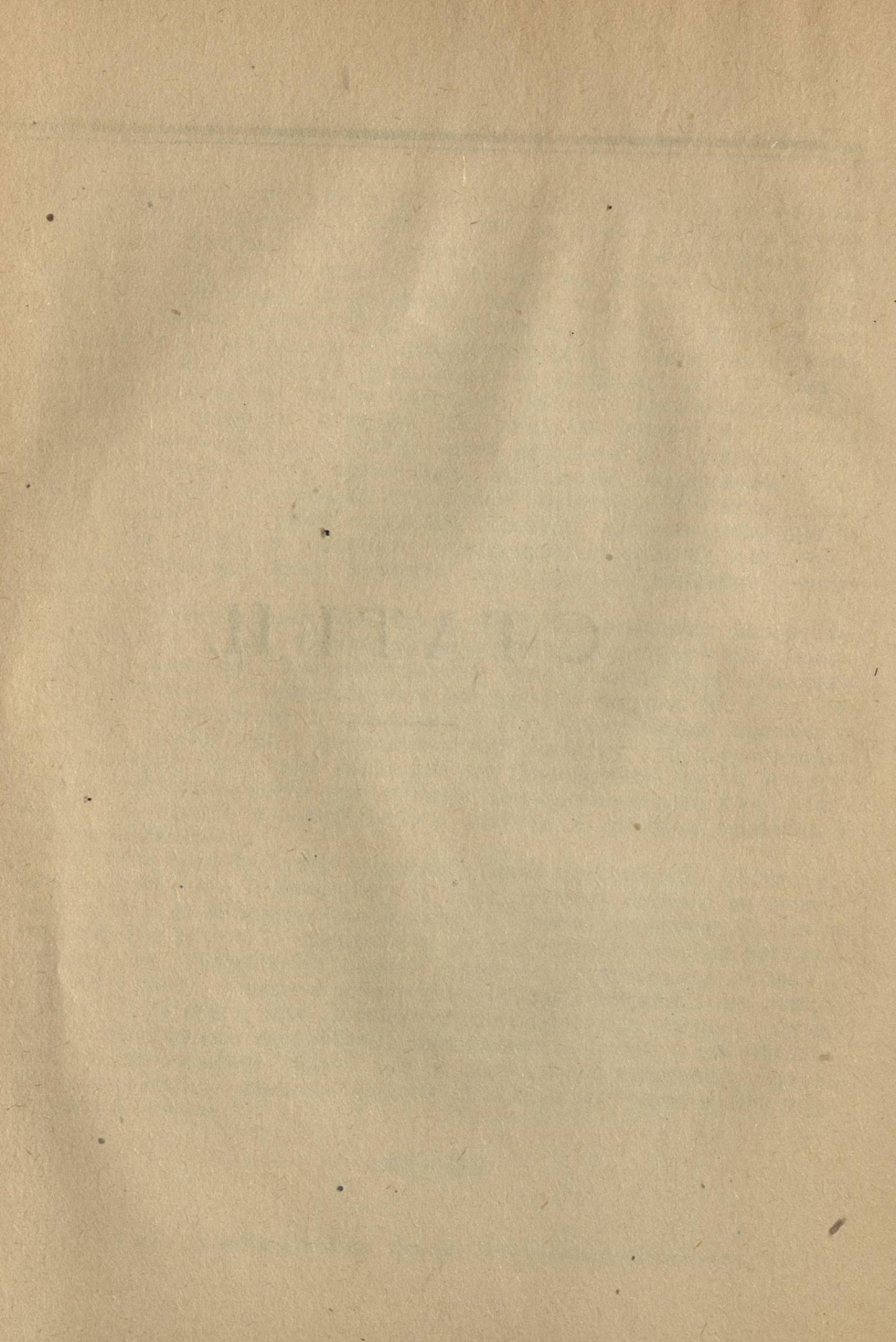
Мы указали лишь известную часть вещественного материала, находящегося в Тургеневском музее, именно ту, которая тесно связана с его творчеством. Действительность, даже „мелочи быта“ находят свое отражение и преломление в рассказах и романах Ив. Серг. Романтик по настроению и чувствам, он в художественных приемах и стиле неуклонно шел к художественному реализму. Не протоколируя и не копируя быта, как некоторые его французские друзья, он претворял действительность в поэтически импрессионистский узор, пользуясь для всего художественного полотна и сочными красками и нежной акварелью.

В 60-е годы Тургенев переживал своего рода „смутное похмелье“. Его охватило, как и Лаврецкого и героя „Фауста“, настроение душевного покоя и смирения (резиньяции). В таком душевном состоянии его особенно тянуло к прошлому и в нем сильнее звучали воспоминания. „Из прекрасного далека“ Тургенев устремлялся мыслью к себе на родину, и мелочи деревенских будней вставали в его воображении. Преследить эти „мелочи“ в его повестях и романах, связать их с вещественным материалом, хранящимся в музее, и тем оживить, как художественный облик, так и житейскую обстановку нашего писателя, — такова скромная задача, поставленная нами в этом вступительном очерке.

⁴⁾ Тургенев. Записки Охотника. Издание Лито Наркомпроса. 1918. стр. 64 и 179.

СТАТЬИ.

Тургенев и его предки в качестве читателей.

(По материалам Тургеневского Музея и библиотеки).

I.

Многие посетители Тургеневского Музея хорошо знают, что наибольшую ценность в нем представляет библиотека, состоящая из книг, как унаследованных Ив. Серг., так и приобретенных им лично. По ним можно определенно судить о читательских интересах и литературных вкусах Тургенева и его предков. Об этом мне приходилось писать на страницах издававшегося в Орле ежемесячного журнала „Свободный Путь“¹⁾. Но до сих пор не удавалось сообщить в печати более полных и подробных сведений о характере книжного богатства, хранящегося в Тургеневской библиотеке, о ее редкостях и особенностях, о тех надписях и автографах, которые дают интересный историко-литературный и бытовой материал, проливающий кое-какой свет на те или иные стороны жизни и творчества Ив. С. Тургенева. В виду того, что статья наша „Литературные вкусы Тургенева и его предков“, помещенная раньше в упомянутом журнале „Свободный Путь“, вследствие очень слабого распространения последнего среди читающей массы, осталась почти неизвестной, мы позволяем себе воспользоваться теми данными, которые имеют связь с настоящей работой, значительно дополнив и расширив ее пределы и возможности. Сначала познакомимся с составом и общим характером Тургеневской библиотеки. Ед можно разделить на две неравномерные части: 1) большая (унаследованная), являющаяся типичной для средне-дворянского помещичьего круга, к которому принадлежали Лутовиновы и Тургеневы, и 2) меньшая, принадлежащая самому пи-

¹⁾ „Свободный Путь“. Орган Орл. УОНО. 1/III 1920 г. № 1—стр. 17—19.

сателю и характерная исключительно для него. К этой последней при-
мыкает и купленная Ив. Серг. небольшая библиотека В. Г. Белинского.
Первая часть библиотеки Ивана Сергеевича Тургенева составлена
по общему вкусу и интересу, которые присущи были обя-
зателям „Дворянских гнезд“ и провинциального „затишья“ в
период с середины XVIII-го до конца 30-х годов XIX-го. Эту часть
библиотеки мы в полном праве назвать „Лутовиновской“, так как громад-
ное количество книг принадлежит предкам Ив. Серг.—Лутовино-
вым и его матери Варваре Петровне (урожденной Лутовиновой). Их
читательский интерес определяется тут с достаточной полнотой и точ-
ностью. Подбор книг при составлении библиотеки—столь же живой
показатель внутреннего мира и духовного развития личности, как
костюм и обстановка—для ее внешнего вида и обихода. Большинство
книг в Тургеневской библиотеке на французском языке (из 3662 томов—
2232). Можно утверждать, что ни Лутовиновы, ни Тургеневы не сле-
дили внимательно ни за немецкой ни за английской литературой да
едва ли и знали и тот и другой язык. Правда, среди книг попадаются
довольно старинные сочинения на немецком языке, приобретенные
может быть, еще предками Тургенева, но их очень мало и появление
их в библиотеке скорее случайного характера, так как почти ни на
одной из них нет ни инициалов ни подписей свидетельствующих о
принадлежности их Лутовиновым или Варваре Петровне. На француз-
ских же и русских книгах таковых попадаетея весьма порядочное
количество. Тут нет ничего удивительного.

Семья Лутовиновых-Тургеневых чрезвычайно типичная для про-
винциального барства „времен Очаковских и покорения Крыма“. Фран-
цузомания проникла из столичных высших сфер, вместе с пудренными
париками и мушками, и в захолустные поместья Мценского уезда
Орловской губ. Не мудрено, что Лутовиновы-Тургеневы, более или
менее усердные читатели, следившие за литературными новинками и
даже модой, выписывали лишь французские книги и журналы и читали
произведения немецких и английских авторов в переводах на фран-
цузский язык. Этот факт подтверждается, например, тем, что напу-
мевший роман Гете „Страдания молодого Вертера“, ставший особенно
модным лишь в начале XIX-го века, был приобретен и читался Вар-
варой Петровной на французском языке, так-же, как и не менее по-
пулярный английский роман Ричардсона „Кларисса Гарлоу“. Любо-
пытно кстати отметить, что в Тургеневско-Лутовиновской библиотеке
имеется „История Государства Российского“ Карамзина на француз-
ском языке. За французским отделом по величине следует русский
(свыше 800 т.), но и в нем очень много французских авторов. Лучшие
всего представлены и в том и в другом отделе классическая беллет-
ристика и драматургия с одной стороны и просветительно-освободи-

гелная литература с другой (XVII и XVIII в.в.) Для изучения французской драматургии этого периода тут настоящая сокровищница. Отметим хотя бы целые коллекции репертуара в издании Менар-Раймона или Лепентра, включающие от 50 до 80 томов.

Состав Тургеневской библиотеки ясно показывает читательские интересы и вкусы двух поколений: от 70-х годов до конца XVIII-го века и от 90-х годов до конца 20-х последующего столетия.

Классическую и просветительную литературу (XVII—XVIII в.в.) сменяет волна романтизма, и Тургеневы-читатели, главным образом Варвара Петровна, не обходят вниманием и этого нового течения. Остановимся несколько подробнее на характеристике литературных пристрастий, прежде всего, старшего поколения Лутовиновых, дедов и бабок Ивана Сергеевича. Оба владельца Спасского, братья Алексея и Иван Лутовиновы, являются усердными читателями самых разнообразных сочинений. Они „идут с веком наравне“. Их инициалы и автографы значатся и на изданиях Новикова, и на сочинениях Мабли, Вольтера, Монтескье и на научных лекциях Фергусона по механике и гидравлике в русском переводе Льва Собакина. „Размышления о греческой истории“ аббата Мабли, письма Вольтера к Шувалову. „Мемориал графа Калиостро“, исторические опыты Мармонтеля („Инки“), житие канцлера Бакона (Бекона), „Новый опыт о великих происшествиях“, комедия Мольера и „История о странствиях вообще“, переработанная Лагарпом из сочинения аббата Прево—такой круг чтения Лутовиновых, особенно Алексея, которому принадлежит большинство вышеназванных книг. Здесь, как видите, имеется почти все нужное „для вкуса и разума“. К сожалению, никаких заметок на полях книг не имеется, и нам приходится делать лишь более или менее обоснованные предположения о характере и умственном развитии дедов Ив. Серг. Из трех братьев Лутовиновых, повидимому, старший Петр Иванович, отец Варвары Петровны, был самым заурядным помещиком. Книг с его инициалами или подписью в Тургеневской библиотеке нет ни одной, и это дает мне основание предполагать, что он принадлежал к тем помещикам, которые не читали ничего, кроме „Санктпетербургских Ведомостей“¹⁾, календарей и сонников. Иван Иванович немногим, пожалуй, отличался от старшего брата. На это указывает и сам Иван Сергеевич Тургенев в повести „Три портрета“, где в уста рассказчика вложены следующие слова: „Мой дед и брат его, Иван Иванович, были люди простые, добрые, смиренные и грустные“²⁾. Зато о среднем—Алексее—этого сказать нельзя. Он-то и является героем повести и выведен под именем Василия Лучинова. Поэтому, мне думается, что ошибается Гутьяр, утверждая, что „Васильи Иванович Лучинов, умный, изво-

¹⁾ В Тургеневской библиотеке имеются таковые в одном экземпляре 1754 г.

²⁾ Полн. собр. сочин. Тургенева И.д. Самара VI—103.

ротливый, смелый до дерзости и человек без всякой нравственности, — один из сыновей Ив. Андр. Лутовинова, очевидно, младший Иван Иванович ¹⁾.

По рассказу известно, что Василий Ив. умер молодым, разбитый параличом, тогда как Иван Иванович жил до преклонных лет (1753—1813) и отличался необыкновенной скупостью. Алексей, напротив, столько же необузданный, сколько и расточительный, быстро растратил свои силы и умер в 90-х г.г. что опять-таки совпадает с указанием автора в той же повести: „твардии сержант Вас. Ив. Лучинов, скончавшийся волею Божиею в тысяча семьсот девяностом году“ ²⁾. Если припомнить, что Василий Иванович воспитывался у петербургского родственника, „человека не молодого, холостяка, страшного вольтерьянца“ ³⁾, то понятен будет тот подбор книг, который принадлежит его образованию—Алексею Лутовинову. Он, без сомнения, как и его брат Иван, был заражен этим общественно-историческим „поветрием“. Нет ничего удивительного, что среди их книг обретается любопытное издание сочинений г. Волтера, выпущенное в городе Козлове в 1791 году, в переводе Левицкого, вжидением Ивана Рахманинова (И. Р.). Но еще более показателен в этом отношении рукописный „Кандид“ (70 г.г.), тогда запрещенный, о котором дважды упоминает Ив. Серг. Тургенев и в повести „Фауст“ и в романе „Новь“. Этот редкостный экземпляр в хорошо сохранившемся переплете имеет на корешке (внизу) инициалы: А. Л. (Алексей Лутовинов). Алексей умер рано и потому не претерпел той психологической метаморфозы, которая обычно постигала русских „вольтерьянцев“ из помещичьей среды: под старость они превращались в жестоко-угрюмых, сурово-замкнутых, религиозно-трусливых крепостников, кающихся в вольнодумных грехах своей молодости, скаредных тиранов, каким сделался, наприм, Иван Иванович. Он отдал дань в молодости модному поветрию, а впоследствии этот „вольтерьянец“ соорудил на свои средства, несмотря на всю скупость, церковь в Спасском, (которая стоит и до сих пор).

Не менее интересно осветить литературный вкус в круг чтения со стороны женского поколения. Русские барышни в провинции лишь в эпоху Екатерины II-й (в 70 г.г. XVIII-го в.) „начали почитать романы“ не только французские, но и русские, а также и переводные, в роде „Похождения маркиза Глаголя“, „Фанфана и Лолоты“, „Алексея

¹⁾ Гутьяр. Предки Тургенева Русск. Стар. 12, 1907, 658.

²⁾ У Мурье оставлен год 1796. (Tourguéneff à Spasskoé 1899 стр. 8). Точность даты сомнительна, как и многое в этой книге.

³⁾ Полн. Собр. соч. Тургенева. VI, Стр. 104.

⁴⁾ „Новь“ (изд. Салаевых) т. V стр. 326. 1880 г. У Фомушки „под его изголовьем, в заветном ящике сохраняется рукописный Кандид.“ См. „Фауст“ Соч. т. VI-стр. 179.

или Хижини в лесу" ¹⁾. Бабка Тургенева, Екатерина Ивановна Сомова (по второму мужу), читала романы де-Жанлис, Дюкре - Дюмениля и даже Вальтер - Скотта. В библиотеке имеется много таких романов с надписью: „из книг Екатерины Ивановне Осмоной" ²⁾. Ее дочь, Варвара Петровна Тургенева сделала значительный шаг вперед в области расширения читательских интересов и литературных вкусов. Она имела большую склонность к познанию природы и к описаниям путешествий. Можно составить целый отдел самых разнообразных сочинений — и на русском и на французском языках, какие появлялись в то время на книжном рынке. Тут путешествия и по Европе, и в Индию, и в Америку, и к Северному полюсу Кука. Любопытное психологическое противоречие: эта консервативно - оседлая помещица мысленно постоянно устремлялась в неведомые ей страны не только Европы, но и Азии и Америки. Она читала свое воображение географической энциклопедией, подобно тому как ее дядя Алексей „украшал" свой ум вольнодумными идеями, почерпнутыми из сочинений г. Вольтера, Монтескье, аббата Мабли и др. Кроме путешествий, она увлекалась особенно ботаникой, изучая ее не только теоретически, но и практически. Устройство садов, цветников, оранжерей — ее страсть. Занимаясь садоводством, любя цветы, Варвара Петровна выписывала и научные сочинения по ботанике и естествознанию вообще, и всевозможные руководства по устройству садов и цветников. Напр. альманах „Le bon jardinier" (3 т.), „Le jardinier des fenêtres", Boitard „Manuel complet de l'architecte des jardins". „Promenade au marché aux fleurs" и др.). Не даром ее дети, Nicolas et Jean, чтобы угодить „суровой мамаше", поднесли ей в день ангела (4 — XII 1825 г.) книжку по ее вкусу: „Le jardinier fleuriste" par Liger. Однако, можно думать, что ее интересы к книге не замыкались в очень тесном круге. На это указывает обилие и разнообразие книг с ее собственноручной подписью (Barbe de Tourguéneff). Разумеется, она читала более всего по французски и, главным образом, романы де-Сталь, Шарля Нодье, Шатобрियана, Пиге - Лебрена, д'Арлинкура и пр. Некоторые биографы И. С. Тургенева указывают, что его воспитание и образование сложилось исключительно под влиянием французomanии и что в семье Тургеневых - Лутовиновых господствовало полное пренебрежение всем родным - русским, в том числе и литературой. Эти утверждения основаны отчасти на следующих авторских словах, помещенных в повести „Пунин и Бабури" (Париж 1874 г.). „В нашем доме не только не обращали никакого внимания на литературу, на поэзию, но даже считали стихи, особенно русские стихи, за нечто совсем непристойное

¹⁾ „Три портрета" т. VI стр. 110.

²⁾ Точная орфография.

и прошлое: бабушка их даже не называла стахами, а „кантами“; всякий сочинитель кантов был, по ее мнению, либо пьяница горький, либо круглый дурак¹⁾. Если в данном случае совершенно не отделить *Dichtung* (т. е. художественный прием усиления для развития дальнейшего рассказа) от *Wahrheit* (подлинной действительности), то получится значительное противоречие; так называемая здесь „бабушка“, или Варвара Петровна, очень внимательно следила за литературой, между прочим, и русской, так как в ее библиотеке находятся не одни французские авторы, но и Богданович, Веневитинов, Востоков, Жуковский, Загоскин, Измайлов, Карамзин и многие другие, и нет оснований предполагать, что она их не читала. Язык писем Варв. Петр. свидетельствует с некоторой наитанности сентиментально-книжными выражениями на ряду с „народными оборотами“. Она „умела писать увлекательно и остроумно“. От своей матери (Е. И. Сомовой) унаследовала Варв. Петр. склонность к чтению и похвальное стремление приобретать „понятие о вещах, вне нашего или ее круга делающихся“. Она одобряет свою мать за интерес к политике и литературе, за чтение романов, даже русских. Правда, она не пошла в признании литературы дальше Пушкина, которого едва-едва считала „замечательным писателем“, но, значит, современную ей русскую литературу (10-х и 20-х г.г. она знала и признавала²⁾). Отношение же ее к писательству сына и к позднейшей литературе—довольно типичная черта представителей старого поколения, вечно и враждебно взвращающего на „ветреную младость“ с ее порывами к новизне и самодеятельности. К тому же сказались и неискоренимые сословно-дворянские предрассудки. Если Варвара Петровна любила читать, то нельзя того же сказать о ее супруге Сергее Николаевиче. К сожалению, мы не можем столь определенно судить о книжном интересе и литературных пристрастиях этого последнего, так мало следов (инициалов и автографов) имеется от него в Тургеневской библиотеке. Лишь на собрании сочинений Вольтера (*Voltaire Oeuvres*, 1819—22 г.) стоит штампель: „из книг С. П. Тургенева“, но большинство томов (издание Ренуара) не разрезано. Отсюда можно было бы сделать вывод о равнодушии отца Тургенева к книге, о его слабой начитанности, об отсутствии у него определенного литературного вкуса, но этот вывод оказался бы довольно неосторожным и рискованным. Мы напомним лишь свидетельства современников и самого поэта, говорящие о том, что этот обольстительный жуир, сильный натурой, гораздо лучше умел жить во всю и владеть жизнью, чем позавать, мыслить и ре-

¹⁾ Цитир. повесть. Соч. Тур-ва. Т. IX. Стр. 209.

²⁾ Тургеневский сборник „под редакцией Писсанова, И. Маяшова. Письма матери. Стр. 26—27 (П. 1915. Огни).

флексировать, как его талантливый сын. Для него „вся штука жизни“ была в том, что „самому себе принадлежать, брать самому, что можно, а в руки не даваться“ Он умел, хотел, чтобы быть свободным и командовать, а хотел прежде всего и больше всего жить—и жил...¹⁾ Его духовные запросы, очевидно, были не так глубоки и значительны, как у гамлетически-раздвоенного сына его. Будем сдержанны, все-таки, в конечном приговора и укажем лучше на то, что фамильная библиотека Тургеневых - Лутовиновых составлялась не систематично и не всегда по вкусу и влечению ее владельцев, но подчас случайным и беспечным путем. Книги приобретались и присылались из книжных лавок Москвы целыми кипами, но значительное число их даже не разрезано и, повидимому, никем не читалось. Не дошло до нас ни описи, ни каталогов того времени. Однако, почти все они перенумерованы (снаружи и внутри), при чем нумерация производилась не раз, но опять - таки кем и когда, — мы не знаем. Системы в подборе книг тоже никакой. Судя по тому, что в библиотеке Тургенева нашлось несколько каталогов выпущенных книжными магазинами в Москве Рисса, Юрбэна и Готье (Riss, Urbain, Gautier), можно предполагать, что эти поставщики книг высылали Тургеневым по заказу оптом целый ряд книг, не разбирая их ценности и насущной пригодности для чтения. Делались большие заказы на туалетные принадлежности и домашние мелочи, как о том свидетельствует „опись гардеробу и белью“ В. П. Тургеневой 43 и 46 г.г., — точно также заказывались и получались книги. Просматривая эти „резстры иностранным книгам, продающимся в книжной лавке Ивана Иванова Готье, на Петровке, близ Кузнецкого моста, в доме г-жи Анненковой“ (за 1817—18 г.г.), мы, лишь около некоторых названий, видим поставленную отметку, а между тем громадное количество изданий, помеченных в каталоге, имеется в Тургеневской библиотеке: различные *beautés de l'histoire, voyages, magasins des enfants et des adolescents, manuels pratiques, de géographie, de l'histoire* и т. п.

Так составлялась эта библиотека, повидимому, родителями и предками Ив. Серг. Когда мы обращаемся к собственной библиотеке Ив. Серг. Тургенева, мы замечаем и большую систематичность и меньшую случайность подбора: тут сказываются определенные духовные потребности, которые книга должна удовлетворить. Авторы не только читаются, но и изучаются: одни служат к истолкованию других, а их совокупность дает ключ к познанию той или иной дисциплины в целом; образуются циклы знаний в области научной мысли и художественного творчества. Собственные книги Ив. Серг. Тургенева почти все переплетены, аккуратно подписаны или означены инициа-

¹⁾ „Первая любовь“ Изд. соч. то же Т. стр. VII. Стр. 325—326.

(Ив. Т.): многие из них снабжены его заметками карандашом. Тургенев имел привычку, подписывая свое имя на книге, ставить внизу или сбоку с другой стороны обозначение года и города, где приобреталась книга. Вот тут-то и заключается громадный интерес для того, кто изучает личность и творчество великого художника. Мы займемся, главным образом, тем периодом его жизни, который намечается основными датами, поставленными, как веки, на его книгах: это—студенческие годы (Берлин 1837—38) и затем последующие, охватывающие пребывание в Москве, Петербурге и Париже (1839—1858), а также годы ссылки в селе Спасском (52—56). Но сперва позволю себе провести небольшую параллель между двумя братьями Тургеневыми—Николаем и Иваном Серг., пользуясь тем материалом, который дает нам библиотека. От Николая Сергеевича осталась небольшая библиотека, томов свыше ста, состоящая в большей части из романов легкого жанра, сенсационной французской литературы из уголовной хроники, пикантных приключений и таинственных походов: тут *Жань Сю* со своими *Les misteres du monde*, *Габрио*, *Дроз*, графиня *Дам*, *Ксавье де-Монтелен*, *Понсон дю-Терраиль*, *Шавэтт* и многие другие. Он хорошо знал и английский язык и читал опять-таки почти одни романы *Вальтер-Скотта*, *Диккенса*, *Текнера*, *Бульвера* и пр. На всех этих книгах стоит тот самый штампель: „Ник. Серг. Тургенев“, который хранится в Музее. Очевидно, что у брата Тургенева было большое влечение к романам, ибо он приобретал и тех авторов, которые в 60-х—70-х г.г. создали во Франции целый цех, определенное натуралистическое направление, и принадлежали к группе молодых „сифлиэ“ (*sifflés*), собиравшихся в Парижском ресторане Маньи: это знаменитые друзья Ив. Серг. Тургенева: *Флобер*, *Гонкур*, *Золя*, и *Додэ*, к которым позднее присоединились столь противоположные Тургенев и *Мопассан*. Иван Сергеевич, впрочем, не очень тяготел к „роману приключений“ и к „физиологической“ беллетристике 50—70-х г.г. Не даром он прошел длительную романтическую школу (с конца 40-х по 50-е годы) и не забывал своих первых учителей и властителей дум, о которых мы скажем впоследствии. Изучив при помощи брата английский язык, Иван Сергеевич гораздо больше читал лириков-романтиков в роде *Кольриджа*, *Байрона*, *Шелли*, *Китса*, а из беллетристов особенно *Диккенса* и *Бульвера*. Так, повидимому, разошлись во вкусах два брата: Иван Серг. от юных дней был охвачен романтической тягой, и это не могло не отразиться на его читательском облике, как и на его творчестве. Его брат отличался определенно-положительным и трезвым направлением ума, видя в книге хорошее средство или от скуки или для приятного времяпрепровождения. Серьезных, — научно-философских книг, принадлежавших Николаю Сергеевичу, в Тургеневском Музее не имеется.

Теперь возвратимся к читательскому облику Ивана Сергеевича. Но библиотеке можно проследить его почти с детских лет до сорокалетнего возраста (1858), после которого его пребывание в родном гнезде становится все реже и реже. Тут попадаются учебники и руководства, по которым учился он и его младший брат Сережа. Грамматика разных языков, учебная книга Греча, систематическое обозрение литературы в России, составленное Шторхом и Аделунгом, словари и упражнения (exercices et leçons) Гольтье (Gaultier), сочинения по истории и мифологии, немного повестей и рассказов — вот что питало детский ум братьев Тургеневых, Мифология оказалась особенно памятной писателю; отсюда reminiscences в рассказе „Пуни и Бабури“ (1874 г.): строгая бабушка ворчливо посылает мальчика-внука, которого она держала в ежовых рукавицах, учить свой урок из мифологии. Но мальчик пошел не учить мифологию, а в сад, где случайно встретился в Пуниным. ¹⁾ Скучны наши сведения об этом периоде. Однако, мы обратим внимание на одну очень интересную книгу, с детства знакомую Ивану Сергеевичу и дважды воспроизведенную в его романе „Дворянское гнездо“. Вот что мы читаем здесь: „По воскресеньям, после обеда, позволяли ему (Феде Лаврецкому) играть, т. е. давали ему толстую книгу, таинственную книгу, сочинение некоего Максимовича-Амбодика, под заглавием „Символы и Эмблемы“. В этой книге поминалось около тысячи частью весьма загадочных рисунков со столь же загадочными толкованиями на пяти языках. Купидон с голым и пухлым телом играл большую роль в этих рисунках. К одному из них, под названием: „Шафран и Радуга“ относилось толкование: „действие его есть большее“; против другого изображавшего „Цаплю, летящую с фиалковым цветком во рту“, стояла надпись: „Тебе все они суть известны“. — „Купидон и медведь, лижущий своего медвеженка“ означали: „Мало-по-малу“. Федя рассматривал эти рисунки: все было ему знакомо до малейших подробностей; некоторые, всегда одни и те-же заставляли его задумываться и будили его воображение; других развлеченный он не знал“. А через несколько страниц опять упоминается о той же „таинственной книге“, которую уже поживший Лаврецкий, возвратившийся в родное Васильевское, нашел среди „нескольких старых календарей и сонников“. — „Много воспоминаний возбудили в нем давно-забытые, но знакомые „Символы и Эмблемы“. ¹⁾ Что то личное, пережитое слышится в этих строчках. Тургенев писал роман „Дворянское гнездо“ (1858) за границей, „из прекрасного далека“. Он, конечно, не мог иметь книги Максимовича Амбодика под руками. А между тем, если не считать небольшой перестановки слов в заглавии, Тургенев сохранил удивительную точность в передаче рисунков и

¹⁾ Полн. Собр. соч. т. IX (Салаевых 1880 г.) стр. 198. Цитир повесть.

надписей. Очевидно в самом авторе, как и в Лаврецком, это „таинственное сочинение“ с детства оставило глубокий след живых восприятий и прочих воспоминаний. Больше ста лет существует эта ныне растрепанная, потертая и выцветшая книга, в которой недостает очень многих страниц. Потрескавшийся неплотный переплет-обложка изображает, надо полагать „богиню наук и искусств вообще“ с крыльями на плечах и с венчиком над головой, простершую одну руку на треножник, а в другой держащую свиток с надписью по латыни: „Emblemae symbola“. Около ее подножия инструменты и знаки прикладных наук, земной шар, кисти с налитрой и пр. Вокруг-виньетка из рогов изобилия и факелов. Сочинение Амбодика, вышедшее в нескольких изданиях (при Петре, Екатерине, II и Александре I м), несамостоятельное: это-перевод с голландского, дополненный и обработанный Нестором Максимовичем-Амбодиком, по повелению царя Петра I-го, как о том, свидетельствует „пред'извещение“. Заканчивается „сия книга“ виньеткой с надписью: „Трудна путь к добродетели“:—*Ardua ad virtutem via*“. „А на внутренней стороне задней обложки чьей-то детской рукой нарисованы символические рисунки, не менее таинственно-загадочные: какое-то шествие к солнцу и сердце, пробитое стрелами. Кто оставил живой след карандашом на этой книге,—трудно сказать с точностью. От детских лет перейдем к юношеским студенческим годам Ив. Серг. Относительно этого периода в музее, пожалуй, более всего интересующего вас материала. Во первых, почти вся немецкая библиотека, которая содержит в себе книги, приобретенные в Берлине и Лейпциге от 1837 до 1841 года. Известно, что Ив. С. Тургенев по своему образованию настоящий классик. Его духовное развитие зиждилось на двух основаниях: классическая литература и идеалистическая немецкая философия. Его мировоззрение складывалось почти исключительно путем усвоения гуманитарных знаний и дисциплин. Но он—классик немецкого типа, истинный воспитанник немецкого университета. Тургенев-студент изучает древних авторов, поэтов и философов, в подлинниках и с немецкими комментариями. Гомер, Софокл, Эврипид, Овидий, Гораций и другие, с одной стороны, Платон в комментариях Шлейермахера, Аристотель, Ливий, Фукидид, Цицерон—с другой—вот кого изучает юный Тургенев в Берлинском Университете. Реализм в поэзии и идеализм в области философии составляют неразрывную основу его художественного творчества и мировоззрения. Все же он был гораздо ближе к метафизическому идеализму и творческой интуиции, чем к естественно-научному позитивизму и рационализму (60-х годов).

¹⁾ „Дворян. гнездо“. Соч. Т-ва т. IV стр. 185 и 217. Тургенев неточно передает заглавие: в подлиннике „Эмблемы и символы“. Под „символами“ Амбодик разумеет „остроумные изречения“ или „краткие надписи к эмблемам а под этими последними—остроумные изображения, или „замысловатые картины“.

Немецкие романтики и натур-философы 20-х и 30-х годов (Новалис, Тик, Стеффенс, Шлегели, Шеллинг) дополнили и закончили то, что было положено изучением античных авторов. Тургенев студент не оставял без внимания и трудов в области истории и филологии. Он вообще имел обыкновение изучать не одну литературу, но и язык нашего народа, познавая, с другой стороны, философское развитие в связи с историческим ходом. Тут к его услугам были немецкие профессора, историки, философы и лингвисты, как Гегель, Шлоссер, Ранке, Гервинус, Цумпт, Бок, Марбах, Вердер и пр. Под их влиянием Тургенев навсегда сохранил приверженность к идеалистическому миропониманию и философскому романтизму. Нужно заметить, что он прекрасно изучил и французский классицизм (XVII и XVIII в.) но его рационалистической дух мало пленял русского писателя, определенно тяготевшего в молодые годы либо к протестующему романтизму Байрона либо к романтическому идеализму Фридриха Шиллера.

Вспомним для примера некоторые из его повестей и рассказов раннего периода. Как часто в них упоминаются и цитируются романтики, поэты и писатели, в которых бьется полное любви и мечтательности сердце, которые лиричны по своей натуре и идеалистичны и по своему мирозерцанию. Романтические Gemüth und Sehnsücht были в высшей степени присущи юному Тургеневу и не даром он так любовно нарисовал в 55 г. образ русского романтика Якова Насынкова, у которого была настоящая die schöne Seele. Немецкая философия (Гегель) и романтическая поэзия, как ее спутница, были источником, из которого молодой Тургенев с жадностью почерпал идеи и настроения. Книжки его, приобретенные в студенческие и позднейшие годы, весьма показательны. На них довольно много заметок и характерных надписей. Штудирруя, например, об'емистую „Энциклопедию“ Гегеля (Hegels Encyclopädie 1830 32 г. Берлин-Гейдельберг, изд. Дункер и Гумблот), Тургенев испещряет эту книгу карандашными заметками и подчеркиваниями. Иногда юная шаловливая рука позволяет себе рисовать на страницах почтенных сочинений карикатурные профили с длинными носами и делать оторонние замечания в роде следующих:

„Станкевич умер 24-го июня: 1840 года“. (N. Stankevitch ist am 24 ten Juni 1840 gestorben.), а под этим „Я познакомился с Мих. Бакуниным 25-го июля 1840 г.“ (Ich bin mit M. Bakunin am 25 Juli 1840 bekannt geworden). Тут же заметки по немецки, чей-то портрет-фас и надпись (Karl Ludvig Börne) На другом томе (Hegels Werke стоит цитата по-английски из „Гамлета“: „Человек он был во всем значеньи слова, — Нам не найти подобного такого“. (He was a man take him for all in all. We shall not look upon him like again)“. И здесь в тексте passim подчеркивания, знаки вопроса, немецкие слова и такого рода памятка: „До сюда 10-го июля в пятницу“. (Стр. 152). На внутренней стороне

обложки (сзади) рядом с вычурной подписью. К. Galitzin (?) перечень почти всех немецких профессоров, учителей Тургенева, книги которых имеются в его библиотеке: Вердер, Пумпф, Бок, Михелет, Габлер, Райке, Ватке, Гото, Стеффене, Дюннер, Ротшер и др.

В другой книге, которую изучал Тургенев, не менее замечательной для выявления его читательских интересов, — Фишера (Visher) „**Возвышенном и комическом**“. (Очерк философии прекрасного), — встречаются точно также его пометки к тексту в роде: „nicht jeder verdient zu sterben — не всякий заслуживает того, чтобы умереть“ (стр. 133). („Ueber das Erhabene und Kômische“).

В течение этого периода (1838—48) Ив. Серг. Тургенев завязал тесные сношения с людьми 40-х годов: Грановским, Станкевичем, Велинским и проч. Его связи с ним не остались без следа в Тургеневской библиотеке. В 1838-м году он получает в Берлине в подарок от Грановского полное собрание сочинений Шекспира на английском языке: это — очень об'емистый том в Лейпцигском издании Флэйшера (1833 г.) с автографом I. Turgeneff и с надписью рукой Грановского:

„Со страхом . . . и верою приступите“.

От Н. В. Станкевича имеется только одна книжка, вероятно, случайно попавшая к Ив. Серг., а именно: **Кольрауш**. „Очерк всемирной истории“ на немецком языке (Kohlrusch Abriss der Welttshieje) и на ней автограф „Н. Станкевич“ и запись петербургского адреса Неверова.

Что касается В. Г. Велинского, то следов его близости к Ивану Серг. Тургеневу среди книг последнего очень много: как известно, после смерти критика Ив. Серг. приобрел у вдовы его значительную часть книжного его наследия, и эта содержит в себе столько интересного в историко-литературном отношении материала, что о нем мы постараемся дать особый отчет.

В 40-х годах у писателей и читателей, как в Европе, так и у нас, без сомнения, сильно возрастает серьезный интерес к социально-политическим вопросам и проблемам. Это отразилось и в беллетристике того же времени. Герцен, например, свидетельствует, что в романах и повестях после 1830 г. везде сильно билась социальная артерия, везде обличались общественные раны (с ведома писателя или нет).¹⁾ Тургенев, конечно, не остался чужд этим интересам. Рядом с Шеллингом и Гегелем в круг его читательских притяжений вошли Бруне Бауэр и Арнольд Руге, который совместно с Карлом Марксом издавал в Париже „Немецко-Французский Ежегодник“²⁾ (Deutsche Französische Jahrbücher). Кончились студенческие годы. Тургенев фланюрует по столицам Европы и России и, увлекаясь очаровательной Полиной

1) Герцен. Вызов и Дума. Ч. 2-я стр. 23.

2) Имеется в Тургеневской библиотеке.

Виардо, отправляется в Париж (1847—50 г.). Волны жизни не поглотили его настолько, чтобы забросить книги и занятия, но характер и тех и других значительно изменился. Опять французские авторы, сочинения по истории революции, по рабочему вопросу и политической экономии. Этот отдел в Тургеневской библиотеке, особенно исторического содержания, представлен чрезвычайно богато. Труды Ансильона, Люн Блана, Мишле, Гизо, Тьера, Тьерри, Сисмонди указывают на то, как следил Иван Сергеевич за текущей литературой по данным вопросам. Отметим также целую коллекцию разнообразных сочинений и мемуаров из истории великой французской революции (напр. издан. Бервилля и Баррьера), в том числе многотомное издание "Choix de rapports, opinions et discours, prononcés à la tribune National depuis 1789 jusqu'à ce jour".

„(Собрание докладов, мнений и речей, произнесенных с Национальной Трибуны от 1789 г. до сего времени) Edition Eumery. Paris. Впоследствии Тургенев, находясь в Спасском, внимательно читал эти недлинные материалы и делился своими впечатлениями о прочитанном. Так, в письме к своему другу Г. Флоберу (от 12 июля 1874 г.) он сообщает: „В деревне, где у меня очень хорошая библиотека, я читал в сочинении под названием „Choix de rapports“ и т. д. речь Робеспьера по вопросу о предании суду Людовика XVI-го. Она оказалась мне изумительно прекрасной“. (admirablement beau)¹⁾ Нужно заметить, что близость Тургенева к супругам Виардо значительно способствовала расширению его книжных и художественно-эстетических интересов. Так, под руководством Полины Виардо в 1847 г. он изучает испанский язык²⁾ и приобретает сочинения Кальдерона и Собрание испанских канцон, романсов и проч. На этих двух книгах в прекрасном издании Бодри (Baudry), как почти всюду, стоят тургеневские подписи с указанием года и города (Paris 1847). Можно думать, что Тургенев пользовался при изучении испанского языка немецким пособием Franceson'a (Grammatik der Spanischen Sprache), Leipzig 1843), сохранившимся в его библиотеке. Вот почему, переводя романсы о Сиде, он на полях против подчеркнутых испанских слов ставит соответствующие немецкие. Не забывает Тургенев и итальянской литературы, увлекаясь вышедшими в 40-м году записками Сильвио Пеллино (da Saluzzo) „Мои темницы“ (Lemie prigioni). Разумеется, книжка эта не могла в то время появиться в русском переводе. Можно с известным основанием утверждать, что пребывание Тургенева за границей в годы с 1847 по 50-й окончательно опреде-

¹⁾ Halperine-Kaminski. Tourgueneff d'après sa correspondance avec ses amis français. Paris. 82.

²⁾ Всев. Чехияхл. Виардо и любовь к ней Тургенева. Русск. Музык. Газета № 12. 1916. 178.

лило его литературное устремление к общественно-идейному реализму.

Но, как мы упоминали раньше, пройденная им немецкая романтическая школа (1837—1847) отнюдь не заглушила в своем воздействии на его творческие приемы и общий душевный уклад, и этот поклонник Шюллера и Шеллинга, сохранял в себе черты немецкой романтики даже в 60—70-е годы. Этим можно отчасти объяснить его отрицательное отношение к разрушению эстетики и романтики со стороны молодых позитивистов и реалистов, господствовавших над умами в эти десятилетия. В литературном творчестве он оставался верен старому, если хотите, классическому стилю и отрицательно относился к „экспериментальному роману“ и к так называемому натурализму вообще.

Тургенев, изучивший с детства великих классиков, как античных, так и европейских, очень ценил простоту, изящество и чистоту поэтического языка. Он не выносил не только „перьяшливости“ и небрежности стиля, но и его излишней распушенности, вульгарности и вычурности. Он отвергал словесную шумиху, напыщенную реторику, литературное витийство. Строгий художник-стилист, упрекая многих романтиков за подобные дефекты, автор „Записок охотника“ знал и за собой эти недостатки и тщательно „очищал“ свою художественную прозу. Ценил классическую простоту в поэзии, Тургенев резко критиковал, например, литературную манеру Виктора Гюго, у которого нередко находил много „балласту и бамбасту“, того „эффекта“, которого он советовал чуждаться. Однако, и создатели и главари нового литературного течения не всегда встречали его сочувствие и одобрение. Безусловно излишняя размашистость и резкость Бальзака ему так же была неприятна, как и аффектация В. Гюго. Он признается, что не любит Бальзака и не может перевести и десятка страниц его, настолько этот писатель был „чужд и антипатичен его натуре“. Он признавал талант и в брат Гонкурах и в Зола, но полагал, что они идут вдохим путем, преувеличивая его достоинства. Зато он высоко ставил Жюль Санд за ее благородный гуманистический идеализм, ценил строгую чистоту и изумительную отделку стиля у Флобера, одним словом, оставался верен идеалам классической литературы в самом обширном значении этого понятия.¹⁾

Так читательские вкусы шли рука об руку с литературными устремлениями художника. В этом отношении его библиотека служит очень достоверным свидетелем. Но не менее интересно следить за тем, как те или иные книги, оставаясь в памяти и воображении писателя, впоследствии служили ему для обрисовки характеров и обстановки в

¹⁾ Письма к Полонскому и Кигну. Первое собр. писем Т. СПб. 1885 г.

²⁾ Halperin—Kaminski, Idem. Pđ. 196—197.

его повестях и романах. Я уже указывал на некоторые примеры. Приведу еще два-три. В повести „Несчастливая“ юная лектриса Сусанна читает Ивану Матвейчу Колтовскому „Французские сочинения прошлого столетия, мемуары Сен-Симона, Мабли, Райналя, Гельвеция, переписку Вольтера, энциклопедистов“... т. е. то, что составляло круг чтения бр. Лутовиновых. Там же упоминается о книге Де Жерандо, которую заботливая тетушка предупредительно положила на ночном столике, раскрыв ее на главе „О вреде страстей“, чтобы оградить любимого племянника от этих последних. И эту книжку мы находим в Тургеневской библиотеке, местами отмеченную карандашными штрихами (De Gérande Du perfectionnement moral ²⁾ ou de l'éducation de soi-même. Paris 1824 Renouard). Искусный игрок в шахматы, Иван Сергеевич имел в своей библиотеке руководства к этой игре на разных языках, в том числе Альгайера (Anweisung zum Schachspiele. 1841). В той же повести Фустов рекомендует молодому человеку, от лица коего ведется рассказ— „почитать“ книжку Альгайера или Петрова ³⁾ В романе „Вешние воды“ упоминается о том, что Санин прочел из Гете только „Вертера“ и то во французском переводе ⁴⁾, который имеется в библиотеке среди книг Варвары Петровны с ее автографом. В „Фаусте“ мы читаем следующие строки: „А скучать я не буду. Я привез с собой несколько книг, и здесь у меня библиотека порядочная. Вчера я раскрыл все шкафы и долго рылся в заплесневевших книгах. Я нашел много любопытных, прежде мною не замеченных вещей: „Кандида“ в рукописном переводе 70-х г.г., ведомости и журналы того же времени, „Торжествующего Хамелена“ (т. е. Мирабо), Le paucan perverti“ и т. д. Попались мне детские кавязки, и мои собственные и моего отца, и моей бабки, и даже, представь себе, моей прабабки: на одной ветхой-ветхой французской грамматике, в пестром переплете, написано крупными буквами: „Ce livre appartient à m-lle Eudoxie de Lavigne“ и выставлен год—1741. Я увидал книги, привезенные мною когда-то из-за границы, между прочими гетевского „Фауста“ ⁴⁾).

Здесь почти нет вымысла, а подлинная действительность, может быть личное непосредственное переживание автора, который в 1855 г. томился в глухом затишьи Спасского и душой тянулся в кипучешумному Парижу. Все упомянутые книги находятся и теперь в Тургеневской библиотеке: и роман Ретифа де-ля Бретона, с автографом

1) „Несчастливая“ (изд. Салаевых) т. VIII ст. 150—185—217.

2) „Вешние воды“ Ibidem. Стр. 42 т. IX.

3) „Фауст“ т. VII стр. 179.

4) Вот что писал Ив. С. Тургенев графине Е. В. Ламберт 25/III 1857 г. „Кстати вообразите, я так-таки до сих пор Де-Жерандо не прочел, а возю его с собою. Но я чувствую, что я когда-нибудь его прочту, и прочту с пользой“... (Стр. 12. Письма к гр. Ламберт 4 в М. 1915).

Pierre de Cologrivoff и „Хамелеон—гр. Мирабо“, и старые учебники матери и бабушки Тургенева с той же надписью, только вместо Еудоше де Лаврине (кстати упомянуть, бабушка Ив. С. из рода Лавровых) поставлено „A Catherine de Somov“ (или de Vallnev). Такова роль ремнико-венций в творческом процессе. Мы указали лишь часть тех пометок и записей, которые служат поучительным материалом для изучения личности и творчества писателя. Не вся еще работа закончена. В этом случае предстоит впереди ее усиленное продолжение. Но и на основе почерпнутого можно очертить круг студенческих и позднейших притяжений Тургенева-читателя, его отношение к книге, а также выявить то преломление, какое получили книжные восприятия и впечатление в процессе этого художественного творчества.

Орел 4/8--22 г.

„Тургенев и Лев Толстой“.

(Литературно-психологическая параллель).

„Я знаю,
Меня он любит мало, я его
Люблю я мало. Слишком в нас различны
Стихи; но дорог на свете много:
Друг другу мы мешать не захотим“...

Из письма Тургенева к Фету 16. VII. 59 г.

„Полное удовлетворение дает только
нравственное благо“.

Из дневника Льва Толстого (95—99).

I.

„Тургенев и Толстой, история их взаимных отношений, столкновение двух различных мировоззрений, двух разных характеров—какая богатая тема для историко-литературного исследования!“¹⁾ Такими словами начинает свои воспоминания о пребывании Тургенева в Ясной Поляне сын Толстого—Сергей Львович. Они отчасти натолкнули нас на эту параллель, если вообще для историко-литературного исследования может иметь законный интерес и научную ценность подобного рода параллель. Я, впрочем, с самого начала считаю необходимым оговориться, что буду иметь в виду главным образом литературно-художественную и индивидуально-психологическую сторону затронутой темы. Быть может, мой очерк явится лишь частичной страницей в том обширном „историко-литературном исследовании“, выполнение которого одним лицом я не мыслю для себе возможным.

Что намеченная мною тема может быть признана не только богатой, но и животрепещущей и полной громадного значения не для одних специалистов, это доказывается, между прочим, беспрестанными попытками разнообразного рассмотрения психология и творчества этих двух первых величин нашей литературы. В этой параллели так много ягуче-интересного и сильно-волнующего. Знакомство с ли-

¹⁾ Сергей Л. Толстой. Тургенев в Ясной Поляне. „Голос Мшувшего“ № 1—4
из 1919 г. Стр. 221.

тературой по данному вопросу было еще одной из побудительных причин, заставивших меня заняться означенной параллелью. Во мне явилась известного рода уверенность, что полного и последнего слова на эту тему отнюдь не сказано и что сказанное далеко не дает надлежащего удовлетворения и даже правильной постановки затронутого вопроса.

Внимание историков литературы и биографов, писавших о жизни и творчестве Тургенева и Толстого, более всего приковывалось к ссоре своих писателей между собой. Несмотря на обильный фактический материал, сотканный подчас из сомнительных слухов и пересудов; несмотря на воспоминания очевидцев, друзей и разных „рецитаторов“, во всех статьях и заметках по поводу этой ссоры мы не находим указаний на ее глубокие и истинные корни-причины. Зато много неясного, недоговоренного, сбивчиво-противоречивого. Одни к тому же неумеренно защищают и оправдывают Толстого, сваливая вину на Тургенева; другие задаются обратным намерением, а более объективно - рассуждающие и хладнокровные стремятся доказать, что между двумя великими нашими художниками не было и не могло быть не только серьезного столкновения, но и вообще непримиримого антагонизма. Ссора же явилась печальным результатом мгновенной вспышки раздраженных самолюбий, и как только вспышка эта погасла в том и другом, — так готовы были возобновиться и наладиться нормальные и даже дружеские отношения, но что-то им все мешало. Однако, прибавляют авторы миролюбцы, как бы ни была длительна и веска эта ссора, едва не приведшая к дуэли, расхождение между Тургеневым и Толстым не было ни принципиально - глубоким, ни психологически - неизбежным и до конца непримиримым.

Наша точка зрения как раз обратная. На основании того, что пришлось почерпнуть из их переписки и произведений, мы заключаем о полной и глубокой противоположности их натур и умонаправлений. Ссора же, в своих фактически - внешних очертаниях и деталях, есть лишь случайный эпизод, рельефно выявивший коренную непримиримости дуэтичность Тургенева и Толстого.

В повести нашего уточненно - глубокого психолога - новеллиста Антона Павловича Чехова „Дуэль“ с поразительной экспрессией выявлена психологическая несродность и враждебность двух (более заурядных) личностей Лавского и фон-Корена, которые могут служить для нашего анализа любопытным показательным примером. Сущность антагонизма в том, что один нашел свой определенный путь жизни, считает его в себя вполне правым и смотрит на прочих людей с высоты своей жизненной догмы или, в ином случае, нравственной доктрины; другой все время стоит на передутье, путается в житейских противоречиях, ищет и мается, грешит и кается, падая и поднимаясь среди зыби обывательского существования. Таковы

зоолог фон - Корен и его антипод Лаевский. Противоположность их натур и характеров, приведшая их к обоюдной ненависти и чуть не к убийству, к страшному поединку, показательна для данного случая в том отношении, что фон - Корен принадлежит к тем фанатикам своего мировоззрения и нравственного исповедания, которые требуют и от других людей, особенно слабых и неустойчивых, притягивая их жизненные отношения и умонаправления.

Веря в правоту своей абсолютной догмы, отличаясь прямолинейностью в разрешении человеческих и общественных проблем, фон - Корен связывает своих ближних исповедуемыми идеалами и не прощает им ни ошибок, ни уклонений, ни заблуждений. Они ненавидят колеблющихся, неверующих и несогласных с их догмой и готовы беспощадно истреблять таковых. Признав всем своим существом, крайне рассудочным, власть абсолюта, они проводят в жизнь неуклонно свою диктатуру над умами и душами людей. Лаевские, напротив того, постоянно идут от утверждения к отрицанию, от признания к сомнению и, слабосильные, но и свободные сами, никого не могут и не хотят ни связывать ни насиловать духовно. Понятен отсюда тот острый конфликт, который возникает между этими разностихийными личностями. Конечно, Лев Толстой не является вполне подобным зоологу фон - Корену, а Тургенев — не копия с Лаевского, однако сущность их психологической несродности та же, что и у Чеховских героев. Тургеневу, вне всякого сомнения, были близки и родственны по духу наши российские гамлеты и „лишние“ люди, которых он так мастерски изображал и к которым можно вполне отнести в качестве их „последыша“ Чеховского Лаевского. У Толстого не было жестокой беспощадности прямолинейного узколобого „естествоиспытателя“, каким представлен ф. - Корен, но что он шел в жизни путем утверждения религиозного абсолюта, путем непрерываемой и непреложной ортодоксии и проповедывал не свободу индивидуальности, а свободу от индивидуальности, диктатуру совести и нравственного долга, — это подтверждается почти всеми его сочинениями, художественными и нехудожественно - публицистическими, его дневниками и письмами. На основании только что приведенной иллюстрации я и позволил себе в центре своего анализа поставять ту мысль, что Лев Толстой, как и ф. - Корен, принадлежал к натурам духовно связанным и связанным других, к анти - индивидуалистическим проповедникам - ортодоксам, для которых вне их веры „нет спасения“; Тургенев же, как Лаевский, — типичная раздвоенная личность, но всегда духовно свободная и неспособная связывать других, требуя от всех единоверия и единьмыслия.

Настаю на анализировать некоторые психологические черты и свойства Тургенева и Толстого для того, чтобы при помощи их творчества придать большую убедительность и достоверность заранее

высказанному положению. По предварительному несколько замечаний о тех работах, которые нам случилось использовать так или иначе по данному вопросу. Общим недостатком всех статей и заметок о Тургеневе и Толстом является их старание обойти молчанием или затронуть лишь полупуть основной психологической контраст и диссонанс между обоими писателями. Нередко более полное и многостороннее исследование грешит односторонней нетерпимостью по отношению к Тургеневу или Толстому, стремясь к тому же выразить исключительно свою излюбленную идею, дать свою идеологическую схему и побить одного художника правдой - истиной другого. Так поступает, например, в своих статьях Н. Н. Страхов, преклоняющийся перед Толстым за его „самобытность“ и „почвенность“, за выявление печати русского духа, именно народного, основанного на христианстве. Приязнь Толстого, славянофильствующий критик не хочет и не может ни понять ни признать Тургенева за то, что он — „подражатель, идет по течению, слаб в отношении к общественному мнению, к тому же — западник“. Он не крошает ему „чужого художества“ и западнического нигилизма, который ему столь же ненавистен, как и европейский индивидуализм.¹⁾ Справедливо отмечая противоположность двух начал в Тургеневе и Толстом — культурного Запада и самобытно - первобытного Востока, — критик, однако же, не удерживается на позиции объективного исследования и эсуждает там, где следует лишь понемать и познать. Отметим кстати те притяжения, которые являются непреодолимыми не только для Страхова, но и для всех верующих толстовцев: 1) устремление Льва Толстого к простому и доброму; 2) искание истинной жизни и 3) обретение ее в нравственной красоте, простоте и смиренности до самоуничтожения, до степени высочайшего великодушия. Таких притяжений критик не находит у подпавшего под влияние гнилого, нигилистического Запада Ив. Серг. Тургенева, хотя и признает, что в нигилизме Тургенева скептицизм сочетается „с идеализмом качества необычайно - высокого и, так сказать, нежного, и в этом все-таки слышится в нем родное, русское свойство“. ²⁾ Для Страхова важна не творчески - художественная индивидуальность, а отражение в писателе „печати русского“ или чужеземного духа, и потому глубокого и разностороннего вскрытия психических противоположностей Тургенева и Толстого он дать не может и не умеет. Еще менее удовлетворяет нас в этом отношении об'емистая и многословная работа профессора Ив. Кванова.³⁾ Она вообще не отличается ни четкостью методологического

¹⁾ Н. Н. Страхов. Критические статьи о Тургеневе и Толстом. Издание 31-е. Ом. предисловие к первому изданию. XIX.

²⁾ Там же. Стр. 151—165.

³⁾ Проф. И. Кванов. Тургенев. Жизнь, личность, творчество. Нежин, 1914 г.

подхода, ни должным беспристрастием, ни даже определенностью субъективных устремлений.

Если Страхов не одобряет „западничества“ Тургенева и умаляет его ценность особенно в сравнении со славянофильствующим Львом Толстым, то проф. Иванов, напротив, обрушивается на Толстого и, развенчивая его, как человека и мыслителя, почти игнорирует колоссальный художественный талант последнего и считает всю его литературную славу каким-то недоразумением. Сплетая свою иногда не совсем красивую и очень не тактичную ткань обвинений и упреков из разных обывательских толков, слухов и пересудов, не вникая в сложную работу творческого духа Толстого, точно намеренно обходя молчанием созданные им художественные образы и типы, проф. Иванов старается заслонить писательскую звезду Толстого более симпатичным ему сиянием Тургенева. Но у нас остается полнейшее недоумение, во имя чего „обиженный“ историк литературы так усердно развенчивает Толстого, ибо если плох Толстой, то отсюда еще не следует, что вполне велик, безукоризнен и совершенен Тургенев. Такой прием критического сопоставления представляется нам бесполезным словопроупражнением, от которого делается очень тягостно на душе, тем более, что постоянно наталкиваешься на субъективную путаницу оценок и приговоров: в Толстом порицается то, что ему приписано без достаточных оснований, что с такой же легкостью можно приписать и Тургеневу. Проф. Иванов, конечно, обрушивается на философию Льва Толстого, которая, по его мнению, есть не что иное, как „самооправдание своей личности.“ Он видит и в ранних утверждениях и в позднейших отрицаниях толстовского искусства „ограниченно-сословную и неизменно себялюбивую основу“; Л-в Толстой, как утверждает почтенный автор исследования, „ищет своего счастья и только для себя“ и вся его жизнь была жизнью для себя, иною не могла быть и не будет.“¹⁾ „Физиологическому творчеству художника... соответствовал и наиболее осуществимый физиологический идеал человека“. И никто, кроме проф. Иванова, этого не усматривал и не дерзал об этом открыто заявлять. Произошло же это вследствие той преувеличенной оценки художественного таланта, которая устанавливалась „без оглядки“ и вызвала „у восхищенных современников сооружение святилищ и скопление реликвий. На самом деле „личность писателя не до такой степени возвышенно-человечна, творчество его не столь глубоко-могущественно, форма творчества отнюдь не свидетельствует о своеобразной красоте и сосредоточенной силе русского языка, а скорее соответствует его своеобразно-неодухотворенному почерку, механически-мажущему, безвольно заплетающемуся, будто детская неустановившаяся рука старается подделаться под мужской размах.“²⁾

¹⁾ Проф. Иванов, Тургенев, Нежин. 1914. Стр. 460. 445 и 501.

²⁾ Там же. Стр. 488 и 499.

В этих немногих строках мы суммировали сущность раздраженно-отрицательного отзыва проф. Иванова о Толстом.

Остальные многочисленные странички посвящены уловлению Толстого в противоречиях, мелочных заблуждениях и несоответствиях того, что говорится в „писаниях“ с тем, что содержится одновременно в письмах. Мы не намерены полемизировать с автором обширного исследования и не будем даже опровергать его положений. Но за нами остается несомненное право быть неудовлетворенными самым подходом профессора к Толстовскому творчеству и личности. С нашей точки зрения этот подход критики мало чем отличается от институтки-обывательских суждений о писателе и человеке. Только старые, наивные институтки смотрят на личность писателя непременно как на „возвышенную“, только обыватели обыкновенно с необычайно-оживленным злопыхательством уличают великих художников в несоответствии слова с делом, проповеди с личным поведением, не подозревая и не желая знать, каким источником мук и страданий являются для истинного художника его „трехи“, падения, слабости, одним словом, то, что Пушкину дало возможность назвать поэта „ничтожнейшим из детей ничтожных мира“.

Для каждого беспристрастного ценителя творчества и личности Льва Толстого хорошо известно, что вся его литературная и нравственно-философская деятельность была как раз направлена к тому, чтобы сперва выйти из ограниченного круга сословных вожделений, а потом казнить непрестанно в себе и в других „себялюбивую основу“ во имя отречения, искушения и покаянного опрощения. Поскольку Толстому удавалось или не удавалось осуществление и достижение этого „воскресения духа“ не в одних лишь писаниях, но и на деле, в личной и частной жизни, постольку он чувствовал нравственное удовлетворение или обратно томление души.

Но проф. Иванов этого не хочет ни видеть, ни знать, потому что глубоко убежден, что „граф разрешал вопросы по вкусу и вдохновению, как и сочинял“ и что у него была счастливая „способность удовлетворяться крайне ограниченными, исключительно личными радостями“¹⁾. Повидимому, проф. Иванов не читал „Дневника“ Льва Толстого, который не значится в громаднейшем списке использованных им источников. Но самое острое чувство недовольства вызывает в нас то, что почтенный историк литературы до конца не открывает перед читателем, во имя чего он столь злостно обличает великого писателя земли русской. Ведь не за обиду же, нанесенную Тургеневу во время ссоры и последующих расстройств того и другого. Так рассуждать опять-таки может лишь обыватель, а не ученый иссле-

¹⁾ Там же. Стр. 450.

дователь. Мы бы очень ценили труд проф. Иванова, если бы он раскрыл нам несостоятельность нравственно-философских путей Толстого, неприемлемость для себя его проповеди самоотречения и христианского аскетизма, если бы вместо отрицания личности, что составляет основу идеологии Толстого, он поставил во главе сущего утверждение человеческой личности, как таковой, и указал бы, что именно Тургеневу был близок подобный идеал. Мы поняли бы развенчивание Толстого, как личности и писателя, если бы критик, отвергая его христианский коллективизм, отстаивал индивидуализм и автономность нашего „я“.—Но тщетно мы искали в противопоставлениях Тургенева и Толстого, сделанных проф. Ивановым, хотя бы намек на то, во имя какой идеологии он мечет громы и молнии против Льва Толстого. У исследователя нет ни определенно-суб'ективного мировоззрения ни объективно-выдержанного метода. Для него первейшую роль играет не то, что исповедует и проповедует писатель, а как он эту исповедь, и проповедь, претворяет в обыденной жизни, при чем строжайше требуется не поддаваться ни малейшему противоречию и не спотыкаться ни о мельчайший камешек.

Если тебя провозгласили святым, то, во-первых, ты сам виноват в этом, а, во вторых, с самой колыбели до могилы веди себя так, чтобы на твои белоснежные, чистейшие ризы не падало ни единое пятно, не брызгало ни капли житейско-мутной волны. Отрицание Толстовской философии и морали идет в ряде таких суждений и заключений, которые не стоят почти ни в какой связи с тем, что говорится о Тургеневе и его мировоззрении, и интересующая нас антитеза двух писателей ничего от этой полемической воркотни не выигрывает. Гораздо более жгучих мыслей по данному вопросу вызывают несколько страниц в книге Мережковского „Толстой и Достоевский“, но брошенные им вскользь замечания следует признать лишь относительно справедливыми. Надо считаться к тому же со специфическими особенностями Мережковского: его излюбленной манерой противопоставления и его устремлением в мистическую загадочность.

Иногда Мережковский не идет дальше общих мест, как, например: „их отношения—одна из труднейших и любопытнейших психологических загадок в истории русской литературы. Какая-то таинственная сила влекла их друг к другу, но когда они сходились до известной близости.—отталкивала, для того, чтобы потом снова притягивать. Они были неприятны, почти невыносимы и вместе с тем единственно близки, нужны друг другу (?). И никогда не могли они ни сойтись, ни разойтись окончательно“¹⁾. Далее приводятся обычные факты ссоры и расхождения Толстого и Тургенева, при чем о послед-

1) Мережковский. Толстой и Достоевский. Изд. 2-о Мир, часть 1-я стр. 91.

вам пишется очень и очень мало. Он беретя Мережковским лишь во свидетели того положения, что в Толстом—писателе и человеке жила очень крепко „московско-барская себялюбивая основа“ ¹⁾, о коей уже нам поведал и проф. Иванов. Но для проф. Иванова она служит благоприятным средством и поводом дискредитировать мораль и философию Льва Толстого, а кстати и похоронить его литературную славу; Мережковский же, видя в этом обычно уловляемую им „полярность“, пользуется подобной загадочной „глубиной и тайной“, чтобы вскрыть в Толстом при помощи „чрезмерного ясновидения Тургенева“ то, в чем самому Толстому было стыдно признаться. „Толстой то же самое, что Левин“. Тургенев же „слишком знал, что такое Левин, слишком ясно видел, что никогда никого не может он полюбить, кроме себя, и что в этом—последний стыд, последний страх его, в которых признаться не имеет он силы“ ²⁾. Таким образом, по Мережковскому, вся проповедь Толстого о любви к ближнему была своего рода бегством и спасением (едва ли не напрасным) от своего себялюбия; его евангелизм, это—защита Христом от Антихриста, о присутствии которого в себе он никому не хотел признаться. Тургенев понял его стыдно-страшную тайну, и это было главной причиной их притяжения и отталкивания. „Они были как два зеркала, поставленные друг против друга, отражающие, углубляющие друг друга до бесконечности, оба они боялись этой слишком прозрачной и темной бесконечности“ ³⁾. Удивительная способность Мережковского красивыми словами и образами прикрыть „пустое место“ или необоснованное положение.

Кому же, как не Мережковскому, искусившемуся в тайнах исповеди, и знать, что у Толстого отнюдь не было ни перед кем и в особенности перед самим собой никакого страха в признаниях, что вся „Исповедь“ его (1878 г.) есть сплошное обещание своей „себялюбивой основы“, что он прежде всего в себе самом казнил свою неспособность вполне принять Христа и победить Антихриста. Для того, чтобы знать и видеть это, вовсе не надо было проявить „чрезмерное ясновидение“, а лишь внимательно читать его произведения, автобиографию и дневники. Что Левин и Толстой могли быть эгоистами ⁴⁾, это известно всякому, но что в дальнейшем Толстой не способен был „никого полюбить, кроме себя“, т. е. не превратился окончательно в нравственно-совершенного и полнейшего альтруиста, то, на наш взгляд, подобное мнение отзывается все тем же наивно-институтским отношением к великим писателям, которое мы отмечали и у проф. Иванова. Важна не загадочная и глубокая тайна, постигнутая Мережковским, как

1) Там же стр. 100.

2) Там же. Стр. 95.

3) Там же.

4) См. автобиографию Толстого и деление его жизни на периоды.

„последний стыд и последний страх“ Толстого. важен его путь перерождения и нравственного обновления и приемлем ли он для Тургенева. У того едва ли могло явиться убеждение, что отказ Толстого от личного счастья, от греховного себялюбия есть лишь прикрытие того и другого в Толстом. Ни их переписка ни мнения Тургенева, о нем не дают на то никаких достаточных оснований, и все „чрезмерное ясновидение“ Тургенева построено Мережковским на очень кратком отзыве Тургенева о том, что „Левин—эгоист до мозга костей“¹⁾. Если даже Тургенев отвергал эгоизм, как жизнеотношение, то едвали он был солидарен с Толстым в ценности и в спасительности того единственного пути самоотречения во имя любви к ближнему, во имя Христа, на который указывал в 80-х годах Лев Толстой. Между себялюбием и самоотречением Толстой не знал середины, а для Тургенева, чуждого подобных крайностей, она не только существовала, но и была той „духовной свободой“, которой он не видел у Толстого и которую желал ему обрести прежде всего.

Один хотел спастись от грехов и соблазнов себялюбия, верил в возможность спасения и искупления, призывая к тому всех людей, а другой спрашивал, что есть грех, сомневался, в чем есть Божеская истина, и не проповедывал ни искупления ни „воскресения из мертвых“. В этом основное расхождение обоих писателей, которого не хотел усмотреть Мережковский, увлеченный „роковой полярностью“ Христа и Антихриста в человеке, ослепленный загадочно-глубокой тайной отталкивания и притяжения. В своем обширном труде о Толстом и Достоевском Мережковскому, конечно, нельзя было подробно остановиться на психологической и литературно-художественной противоположности Тургенева и Толстого и потому, отметив в нем самое существенное по данному вопросу, обратимся к другим источникам. Наше внимание привлекла очень интересная статья Мих. Неведомского „Два начала“. (Тургенев и Толстой)²⁾. В ней, кроме обычного противопоставления „европеизму“ Тургенева „русского умонастроения“ Льва Толстого, проводится любопытная мысль о преобладании в Тургеневе „Аполлоновского начала“, а в Толстом—„Дионисовского с Сократовским“. У первого—оформленное, эстетически и философски законченное созерцание; у второго „стихийная наблюдательность“, рассудочный морализм и аскетизм. Один—культурный западник, миропонимание которого—свободное, светлое, чуждое морализма; для него не существовало „рабьей альтернативы: будь рабом Бога или людей“, как думал Лев Толстой, этот „идеолог кающегося дворянства“³⁾. К сожа-

¹⁾ Там же. Стр. 94.

²⁾ М. Неведомский. Зачинатели и продолжатели. Книгоизд. „Коммунист“. П. 1919 г.

³⁾ Неведомский. Два начала. (Там же). Стр. 63, 68, 71 и 91.

лению, эти весьма интересные параллели почти не развиты автором в небольшой, публицистической статье, где писатели привлечены лишь как подходящий материал для выявления „сторонних“ идей и путей нашей интеллигенции. Статья написана больше „по поводу“ и не носит ни исторического ни литературного характера. Тем не менее увлеченные мною намеки и брошенные мимоходом замечания послужили для нас толчком к развитию и детализации несомненно основательных параллелей.

Что касается остальных источников, то все они дают, большей частью, однообразный фактический материал, а в освещении нужного вопроса обнаруживают скорее растерянность, бессилie и одностороннее пристрастие, чем глубину и правильность анализа. Таковы воспоминания Фета, сыновей Толстого (Сергея и Ильи), биографии, написанные Гутьяром, Вирюковым и другими.

Гутьяр объясняет причины ссоры и распри Тургенева с Толстым, прежде всего, тем, что в Толстом слишком сказывался скептицизм и беспощадный анализ, которые порождали в нем „ненасыщаемую жажду“ (чего—об этом ни Гутьяр, ни автор этих слов—Боткин—не знают); в Тургеневе же, напротив того, преобладал идеализм. „Скептицизм“ Толстого и „идеализм“ Тургенева, эти определения могут быть приняты и отвергнуты в отношении к тому и другому, смотря по той стороне, которую они затрагивают, касаются ли они литературно-художественных подходов или общего умонаправления.

Впоследствии мы подробно остановимся на этом противоположении, признав пока его относительность и неточность. Вторая причина, указанная Гутьяром,—различие в образовании: у Тургенева—широкое в европейском масштабе; у Толстого—недостаточное¹⁾. Это указание совершенно не может иметь прочного основания, так как Лев Толстой едва ли являлся человеком недостаточно образованным даже по сравнению с Тургеневым. Да и не в образовании тут сущность дела. Но более глубокого вскрытия психологического антагонизма и стихийной несродности двух писателей Гутьяр не дает, ограничиваясь изложением фактического материала. Вот приблизительно все, что нам удалось иметь под руками по интересующему нас вопросу.

Неразработанность данной темы и побудила автора этих строк сделать некоторые дополнения и углубления, касаясь преимущественно стороны психологической и литературно-художественной.

II.

Обратимся к некоторым литературным параллелям и определим основной сдвиг того и другого писателя. Тургенев—писатель „пере-

¹⁾ Гутьяр. Тургенев. 1907, Юрьев. Стр. 228 и др.

ходного времени", шедший от стареющего романтизма к нарождающему общественно-идейному реализму. Его юные годы прошли в то время, когда европейский романтизм, пережив различные первичные стадии своего развития, окреп и распространил свое влияние на все творчество и умонаправление молодого поколения. Последовательно завершилась эволюция литературного типа, владевшего сердцем и мыслью молодежи. Мировой скорбник, романтический герой разочарования, на Западе превратился в гордую демоническую и титаническую натуру. „Голубой фрак и желтый жилет“ Вертера был закрыт „Гарольдовым плащом“, а потом величественно-мрачной тогой „порочного мученика“ и протеевского „преступника-богоборца“. У нас, в России, как известно, этот властитель дум, этот пленительно-притягательный образ завоевал литературную область значительно позже, чем в Европе, и еще господствовал над молодыми душами в конце 40-х и начале 50-х годов. Когда Тургенев, будучи еще студентом, вдохновлялся Байроном и Лермонтовым, сочиняя в их духе, тогда появился в 1838-м году „Демон“, а в 1841-м— „Герой нашего времени“. Тургеневу предстояло, прежде чем обрести самого себя и свой творческий путь, преодолеть и модного героя и литературное поветрие. Это было ему и трудно и легко. Трудно,—потому что он, благодаря своему основательному прикосновению к западной литературе, слишком впитал в себя ее главнейшие устремления и формы, начав писать по „образцам“, легко—потому что, зараженный идеологически байронизмом, Тургенев психологически не имел в своей натуре тех резко-очерченных свойств дерзания и бунтарства, какими обладали Байрон и его герои. Отсюда не только двойственность Тургенева в отношении к властительному образу, но и художественная бледность и неудачность его поэтически достижений. Творческие замыслы находят свое ярко-определенное и полно-законченное воплощение в образах и типах только в том случае, когда идеология писателя сливается во-едине с его психологией, и вместе они создают твердо-выразительный почерк писания, внешне-оформленный и внутренне-сродный стиль художника. Тургенев уже в то время более был склонен к лиризму настроений, чем к драматизму положений. В этом была его несродность с той литературной сферой, где стал вращаться его молодой талант. Слишком неустойчивый, слишком женственно-мягкий, юношески-податливый, лишенный одной твердой породы,—Тургенев буквально мог завихриться в сильных и стремительных течениях, но они не вошли в его плоть и кровь, как то было с его первоучителями—Байроном и Лермонтовым. Байрон всегда любил и умел драматизировать положения и переживания, не углубляясь в их лирическую тональность, Лермонтов же драматизировал лирику, развивая ее трагический пафос в гораздо большей мере, чем ее будничную простоту и элегическую душевность. Байрон

и Лермонтов—поэты одной поэтической стихии, единого общего тона и устремления. Драматически намагниченные, они притягиваются к одному определенному полюсу. В Тургеневе поразительно именно разнообразие его притяжений—и не только в молодые годы, но и позднейшие. Наряду с мятежно-протестующими индивидуалистами и бунтарями мы видим в нем влечение к мечтательным романтикам-идеалистам немецкого пошиба с совершенно противоположной психикой и жизнеощущением: вместо индивидуализма—самоотречение, вместо бунта и богоборчества—резиньяция, вместо действенной воли и порывистой страстности—пассивное созерцание и тихо-журчащая настроенность и чувствительность. Этого мало. В юношеских притяжениях Тургенева, как и в его „старой манере“, можно определенно отметить элементы Пушкинской мудрости и эллинизма, с одной стороны, и Гоголевского юмора и иудейства, с другой. Нет надобности подробно останавливаться на духовной зависимости Ив. С. Тургенева от Пушкина. Это он сам признал с откровенностью и прямотой и в письмах, и в литературных воспоминаниях, и в своих поэтических произведениях. Но необходимо подчеркнуть полную несродность таланта и природы Гоголя с Тургеневскими. Самая сильная сторона Гоголя—его то горький, то бичущий смех—у Тургенева—самая слабая из всех его сторон. Основные элементы Гоголевского творчества: сатира, юмор и мораль—совершенно несвойственны художественно-литературному дарованию Тургенева. Вместо сатиры у него всюду и всегда карикатура или пародия; вместо юмора и горького смеха—скептически—скорбная усмешка или грустная ирония. Морализировать же и проповедывать Тургенев никогда не мог и не хотел. На то, что Тургеневу было совершенно чуждо основное Гоголевское начало, с полной справедливостью указал сам Лев Толстой. По его мнению, Тургенев, „одержимый хандрой и диспансией, не мог ругать и смеяться над своими самыми ничтожными лицами так, чтобы небу жарко было или от смеха животика подвело“. ¹⁾ Поддаваясь однакоже чужой „литературной манере“, не будучи в состоянии совсем избавиться от мощного поэтического воздействия, Тургенев чувствовал слабость своей художественной кисти в этом отношении и не мог „удержаться от банальности в приемах“, несмотря на весь свой ум и поэтическое чутье. ²⁾ Где источник такого губительно действующего на непосредственный талант притяжения? Он находится, во-первых, в отсутствии единой кристаллической породы в духовно-поэтическом пласте автора „Записок охотника“, а, во-вторых, (и это, пожалуй, результат первой причины) в его литературной напитанности

¹⁾ Письмо Л. Толстого к Фету.—„Русское Обозрение“ 1860 г. январ. Кн. 1-я стр. 22.

²⁾ Там же.

и начитанности, в его книжной восприимчивости. И вот подобные свойства совершенно отсутствуют в творческой структуре Льва Толстого.

Лев Толстой, во-первых, начал сразу писать в той реалистической манере, которой он оставался верен до конца, лишь развивая и усиливая ее. Во вторых, даже на ранних произведениях Льва Толстого не сказывается в полной мере влияние западно-европейских писателей, и вообще трудно уловить следы какой-либо литературной преемственности. Когда настоящая работа была уже закончена, появилась книга Б. Эйхенбаума „Молодой Толстой“. (Изд. Гржебина. Петб.-Берл. 1922), в которой автор, между прочим, устанавливает влияние Стерна и Телфера на „молодого Толстого“. Подобное утверждение нам представляется справедливым разве только с точки зрения исключительно формального метода, которого придерживается Б. Эйхенбаум. Но оно не доказывает полного подчинения Толстого чужой литературной манере. Может быть, беря некоторые элементы композиции у Стерна и Телфера, Л. Н. Толстой тем не менее шел своим путем, вырабатывая совершенно особые приемы эпического повествования. Он начал писать своим слогом и создавать повести и романы своей композиции, которая до него являлась невозможной. Тургенев, например, весьма часто прибегал к той форме рассказа-дневника или рассказа в письмах („Дневник лишнего человека“, „Переписка“, „Фауст“), который был любимым и очень принятым в пору расцвета так называемого „суб’ективного романа“, и влияние французских и немецких романтиков на Тургенева нам кажется весьма значительным. Этот историко-литературный факт еще ждет своего исследователя. Толстой, несмотря на жарядное знакомство с европейской беллетристикой, как натура почвенно-самобытная, не поддавался никаким воздействиям и шел своим путем в искании как художественных форм, так и общественно-моральных идей и идеалов. В первых повестях он дал своеобразное сочетание суб’ективного дневника с объективным повествованием, при чем у него главная (автобиографическая) фигура героя несколько преобладает над другими яркими образами, обрисованных то полно, то немногими жизненными штрихами. Внутренний рост Николеньки Иртеньева вскрыт в параллельной и тесной связи с картинами быта помещичье-барской среды. Подобное соответствие не всем писателям-новеллистам удается. Обычно, автор дневника, пишущий главным образом о самом себе, является в высшей степени суб’ективным летописцем и слабым изобразителем окружающего мира. Возьмем в пример хотя бы роман Венж. Констан „Адольф“ и очень близкий к нему Лермонтовский роман „Герой нашего времени“,—и в том и в другом автор, слишком занятые психологией главного героя, отдают его изображению всю яркость и напряженность своей художественной кисти, так что на долю антуража остается нечто бледное, мимолетное и водянистое. Но Толстой,

не стесняясь однообразием и даже единством композиции, дал ряд глав, в которых исповедь чередовалась с летописью внешнего быта и „историей“ отдельных дополнительных персонажей, ставших во весь рост и показавших свою художественную ценность и самостоятельность (Карл Иванович, Наталья Савашна, Володя). Различие между композицией рассказа у Тургенева и Толстого я усматриваю в том, что Тургенев стремится к тому, чтобы соблюсти известные литературные условности и традиции, даже заботится об этом, а Лев Толстой, напротив того, всячески, их нарушает и хочет выйти из этих стеснительных пределов. Ему важно и ценно рассказать правдиво-искренно все переживания детства, отрочества и юности, а как это принято рассказывать и какие литературные приемы уже выработаны до него, эти вопросы его не только не интересуют, — они его лишь стесняют. Отсюда вытекает еще одна небольшая деталь, усиливающая противоположность писательской манеры того и другого. В повестях и рассказах, а иногда и в романах Тургенева значительную роль играет элемент занимательности. Писатель проявляет повышенный интерес к внешней стороне сюжета, к фабуле, стараясь при ее помощи захватить внимание читателей. В этом опять-таки сказывается литературная преемственность, даже традиция формы. Возникший из романа приключений, европейский роман и отчасти почти вся новеллистика не могли долгое время обойтись без двух главнейших элементов старого эпического повествования: 1) приключений и 2) любовной истории. И тот и другой элементы видоизменялись, но след их оставался еще на долгие годы. У Тургенева в большинстве повестей и романов, даже в рассказах из „Записок Охотника“, на первый план выдвигаются внешние события, различные перипетии их, при чем связующим звеном является „история любви“. Я рискну даже утверждать, что Тургенев более поглощен именно историей любви, чем ее психологическим анализом. Возьмите, например, „Первую любовь“. Какое разнообразие внешних эпизодов, бытовых набросков и ситуационных очерков! И как мало уделено душевным извилинам и эмоциональным глубинам любви. Сколько дали бы в этом случае проникновенного и мутно-вихревого Достоевский или Кнут Гамсун, у которого, кстати, сказать, внешняя фабула крайне бедна, и занимательность рассказа почти ступеньвается перед раскрытием чувственно-любовного лабиринта. Тургенев в обрисовке чувств и характеров умеет прибегать к намекам, полу-словам и полутонам, умеет недоговаривать и давать настроение путем неясного, мерцающего и недоговоренного, но в развитии фабулы всегда обнаруживает стремление к определенности, точной последовательности и законченности. Отсюда его постоянные экскурсы и отступления в область прошлого своих героев, его неперемняемые эпигоны, его добавления от автора о конечной судьбе действующих лиц. Напомню хотя

бы его „Бежин Луг“, где автор сообщает читателю о преждевременной смерти одного из мальчиков-Павла. Особенно эта правильность в развитии внешнего сюжета неуклонно соблюдается Тургеневым в его больших романах, чрезвычайно однотипных по структуре и композиции.¹⁾ Нам безусловно важно отметить, что основные элементы Тургеневского эпоса являются литературно-преemptивными и художественно-традиционными. Тургенев их не ломает и не крушит, а лишь шлифует и совершенствует, на что он—большой мастер. Толстой с этими элементами мало считается; они для него несущественны и стеснительны, если его наблюдательный взор и творческое постижение хотять отобразить и приблизить жизнь к искусству. У него много повестей, лишенных любовной истории („Детство“, „Отрочество“, „Юность“, „Утро помещика“, „Люцерн“, „Альберт“, „Севастопольские рассказы“, военные рассказы и др. вплоть до „Божеского и человеческого“). Он не преследует занимательности в рассказе, ибо ко всем своим произведениям он мог бы приложить, как эпитафия те слова, которые мы находим в его „Севастопольских очерках“: „Героем же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен—правда“ („Севастополь в мае 1855 г. стр. 400“).

Руководимый этим побуждением, Лев Толстой творит так, как подсказывает ему это жизненное восприятие, а не по указанию литературной традиционности. Он пишет лишь о том, что его занимает, а не о том, что занимает, или завлекает читателей. Если верить сообщению проф. Иванова, Толстой советовал как-то Тургеневу вместо романов просто описать „какой-нибудь свой день подробно“²⁾. Критик слегка иронизирует над этим „искренним и поучительным откровением“, как и над тем, что Толстой „именно это и делал, только в равных рамках, с разными характерами, в разных обстановках“. Для нас же это, разумеется, не откровение, а чрезвычайно ценное подтверждение той мысли, что Лев Толстой в творчестве исходил из своего правдиво-обыденного жизнеощущения и не находил нужным пользоваться никакими поэтическими украшениями, специфическими художественными приемами и литературными веяниями. Для него творчество никогда не было профессией, а лишь средством самопознания и нравственного самосовершенствования. Любопытно в данном случае указать на отзывы Тургенева о произведениях Льва Толстого: он нередко одобряет в них то, что вполне литературно (а не только художественно), и отвергает всевозможные „причуды“ и странности, которые допускает это не перебродившее, по его мнению, молодое

1) Обрисовка героя и героини на фоне среды, их встреча, история их любви, та или иная катастрофа, эпилог.

2) Цитируемое сочинение, стр. 408.

вино. Он все ждет, когда Лев Толстой перестанет „чудить“ и „кувыркаться“, при чем имеет в виду не одну лишь философию Толстого, но и его творческие приемы. Больше всего Тургенев нападает на него за усиленный анализ в повестях и романах чувств и стремлений изображаемых лиц, что влечет за собой ослабление картинности и зашкательности, заставляя автора впадать в рассуждения или в „скупую и болезненную“ возню с самим собой. ¹⁾ Он жалеет, что Толстой не „сбросит с себя этот кошмар“.

Разумеется, для Тургенева немислямо было бы закончить, напр., так, „Войну и мир“, как это сделал Лев Толстой, посвятив десятки последних страниц философско-публицистическим рассуждениям о ходе исторического процесса и о роли в нем отдельных личностей. Но Толстому литературные формы слишком тесны и мало податливы, и он без стеснения их обходит или крушит.

Ни один романист не отважился бы наполнить свое многотомное произведение „обилием разговоров на французском языке“, что было отмечено в качестве крупного недостатка еще В. П. Боткиным, в его отзыве о „Войне и мире“ ²⁾. Но для Толстого это обилие не казалось анти-художественным, а если бы и казалось, то не смутило бы его, так как наблюдаемое явление вполне соответствовало изображаемой жизни. Толстой никогда не согласился бы пожертвовать правдой ради того, что принято в литературе, ради так называемой „литературной манеры“. Точно также разность творческих приемов мы должны отметить и в драматических произведениях Тургенева и Толстого. Обои им мало свойственна подлинная драматическая стихия, вследствие чего они не могли создать в области драматической таких шедевров, как в эпике. Но в то время, как Тургенев, воспринимая существующие формы реально-бытовой комедии, утончает и отделяет их в лирико-элегических настроениях, диалогах и ситуациях, Толстому опять-таки тесны сценические условности и привычные драматические рамки. И вот в „Плодах просвещения“ он вмещает в одно действие такое количество сцен-явлений, которого хватало бы на любую целую комедию, и выводит громадное число лиц, допустимое лишь в большом романе. Не признавая никаких драматических теорий, он рисует жизнь и людей, не заботясь ни о развитии конфликта, ни об экспозиции сюжета, ни о пропорциональности частей. У него своя драматическая техника, создаваемая его реалистическим чутьем, правдолюбием и пренебрежением ко всякого рода условностям. В „Живом труде“ он превращает акты в быстро-сменяющиеся сцены, напоминающие живой кинематограф, и доводит число их до шести, в пьесе же

¹⁾ Бирюков. Биография Л. Толстого. Т. II, стр. 10.

²⁾ Письмо Боткина к Фегу в „Воспоминаниях Фета“, „Русское Обозрение“ 1890. III. Стр. 35.

„И свет во тьме светит“ стремится совершенно порвать со всеми внешними условностями сцены и драматургии и превращает произведение в подлинную живую действительность, стирая грань между искусством и жизнью. Удивительны в Толстом эта способность широкого охвата бытовой среды и ее представителей, это свойство и в эпосе и в драме рисовать громадные полотна с пестро-движущейся массой людей; тогда как Тургенев в этом отношении гораздо слабее и, напротив того, большой мастер изображать небольшие и тихие уголки, интерьеры, глухие драмы „затишья“ или скорбные элегии „дворянских гнезд“. У Тургенева есть пьесы, совершенно неудачные, подражательные, не имеющие никакой кровной связи с его дальнейшим творчеством; это—случайная дань литературного воздействия, в лучшем случае, продукт экспериментальной работы в определенно-традиционной и условной литературной манере. Таковы его „Несосторожность“, „Холостик“, отчасти „Нахлебник“. У Льва Толстого все пьесы столь же органического происхождения и столь же самородны, как и все его повести и романы. Много условного, литературно-преемственного найдем мы у Тургенева и в обрисовке характеров или типов. Толстой же создает живых людей, и потому они, его художественные образы, индивидуальны и самобытны. Даже его собственные отражения, все эти „вторые—я“—Николенька, Нехлюдовы, Пьер, Левин, Сарыңцов, несмотря на общее для них толстовское искание смысла и нравственного спасения, поразительно индивидуализированы, и их нельзя превратить из собственных в имена нарицательные. У Тургенева—литературные типы; у Толстого—подлинные люди, живые личности, прежде всего. Главнейшие герои Тургенева, по большей части, имеют свое происхождение и родство с предшественниками своими в западно-европейской и русской литературе: Стено повторяет Манфреда, Параша—сестра Пушкинской Татьяны, Нетушков—Гоголевский тип в роде Башмачкина, Рудин продолжает обширную галерею „лишних людей“, „неудачных потомков“ „Москвича в Гарольдовом плаще“, Павел Кирсанов—тень постаревшего Печорина, а затем идут Гамлеты и гамлетики, уездные короли Лэры и т. д.

Тургенев признает и ценит литературные направления, считается с ними, идет им навстречу, как выражению общественной идеологии. Историю и эволюцию интеллигентских течений, развитие общественной мысли от 40-х до 80-х годов можно было смело изучать по романам Ив. Серг. Тургенева. Толстовские герои никого не повторяют и никаких умонаправлений не отражают. Каких предшественников могли бы мы найти в нашей или европейской литературе таким толстовским образам-личностям, как Николенька Тургенев и Наташа Ростова, Пьер Безухий и граф Вронский, отец Сергей и Федя Протасов, Анна Каренина и Китти Щербацкая? Мне думается, что все изыскания по-

добного рода отличались бы изрядной натяжкой, если иметь в виду не внешние факты, а сущность творческих достижений. Тургенев то и дело вспоминает и подтверждает великие заветы, данные Пушкиным, считая себя его учеником и преемником. Свободный, независимый в идеологии, чуждый всякой связующей ортодоксии, он в области поэтического творчества признает ценность литературной преемственности, значение истинно-художественных авторитетов, важность критики, влияющие писательской среды.

Толстой не считается ни с чем подобным, пронизывает над критикой, заявляя: „критика, это—то, что глупые пишут об умных“,— и ненавидит „литературщину“ так же, как некоторые из нас питают отвращение к „театральщине“. Тургенев—покорный сын и благодарный наследник литературного прошлого; Лев Толстой—какой-то *filis matris* нашей литературы. Он никому не подражает и не следует ни за кем ни по языку, ни по композиции, ни по художественным приемам.

Гутьяр, проводя параллель между обоими художниками, отмечает „идеализм“ Тургенева в противоположность „скептицизму и беспощадному анализу“ Льва Толстого ¹⁾. Это замечание не совсем правильно, как мы уже указывали в первой главе, и неправильность возникает из-за смещения идеологии и мировоззрения с художественно-поэтическим восприятием и изображением жизни. Идеологически Тургенев был гораздо более скептиком и беспощадным аналитиком, чем верующий Лев Толстой, но по творческим приемам Тургенев шел по пути романтической идеализации, тогда как Толстой неуклонно устремлялся к подлинному, даже безскусственному, реализму или натурализму. В этом смысле нужно понимать дальнейшие пояснения Гутьяра ²⁾ „Толстой даже от отрадного факта всегда был готов отнять то, что его красит, возвышает. Тургенев к обыкновенным, безразличным вещам придает что-нибудь возвышающее“. Толстой брал жизнь, как она есть, и ценил в ней одну лишь правду, Тургенев стоял за „час возвышающий обман“.— „Не обманывать себя человеку—не жить ему“, говорил Ив. Серг. Тургенев ³⁾. Нельзя понимать этих слов Тургеневского биографа в том смысле, что Тургеневу было присуще облекать в красивый обман и привлекательную оболочку то, что являлось непривлекательным и безобразным в жизни, и что Толстой—художник не изображал совсем отрадных фактов или срывал постоянно с них красящий покров.

Ни Тургенев не обнаруживал излишнего и изжитого сентиментализма, ни Толстой никогда не впадал в грубый тривиальный натурализм. Если говорить о различии их художественных приемов и

¹⁾ Гутьяр. Там же. Стр. 228.

²⁾ Там же.

творческого воспроизведения жизни, то его сущность заключается в следующем: Тургеневу в высшей степени свойственно было то, что мы определим не как идеализм, а как иллюзионизм. Идеалы,—это „возвышающие обманы“. Их может создавать и последовательный художник—реалист и правдолюб, каким всегда был Л. Толстой. Разве изречения: „Бог правду видит, да не скоро скажет“, или „царство Божие внутри нас“, или „и свет во тьме светит“—не „возвышающие обманы“, показатели религиозно-нравственного идеализма, который Толстым исповедуется и проповедуется, несмотря на „тьму низких истин“, открываемых светитической мыслью Тургеневского гамлетизма? Несомненно, что в сфере идеологии и мировоззрения Толстой несравненно более идеалист и верующий прозелит, чем Тургенев, как мы докажем это несколько позже, но, как художник, он совсем чужд иллюзионизма, т. е. того поэтического чувства жизни и вытекающей отсюда манеры изображения, которые создают не идеи и идеалы, а мир грез, привраков и иллюзий. Это-то поэтическое свойство Тургенева роднит его с Дон-Кихотом. Обычно утверждение, что в Тургеневе жили оба мировых образа: Гамлет и Дон-Кихот. Мы понимаем „дон-кихотство“ Тургенева, как удивительную способность дублировать жизнь, т. е. помимо грубой и жестокой реальности, на которую далеко не закрывается глаз, изображать прекрасный или героический мир, из-за которого единственно можно приять все невзгоды печальной действительности.

„Мир должен быть оправдан весь, чтоб можно было жить“, говорится где-то у Оскара Уайльда ¹⁾. —И это так.

Но каждый находит миру свое оправдание. Лев Толстой—путем искания любви, правды и добра; Тургенев—путем иллюзий, в которых красота, истина и свобода соединяются в спасительно-возвышающий обман. „Предаваться иллюзиям было бы безумием“, пишет Сильвио Пеллико в „Темницах“ ²⁾, но без такого безумия человечество не могло бы прожить ни минуты. Дон-Кихоты—именно такие безумствующие иллюзионисты, и Тургенев носил в своей душе значительную долю этого романтического безумия, которое и спасло его от полнейшего пессимизма, от окончательного и безисходного отчаяния и отворачивания от жизни. Отсюда я вывожу его стремление идеализировать и поэтизировать мир действительности, дать не столько эффект моральный, сколько эстетический, очаровать „прекрасной ложью“ искусства, а не заражать и покорять людей великой силой добра и правды, как того требовал Лев Толстой от всякого писателя и художника. Вследствие иллюзионизма в художественной манере Тургенев мог и

¹⁾ Кажется в „Риндгемской балладе“—перев. К. Д. Вальмонта.

²⁾ „Il lucingarsi sarebbe pazzia“ S. Pellico. Le mie prigioni.

умел идеализировать нравственную силу и красоту крепостного крестьянства, героический порыв и подвиг русской девушки также, как поэтизировать скромную средне-русскую природу, убогую деревню старого времени, глухие затишья, опустелые „дворянские гнезда“. Психологическая натура Тургенева страдала раздвоенностью, что, конечно, не могло не отразиться и в его творчестве, но в нем, в художнике по преимуществу, весьма часто побеждала „романтика души“, и он, поддаваясь ей, слагал на ряду с картинами скорбного раздумья и отрицания чарующую песнь торжествующей иллюзии, без которой нельзя жить. С нашим поэтом в данном отношении произошло тоже самое, что с его героем Чертопхановым в рассказе „Конец Чертопханова“. Этот заходустный Дон Кихот, неистовый защитник обиженных и угнетенных, всю жизнь предавался иллюзиям и среди непроницаемо-тусклой повседневности горел огнем романтического безумия. Его чувственные порывы и любовь были неделимы от „возвышающего обмана“, его экстаз питался грезой. Последней его привязанностью, создавшей ему иллюзию счастья, был любимый его конь Малек-Адель. И когда у него украли этого красавца-коня, иллюзионист-сумасброд Чертопханов не мог жить без него: он обрел нового, не прежнего Малек-Аделя, но уверовал в свой обман всеми силами смятенной души и расстроенного воображения.

Однакоже, правда жизни уничтожила иллюзию, разрушила обман, и Чертопханов убил нового коня, после чего и сам медленно угас, сгорев в огне отчаяния и тоски по недостижимой грезе. „Не обманывать себя человеку—не жить ему“, напомню еще раз слова Тургенева. Лев Толстой никогда не пожертвовал бы правдой жизни во имя „возвышающих обманов“, особенно если последние вели исключительно к волшебной экстатической грезе, к красоте, а не к добру и нравственному благу.

Здесь уместно будет провести параллель в отношении обоих писателей к искусству и его назначению. И тот и другой признавали громадную роль искусства в социальной и индивидуальной жизни, но понимали смысл и значение его по-разному. У Толстого на первом плане стоят полезность и служебность искусства. Его взгляд—рационалистически утилитарный. Роль искусства—возвышающе-очищающая и нравственно-облагораживающая. Для Тургенева искусство не только воспитывающее, но и мощное освобождающее начало жизни ¹⁾. К тому же оно не есть лишь средство, но и самоцель. Искусство творит для жизни (вне жизни оно не мыслится), но не служит никаким сторонним целям. Взгляд Тургенева—вне-утилитарный, но он не исключает:

¹⁾ „В поэзии—освободительная, либо возвышающая, нравственная сила“,—говорит Тургенев в речи о Пушкине. Т. К. 1880 г., стр. 435.

телеологичности, целесообразности в творчестве. Цели и смысл рождаются самим искусством и в свободном творчестве осуществляются, а не навязываются ему религией, политикой или моралью ¹⁾. Тургенев в этом отношении следует за теми положениями, которые развивали немецкие романтики 30-х и 40-х годов. Как и они, Иван Сергеевич Тургенев признавал не только свободу творчества, но и самоценность поэтического искусства. Поклонник Гете, он готов был вместе с его немецкими учениками считать, что „всякая поэтическая деятельность есть символизация“. Согласно с Шеллингом и Шлегелем для него „прекрасное есть символическое изображение бесконечного“. Задачей искусства является наглядное (образное) выявление и претворение того, что достигнуто путем высшего умозрения, интеллектуальным способом. „Прекрасное, говорят романтики, есть отражение бесконечного в конечном“. Эти несколько туманные, идеалистические формулы, вне всякого сомнения, читали и воспринимали художественно-поэтическую мысль автора „Записок охотника“. Не даром он в своих письмах и литературных комментариях так горячо высказывается всегда против всего, что носит печать предвзятости, тенденциозности, идеологической связанности. В письме к Полонскому он определенно заявляет, что „никогда не отпирался от идей, а всегда от образов ²⁾“. Это отправной пункт всякого романтического или, лучше сказать, символического искусства. Символ есть образная форма, видимая природа невидимого духа, высшей спекуляции или интуиции, как любили говорить старшие и любят повторять новые романтики. Про создание Базарова автор говорит, что писал его „наивно, словно сам дивясь тому, что у меня выходило“ ³⁾. А ведь за Базарова его более и больше всего упрекали и обвиняли в нарочитой надуманности, в утилитарно-вульгарном подходе к жизненному явлению. Но для Тургенева творческая несвязанность и художническая свобода были столь же дороги и ценны, как и „живая правда людской физиономии“. Художник часто находится под воздействием волшебных чар творческой интуиции и нередко „неволен в собственном детище. Насиловать себя и бесполезно и бесплодно“ ⁴⁾. Но разделяя взгляды романтиков на свободу и самоценность поэтического искусства, Тургенев, будучи не только „на грани двух культур“, но и на рубеже двух литературных направлений, удаляясь от крайнего, слишком субъективно-индивидуалистического романтизма, приближался к идейно-общественному реализму, что

¹⁾ Наши утверждения близки в данном случае с тем, что говорится в интересной книге К. Эрберга. Цель творчества—Алкоголь. П. 19.

²⁾ Первое собр. писем Т—ва. СПБ. 1885. Стр. 154. № 121.

³⁾ Там же. Салтыкову. № 217. стр. 278.

⁴⁾ Там же. Малютинной стр. 252 № 199 и „Письма к гр. Ламберт“. Издание Георгиевского. П. 1915. Стр. 161-1 № 90.

особенно сказалось в его больших романах после 60-го года. Можно смело утверждать, что и в данном случае проявилась двойственность художнического уклада Ив. Серг. Тургенева: романтика души и трезво-скептическая, наклонная к позитивизму мысль. Эту двойственность мы отметим далее и в его мировоззрении и в его общем психологическом облике. Стремясь идти с веком наравне, чутким слухом улавливая малейшие движения общественного барометра, следя за главнейшими течениями социальной жизни, Тургенев сознательно шел по пути реального творчества и лишь мгновениями невольно и назвено отдавался магическим чарам поэтической и мистической грезь-фантазии. Термин „назвено“ я устанавливаю здесь не только в смысле непосредственности, но и подсознательного, еверх-разумного наития. Путь художественного реализма я считал бы исконно-русским, нарочно-национальным, который торжественно начался Пушкиным и Грибоедовым и завершился Толстым и Короленкой. Символический романтизм, это Сандрильона русской литературы и критики; для него и та и другая постоянно играли роль мачхи, и потому он не мог вплоть до конца века расцвести пышно и многоцветно. Сами писатели как то старались заглушить его смелые и вольные побеги. И романтик в душе. Ив. Серг. Тургенев, точно оправдываясь, заявлял в своем письме к М. А. Милутиной: „Скажу вкратце, что я преимущественно реалист и более всего интересуюсь живой правдой людской физиономии; ко всему сверх-естественному отношусь равнодушно ¹⁾ и т. д. Тургенев все же сознавал, что не такой он последовательный реалист, как „все эти Слепцовы, Решетниковы, Успенские“ и прочие „бессемьяники“, у которых он не находил „вымысла, силы, воображения, выдумки“. Он „преимущественно“ реалист—значит, в его творчестве, помимо живой правды, есть и еще что то, и жел быть, сверх-естественное, фантастическое. Не принадлежал Тургенев и к знаменитой плеяде французских натуралистов, своих друзей в роде Гонкуров и Мопассана. Точно так же не дошел Тургенев в своих произведениях до тех пределов правдолюбия и веризма, которые проявил Лев Толстой, никогда не прибегавший к романтической фантастике или визионизму и доведший искусство изображения в „Смерти Ивана Ильича“ или „Крейцеровой сонате“ до последней черты натурализма. Тургенева влекло и таинственное и иррациональное, чему он порывами отдавался в некоторых повестях и „студиях“: „Страшная история“, „Собака“, „Призраки“, „Клара Миллет“, „Сон“ и др. и чего он никогда не вносил в свои идейно-общественные романы. Повидимому, сам Тургенев стеснялся особенно выдвигать свои литературные заслуги указанием на подобные произведения „очепушившейся фантазии“ ²⁾, как он назвал свои

¹⁾ П. собр. писем. № 199. Стр. 252.

²⁾ Воспоминания Фета. Русское Обозрение, 1890. III. Стр. 8.

„Призраки“, и предпочитал ценить себя, как писателя, за „Записки экзотика“ и за большие социальные романы. Экзотика и фантастика с мистикой, эти основные элементы романтического творчества, манили и временами магнетизировали раздвоенную натуру и поэтическую музу художника, но он убегал от них и спешил к „беспристрастию и к истине всецелой“, к „живой правде“ и общественно-идейным требованиям жизни. В сущности Тургенев-художник занимал промежуточное, срединное, положение между европейским романтизмом и русским реализмом. Он избегал и чуждался резкостей и крайностей. Эклектике и эволюционист и в творческом процессе, он пытался слить воедино некоторые элементы романтизма (автономность искусства, анти-утилитарность, свободу вдохновенного постижения и иллюзионизм) с художественной правдой общественно-идейного реализма. „Я—романтик реализма“,—говорил он, если верит автору воспоминаний, напечатанных в „Mercure de France“¹⁾ Je suis le romantique du réalisme“). И эта двойственность Тургенева-художника как нельзя более противоположна единству и цельности художнического направления, присущего Льву Толстому. И во взглядах на искусство и в творческих подходах к нему последний всегда являлся неуклонным последователем того реализма, который он сам создал и довел до высшего мастерства, превратив художество в проповедничество. По конец своей деятельности, как известно, Толстой заменил художественный реализм дидактическим натурализмом, что, на мой взгляд, решительно понизило значительность и ценность его произведений. Но чем сильнее ему указывали на это, (и критика, и читательская публика,) тем упорнее шел Толстой к „учительству“ и морализированию, тем настойчивее отшвыривался от „прекрасно? лжи“—искусства. Евангелизм и бладе изображения—таковы основы этики и эстетики Льва Толстого. И различное отношение к поэтическому искусству более всего разделяло Тургенева и Л. Толстого. „Правда—воздух, без которого дышать нельзя,—писал Ив. С. Тургенев,—но художество—растение, иногда даже довольно причудливо, которое зреет и развивается в этом воздухе“²⁾. И ему конечно, невыносимо было бы в воздухе, который намеренно губил бы причудливые растения, давая возможность произрастать одним лишь добрым и благодетельным злакам. Он пытался неоднократно разубеждать Толстого, но от этого их худой мир превращался в недобрую ссору. Иной раз Толстой из христианского непротивления молчал, не отвечая на мольбы Тургенева, но в этом молчании не было ни знака согласия, ни признака примирения и понимания. Напротив того, гораздо чаще он порицал своего совре-

1) * *. Souvenirs sur Tourguéneff Mercure de France .1917. стр. 52.

2) Перв. собр. писем Тургенева. № 114. Полонскому. Стр. 146.

менника за тяготение и пристрастие к красивой фразе и литературной позе. Толстой видел в красивой фразе лишь обман и ложь, а Тургенев считал ее неизбежным приемом поэтического искусства. При этом, последний, конечно, прекрасно чувствовал и сознавал различие между истинно-красивым выражением и фальшиво-ходульным и трескучим фейерверком слов. Он очень высоко ставил Пушкинскую простоту стиля и совсем не восхищался, например, Вяктором Гюго (у которого нередко находил много „балласту и бомбасту“, того „эффекта“, которого в поэзии он советовал чуждаться¹⁾). „Простота и свобода творчества были его неизменными лозунгами, унаследованными от Пушкина, и без них он не мыслил себе ни поэтической ни художественной красоты. Не всегда Тургенев в своих произведениях был совершенно свободен от недостатков, вытекающих из слишком сильного пристрастия к условным поэтическим приемам, к соблюдению литературной манеры и художественной традиции. Благодаря своей образованности и громадной книжной начитанности, он нередко злоупотреблял в своих произведениях цитатами и прибегал к литературно-книжным сравнениям. Чувствуя за собой этот недостаток, Тургенев постоянно работал над своим языком и очищал его от подобных анти-образительных элементов²⁾. Эту очистительную работу производил „выскательный“ художник исключительно из глубокой эстетической потребности, из желания дать „чистейшей прелести чистейшие образцы“. И действительно, Тургенев-прозаик чарует нас музыкальной фразой, красотой выражений и даже более—ритмическим красноречием. Ко всему этому очарованию Лев Толстой относится не только равнодушно, но и враждебно. Ему, сектантскому искателю правды и ревнителю добра и нравственного блага, эстетика и поэтическая риторика—то же самое, что скоромное кушанье для твердо-верующего в постный день. Порой во взглядах Толстого на искусство слышится тот тлетворный отголосок домостроевского отрицания из боязни греха и соблазна, от которого веет религиозным фанатизмом средневекового аскетизма. Я отлично знаю, что толстовцы возразят мне, будто Лев Николаевич не отвергал значения поэзии и искусства вообще, а лишь отделял плевелы от пшеницы, дурное искусство от хорошего. Но ведь и религиозные служители средневековья ценили нравственно-религиозное искусство, основанное на божественной истине и правде, но отвергали его в духе античной красоты. Мерилом оценки произведений и деления искусства на дурное и хорошее (доброе, а не на высокое и низкое) для Толстого служила не красота, а нравственное благо. Вот что писал он по этому поводу в своем „Дневнике“: „Искусство есть

¹⁾ Перв. собр. писем Полонскому № 248, стр. 313 и Книгу № 234/295.

²⁾ Грузинский. Литературные очерки, о „Записках охотника“.

выдумка, есть соблазн (!) забавы куклами, картинами, песнями, игрой, сказками, — и больше ничего. Ставить же искусство или науку на один уровень с добром есть sacrilège ужасный“. И далее: „искусства нет в смысле какого-то великого проявления человеческого духа. Есть забава, а не важное дело, которому можно сознательно посвящать свои силы. Таков взгляд рабочего, дезспорченного народа ¹⁾. Смешивая художественную ценность искусства с причинами и условиями его социального происхождения, ставя ему в тяжкую, но совершенно напрасную, вину несправедливость и неравномерность распределения и пользования его продуктами, Толстой признает лишь полезность и нравственную целесообразность искусств, а не их красоту и эстетическую самоценность „Искусство—игра. И когда игра трудящихся, нормальных людей, оно хорошо, но когда это — игра развращенных паразитов, тогда оно дурно, — и вот теперь дошло до декаданса. ²⁾. Как учитель жизни и проповедник нравственного искупления и спасения, Лев Толстой осуждает и гремит анафемой там, где можно и должно стать на эволюционно-историческую точку зрения. Но мышление Толстого всегда отличалось, несмотря на всю свою революционность, крайне-консервативным догматизмом и ортодоксальной нетерпимостью. Вот что роднит его с Чеховским фон-Кореном и ставит во враждебную позицию к таким личностям, как Тургенев. Для художника-Толстого важнее всего было не как сказать, а что сказать: он преследовал не красоту формы, а смысл (и непременно религиозно-нравственный) содержания. (Здесь глагол „преследовать“ имеет значение отстаивания, а не борьбы или отвержения). Толстой убеждает и поучает, тогда как Тургенев чарует и пленяет. Для одного поэзия — сперва исповедь, а потом проповедь; для другого она — „ныне и присно и во веки веков“ — лишь искусство, художество. По мнению Толстого, „в художественном произведении главное — душа автора“. Вот почему он как-то неожиданно для читателя становится сторонником женского творчества. „Женские произведения лучше мужских (из средних), потому что женщины искреннее и скорее высказывают „тайное души“, мужчины же скрывают его за литературной манерой. „Только я знаешь, прибавляет он, — что глуп. А что у него за душой — не увидишь“. И тут же покакаянная приписка: „нехорошо: зло“ ³⁾.

Здесь высказался почти целиком Толстой, писатель-исповедник и нравственный учитель. Для нашей параллели особенно значительно это отрицательное отношение к „литературной манере“, закрывающей будто бы подлинную сущность души и приводящей к „красивой фразе“. Сам Толстой, если и отделывал и шлифовал свою речь, то

¹⁾ Дневник Л. Толстого. (95—99 г.г.) Стр. 52—56.

²⁾ Там же. Стр. 56.

³⁾ Там же. Стр. 50.

совсем не из художественно-эстетических побуждений, не из погони за внешне-гармоничной красотой, а исключительно из требований искренности, убедительности и общедоступности. Ясно, что для истребителя нужно главное мощное средство выражения — искренность слова; для проповеди необходимы убежденность и убедительность, а для художества еще важны и специфические эстетические приемы и непременно красота выражений. Толстой игнорирует их, тогда как Тургенев отделяет и стилизует до крайности. Всем известна топорность языка в произведениях Толстого при всей его своеобразной силе выразительности. Еще заметнее она режет глаз и слух в его переписке и особенно в дневнике. Дружинин назвал язык Толстого „сильно безграмотным“ — „безграмотностью нововводителя и сильного поэта, переделывающего язык на свой лад и навсегда, иногда же безграмотностью офицера, пишущего к товарищу и сидящего в какомнибудь блиндаже“. ¹⁾ В этом метком определении критика мы с сомнением принимаем слова „сильный поэт“ в приложении к Толстому. Именно специфическо-поэтическое, красота и очарование поэзии, этого воздуха, без которого искусству нельзя дышать, — все это шло на убыль в творчестве Льва Н. Толстого, начиная с „Детства“ и „Казаков“ и подвигаясь далее и ближе к „Смерти Ив. Ильича“, „Крейцеровой Сонате“ и „Воскресении“. Несомненно, что „сильный поэт“ уступал место учителю-моралисту и „великому писателю“. Для Толстого поэзии самоценной и вне-утилитарной не существовало, и с его точки зрения не было более кощунственного греха, как смешение добра с красотой или приравнение нравственного блага по ценности и мощности воздействия к началу прекрасного. Он ненавидел не только фальшь и внешнюю красоту, но и всякую поэтизацию, считая ее „прекрасной ложью“ или преступной выдумкой. И очень часто, обличая и осуждая, Толстой впадал в грубейшие ошибки, смешивая явления морального порядка с приемами художественной поэтики и эстетики. Он видел ложь и красивую фразу там, где сказывалось лишь известное (сознательное или бессознательное) усвоение поэтической условности и литературно-традиционной манеры. Отсюда его резкое расхождение с Тургеневым в оценке литературных произведений, как и во взглядах на призвание писателя. Его отзыв хотя бы о Тургеневском романе „Дым“ — яркий образец странного смешения критерия чисто-морального с художественно-эстетическим. Можно призывать в „Дыме“ серьезные художественные недочеты (тенденциозность, шаржировка, субъективная раздраженность, обилие рассуждений Потугина, рупора авторских мнений), но то, что осуждается Л. Толстым, есть ошибочный результат неправильности критерия“. В „Дыме“ нет ни к чему почти

¹⁾ Бирюков. Жизнь Л. Толстого. I том. М. 1911. 2-е изд. стр. 295.

любви и нет почти поэзии. Есть любовь только к прелюбодетству, легкому и игривому, и потому поэзия этой повести противна¹⁾. Это писалось Толстым в 67-м году, т. е. в ту пору, когда он создавал свою грандиозную эпопею „Войну и мир“, где художник все же сдерживал проповедника-моралиста. Что же написал бы о Тургеневском романе автор „Воскресения“ или лучше еще „В тем мся вера“? Впрочем, мне думается, усилилась бы одна резкость приговора, а сущность его не изменилась. Разве исчезло бы совершенно слово „поэзия и заменилось бы (не адекватным ему с нашей точки зрения) толстовским „добром“ и „нравственным благом“? Это лишний раз подтверждает мое положение, что для Толстого-писателя с первых шагов его литературной деятельности „художество“ не было питательным воздухом, необходимо важным для творчества, что он принимал его против воли как неизбежную внешне-словесную оболочку, от которой все сильнее и упорнее стремился освободиться. Подобное стремление не кончилось, как у Гоголя, сожжением рукописей, но привело к внешнему отказу и полному осуждению своего поэтического искусства. Внутренне отказаться от него для Толстого было несравненно труднее, ибо его самобытно-творческий талант оказывался непобедимой и неискоренимой силой. Однако, Толстой не хотел быть только „великим писателем русской земли“. Мы не разумеем тут узкого профессионализма, а именно—отказ от серьезной миссии, возлагаемой на себя поэтами и писателями. Тургенев и в этом случае полная антитеза Льву Толстому. Он—литератор и по профессии и по призванию. Для него писательство само по себе является общественно-гражданским долгом и высокой миссией, хотя бы в нем не намечалось ничего поучительно-полезного и служебного для добра. Для Толстого поэтическое искусство—не „думное дело“ (термин Гоголя), не великая цель, а лишь удобное средство исповедания и социально-индивидуального исправления и воскресения. Тургенев в письме к нему просил его с горячим убеждением вернуться к литературе, так как высоко ценил художественный талант Толстого. Он постоянно затрагивает этот волнующий его вопрос. Тургенев недоуменно вопрошает по поводу отказа Льва Толстого от литературной деятельности: Что же он такое, если не литератор, не писатель?—Помещик, сельский хозяин, земский деятель или что-либо другое? А Толстого лишь раздражали советы Тургенева посвятить себя исключительно художественному творчеству, в котором последний находил и муку и величайшую отраду. Для Толстого же оно было только горнейшим средством сперва к самопознанию, а потом—к самоочищению и проповедничеству. Тургенев часто, в минуты сомнений и

¹⁾ Воспоминания Фета. Письмо к нему Л. Толстого. 27. VI. 67. „Русское Обозрение“ VI. 1890. Стр. 505.

тягостных раздумий, в тяжелые дни расхождения с читательской публикой, говорил себе: довольно! — и помышлял бросить перо, но даже тогда он ни на йоту не понижал громадного значения и великой роли литературы. Толстой гораздо менее страдал сомнениями, менее подвергался гонениям и противодействию со стороны общества, — и все-таки отверг значительность и важность той работы, которую вел, во имя иной, более полезной и нравоучительной деятельности. Христианско-социальная педагогика заполонила и почти поглотила в нем художника-поэта. Иудей восторжествовал над эллином; Сократовское начало победило Аполлоновское. Тургенев до конца дней своих остался верным жрецом Аполлоновского искусства. Так разошлись в разные стороны Тургенев и Толстой на путях творчества и писательского призвания, и это расхождение отчасти вытекало из их психологической несродности, из их идеологического антагонизма, отчасти, влияя на то и другое, только усиливало разность „стихий“, воплощенных в обоих художниках. Мы теперь и обратимся к этим двум стихиям, выявив психологические особенности Тургенева и Толстого и показав несовместимости их идеологических устремлений. При этом я буду иметь в виду не столько раскрытие их мировоззрения, сколько параллелизм психических свойств и элементов, влиявших на творчество и жизнеощущение. Анализ и в этой второй части будет индивидуально-психологический, а не социально-исторический.

III.

В индивидуальной психике Тургенева отчетливо проявляется не только двойственность, но и раздвоенное, мучительное распадение основных психических элементов, что делает его натуру недужной и гамлетической. Двойственность человеческого „я“ не всегда препятствует гармоничности и цельности душевных процессов, и ее надо отличать от болезненной надломленности и раздвоенности. Многие биографы и исследователи отмечали в Льве Толстом двойственные черты, например, Мережковский, указавший на присутствие в нем чувственно-плотских начал, с одной стороны, и духовных — с другой, но никто не станет определять натуру Льва Толстого как недужно-раздвоенную и гамлетически-рефлексирующую. Тургенев словами Фауста мог бы сказать о себе:

„Ах! две души живут во мне и жаждут разделенья!..“ Эта „жажда разделенья“ в силу реакции вызвала в свою очередь глубокую потребность слияния, единства. Льву Толстому были чужды и муки душевного разделения и желанное утоление „единого на потребу“, потому что душа у него всегда была одна и неуклонно стремилась к еще большей устойчивости и ясности, пока не стала совер-

шенно односторонней. Мне думается, что в основе психологического параллелизма Тургенева и Толстого мы можем держаться высказанного утверждения: о психической недужности первого и, напротив того, о полном здоровье второго. Попробуем подтвердить сказанное анализом их творчества и идеологического направления.

В процессе творчества наблюдается весьма определенно одно частное явление, а именно стремление художника освободиться от присущих ему свойств и душевных недугов путем перенесения их и наделения ими возникших в силу этой потребности образов. Поэтическое творчество идет двумя путями: путем объективного наблюдения или субъективного претворения. Известно, что Тургенев создал наиболее многочисленную и ярко-типическую галерею интеллигентных гамлетов, начиная с „пришибленного судьбой“ Шигровского неудачника и кончая российским революционером Неждановым. Повторность этого образа, его органически-эволюционный рост вместе с художником, психическая сродность каждого в отдельности с другими,—все это ясно указывает на субъективность художественного претворения, и, следовательно, позволяет заключать от гамлетической недужности типа к таковой же у самого автора. Каковы главнейшие симптомы этой недужности?—Во-первых, рефлексия, далее—слабость воли и в-третьих расстроенность связи душевных ингредиентов. У Тургенева мы находим даже подходящие определения для диагноза подобного состояния: „заеденный рефлексией“, „с замочком внутри“, „попорченный, измятый“, „неоконченное существо“, „собственный свой паук“, „вывихнутый“, „самоломаный“¹⁾. Рефлексия, конечно, в этом случае употребляется Тургеневым в немецком, а не во французском значении: тут разумеется не простое размышление, а именно—сомнение, разлагающая сила отрицания и скепсиса. В повести „Фауст“ Тургенев разъясняет, что подобного рода рефлексия присуща, например, Мефистофелю, этому духу отрицания, неверия и разложения. Она-то, эта рефлексия, губительно действует на всю природу человека и делает ее ненормальной, неустроенной. А вот и медицинское свидетельство *ad hoc*, которое выдает себе и всем ему подобным один из „недужных“ Алексей Петрович („Переписка“). „О, да! мы — большие психологи! Но наша психология сбивается на патологию; наша психология — это хитрое и тщательное изучение законов большого состояния и большого развития, до которых здоровым людям нет никакого дела“... („Переписка“, стр.157—8. Изд. Глазунова или бр. Салаевых, т. VIII стр.100“). От этой болезни духа рождалась и меланхолия и скорбное настроение. Тургеневу самому была очень близка и хорошо известна эта недужность, и

¹⁾ Гамлет Шигров, уезда, Чулкатурин, Веретьев, Рудин, Алексей Петрович Лаврецкий и даже Базаров.

не только в произведениях, но и в письмах он постоянно о ней упоминал. Полонскому он признается, что скорбно-скептическое „настроение духа“ существовало в нем давно, чуть ли не с самой молодости; Фету писал по поводу неудачи с Базаровым, тоже наделенным тургеневской рефлексией: „Вся беда в рефлексии и уме—мастерства не хватило“. То же подтверждают отзывы современников. Фет постоянно с неодобрением отмечает в нем эту психическую неладность, Лев Толстой называет его „одержимым хандрой и диспепсией“, при чем последнее слово надо понимать не в буквальном смысле (расстройства пищеварения), но в психическом—душевной угнетенности (*les tourments d'esprit*), Виардо признает его „самым печальным из всех людей“ (*le plus triste des hommes*)¹). Наиболее показательны в этом отношении крайне субъективные этюды „Признаки“ и „Довольно“. Это—произведения не только „очепушившейся фантазии“, но и мучительно-рефлексирующего сознания, та „возня с самим собой“, которую Тургенев легко распознал в Оленине („Казачки“) и назвал ее кошмаром. Она томил его душу, и, чтобы освободиться от нее, он прибегал к спасительному творчеству. В „Призраках“ есть в высшей степени показательная символизация этого психического состояния самого автора. После целого ряда коллеттов с Эллис, открывших ряд отвратительных картин, „грустно стало“ спутнику Эллис и как то „равнодушно-сучно“. Отвращение к земле, этой „глубе презренного праха“, к людям-мухам, к их мелкой, однообразной возне и более всего—к самому себе—явилось результатом его болезненно-пессимистического состояния, вскормленного сомнениями и отрипаваниями. „Перестань, а то я тебя не снесу. Ты тяжел становишься“, говорит ему Эллис. („Призраки“ т. VIII. Изд. бр. Салаевых, стр. 37). Это—невыносимая для поэтических музы, для вдохновенных взлетов тяжесть от груза всяческих сомнений и неверий, приковавших душу к земному праху и обрекавших ее на смерть. Этот душевный груз давил Тургенева и вполне сближал его с датским принцем. Так было в 1863 г. во время создания „Призраков“, а вот что он писал Полонскому в 1873-м году: „Холод старости с каждым днем глубже проникает в мою душу—сильнее охватывает ее; равнодушные ко всему, которое я в себе замечаю, меня самого пугает. Вот уже точно могу сказать с Гамлетом: „How stale, flat and unprofitable
Seems me that life!“²).

Опять Гамлет! Как часто его и Фауста цитирует Иван Сергеевич Тургенев! Можно ли после этих авторских и сторонних свидетельских показаний сомневаться в его гамлетической раздвоенности и недужности? Толстой же, в полную противоположность ему, целостная и

¹ Перв. собр. писем. № 253 стр. 317. Воспом. Фета. Русск. Обзор. II. 1899 Стр. 482. Письма к гр. Ламберт № 83 стр. 147.

² Перв. собр. писем. К Полонскому. Стр. 213 № 170.

душевно-здоровая натура ¹⁾. Толстовская душа, как бы ни указывали на ее искания и повороты, всегда отличалась единством и слаженностью основных ее элементов. В нем не было ни рефлексии, ни диспепсии²⁾, свойственных автору „Рудина“. Он не страдал, болезнью духа, не отличался безволием, а лишь испытывал остро-длительные пароксизмы совести. Его не преследовал неизбежный спутник Фауста Мефистофель, и поразительно это равнодушие великого писателя и к Фаусту и к Гамлету. Толстой все силы своего духа—разум, чувства и волю—направил к одной цели—к постижению нравственного блага и погнался по одному руслу—к пробуждению в себе совести. Он боролся не с духом отрицания и сомнения, а с дьяволом, совсем как средневековый аскет, видящий в последнем воплощение плотского греха и соблазна. Победить в себе дьявола для Толстого оказалось более легким делом, чем Тургеневу избавиться от власти скитического Мефистофеля. Толстовский дьявол мог быть изгнан и уничтожен проповедью, добрыми делами, покаянием точно так, как средневековый аскет побеждал его молитвой, постом и телесными мучениями. Мефистофелевский дух отравлял прежде всего мысль, разделял человеческое существо на две враждебных стихии, неслиянно-непримиримые, и вселял смуту и неверие. Толстой сильно любил себя и свою плоть одно время, как он сам признается и в „Исповеди“ и в автобиографии (ср. также Левина), а потом счел эту любовь величайшим грехом, чуть ли не моральным преступлением, и чем сильнее он верил в личное счастье, чем крепче любил свое „я“, тем резче и решительнее впоследствии от того и другого отворачивался и отрекался. Но и в первой и во второй стадии он обнаружил единство и целостность психического уклада и устремлений. Толстой по натуре и характеру тот же некрасовский Влас, великий в грехе и в покаянии, в служении сперва Мамону, а потом—Богу. Но Влас лишь сам каялся. Толстой прибывал к покаянию и всех людей во имя истины, правды и добра. Такой боязни греха и плоти не было у Тургенева, а потому у него и не явилось ни покаяния, ни нравственного воскресения. Психологическая несродность обоих писателей вполне естественно породила идеологический антагонизм.

Когда приходится говорить об идеологии писателя, тогда нельзя обойти молчанием взаимоотношений личности и социальной среды. Трагизм индивидуальности обусловлен ее отношением к коллективу и вытекает из разлада или разрыва с этим последним. Что мы находим в загранутом вопросе у Тургенева и у Льва Толстого? Опять полнейшая противоположность. У Тургенева—совершенная оторванность от своего класса, к которому он принадлежал по рождению и

¹⁾ Опять вспоминаются недужный Лавский и здоровый фон-Корен.

которому совсем был чужд по стремлениям, взглядам и симпатиям; с другой стороны—несомненная неспособность найти какой-либо иной коллектив и связать себя с ним прочно и реально. В этом отчасти кроется причина его пессимизма и гамлетизма. У Толстого, напротив, при последовательном и неизбежном разрыве со старобарским и великосветским миром, столь же последовательное и неуклонное тяготение к новому коллективу, желанному и действительному, — к народу, к крестьянству. Разумеется, Л. Н. не побеждал социальных и даже личных житейских противоречий, за что его злорадно обвиняли обывательские критиканы; он и не мог их победить сполна, так как не от его единичной воли это зависело, но важно то, что Толстой **обрел веру** и вышел из лабиринта запутанных вопросов, — мало того, стал и других призывать к тому же, указывая на единственно-спасительную Архалдину нить—евангелизм. „Я понял, что все наши действия, рассуждения, наука, искусство—одно баловство, что искать в этом смысла нельзя. Я возненавидел себя и я признал истину. Теперь мне всё ясно стало!.. („Исповедь“). По свидетельству Берса, „весь Лев Ник. сделался олицетворенной идеей любви к ближнему“. Но кто этот ближний? Разумеется, не свои, родные, близкие люди своего круга, которых Толстой порицал и отвергал, как и **прежнего** самого себя, а все те униженные и оскорбленные, трудящиеся и обремененные, среди которых первое место занимал русский крестьянин. Мы знаем очень хорошо, как отрицательно относился он к городскому фабрично-заводскому рабочему и как он делал мечту о возврате их в крестьянский мир, на землю, к естественному состоянию в духе первоначальной христианской общины. Кто является у Толстого носителем божеской и человеческой правды?—Рядовой крестьянин Платон Каратаев, или мужик Фёдор, который Бога помнит, или косноязычный Аким, или сектант-раскольник, всю жизнь страдавший в поисках истинной веры ¹⁾. Иных носителей „нравственного блага“ он никогда не видел и не выставлял в своих произведениях. Еще более, чем старобарская и великосветская среда, была ему чужда и для него неприемлема в своем жизненном отношении разночинная интеллигенция. Как верно заметил Вл. Короленко, для Толстого существовало лишь два общественных слоя: богатая знать и бедный трудящийся народ (т. е. крестьянство ²⁾). Первая была греховна и в неоплатном долгу у народа. Отдельная личность из этой среды могла нравственно спастись только тем, что, порвав с этой средой, должна была начать новую жизнь, подобную той, которую вел крестьянский люд. „Народная совесть“ и „Божеская правда“ вот символ Толстого; к ним он приводил, как и

¹⁾ „Война и мир“, „Анна Каренина“, „Власть тьмы“, „Божеское и человеческое“

²⁾ Ср. Неведомский, Два начала, Стр. 76-77.

целебному источнику, всех своих ищущих смысла жизни и кающихся героев. Понятно, что подобные сгремления и наставления встречали со стороны Тургенева скептическую усмешку, переходившую иной раз в горькую иронию и беспощадный сарказм. Отзывы его о нравственной философии Льва Толстого слишком хорошо известны исследователям, чтобы их нужно было еще раз повторять здесь ¹⁾. Самое характерное для Тургенева замечание таково: „Надо же, чтобы такая ерунда залезла в голову самого даровитого писателя во всей современной Европейской литературе“. Несомненно, Тургенев жалеет не столько о „даровитом писателе“, который намеренно, как и Гоголь, губит, по мнению Ив. Серг., свой громадный талант, сколько о современной русской литературе, интерес которой для него были не менее дороги, чем благо народа и человечества.

Такое отношение к литературе, в свою очередь, как мы уже знаем, вызвало враждебный отпор со стороны Льва Толстого. Но гораздо серьезней и значительней является, на мой взгляд, вторая причина: Толстой никогда не был идеологом индивидуализма, который им всегда отвергался и психологически. Как мыслитель и художник, как писатель и деятель, Толстой всегда был сторонником коллективизма. Он шел и вел к коллективизму путем нравственного перерождения личности, а не посредством социально-политических революций, и подобное перерождение должно было иметь своею целью благо всех людей, их братство в любви, а не счастье и благополучие отдельного „я“. Не утверждение личности проповедывал он, а ее самоотречение, покаяние и смирение, даже более — полное растворение в народно-христианском коллективе. Толстой верил в народ и в его правду, звал к слиянию с этим коллективом и спаял себя навсегда с ним, если не фактически до конца, то духовно-идеологически. Тургенев не имел под собой столь твердой и определенной почвы. Он был оторван от какого бы то ни было коллектива, и эта оторванность нашла себе символическое выражение в его более постоянном пребывании на чужине и во временных наездах на родину. В самом деле, где была та социальная среда, которая могла привязать автора „Дыма“ к родной стране и общественно полезной ниве. Тот близкий и кровный круг, в котором он рос с детских лет, не внушал ему ничего, кроме отвращения и страха не только физического, но и морального свойства, — боязни за свой талант, за независимость своего „я“. Кто были эти люди? — лучшие из них — г-г. Пеночкины, Зверевы, Полутыкины, Болряковы, Стаховы, а далее за ними — Стегуновы, Хвалынские, Кантагрюхины и тому подобные наследники гоголевских Собакевичей, Петухов, Бетрищевых. Еще менее привлекал его высший слой, столичная бюрократия и провинциальная знать, из которых он мог извлекать лишь такие

¹⁾ Проф. Иванов. Тургенев. Ст. 404.

типы, как Паншин, Курнатовский, Калломицев, Матве Колязин, Ратмиров, князя Борисы и т. п., ядовито осмеянные им в больших романах. 1). Его добрый друг и сосед по Мценскому уезду, почтенный обыватель с берегов Зуши и прекрасный поэт, Фет-Шеншин, несмотря на свои вдохновенно-аполлоновские „Вечерние Огни“, всем своим „кавалерийским“ корпусом ушел в дворянское стоячее болото, откуда он всплывал на житейскую поверхность „закоренелым и остервенелым крепостником, консерватором и поручиком старинного закала“, как называл его в шутку Тургенев в одном из своих писем к нему 2). Разумеется, он не мог сойтись и с Фетом, как ни ценил высоко его творчество,—так как слишком разны были в них стихи, а Фет-Шеншин—такая же цельная натура, сполна спаянная со старо-дворянским коллективом, какою отличались все Сипягины, Колязины, Ратмировы и прочие им подобные. Между ними и Тургеневым не было ничего общего и, изображая этот слой русского общества, он употреблял исключительно черные краски и превращался в резкого сатирика. Но, говорят, Тургенев был певцом „дворянских гнезд“, поэтических затиший и захолустий; он идеализировал обитательниц этих гнезд—героических русских девушек и в то же время нарисовал целую плеяду представителей средне-дворянской интеллигенции, близких себе по духу и умонаправлению, каковы Рудин, Алексей Петрович, Лаврецкий, Шубин, Санин, Лявтинов. — Вот его мир, вот его социальная группа, укажут мне с целью возражения. Однако поэтическая песня о „дворянских гнездах“ и „затишьях“ является в то же время похоронным ящиком для умирающего барства, от которого у автора осталось дорогого и привлекательного один лишь испоряющийся аромат гложущих нарков, запущенных садов и развалившихся оранжерей да далекие воспоминания, расплывавшиеся, подобно легким облакам на ранней заре нового дня. Идеализация женских образов направлена была, главным образом, на смелые, героические порывы пробуждающихся женских личностей, покидавших эти насиженные отцами и дедами старые гнезда во имя высокого подвига борьбы или великого акта самоотречения. Девушки эти, рука об руку с разночинцами и демократами, идут в народ, в иную среду, Наконец, нужно ли много говорить о пресловутых типах дворянской интеллигенции. Ведь все они — „лишние люди“, ненужные, чужие на родине и на чужбине, либо возвращающиеся, после житейского крушения, чтобы, пристав к родному берегу, пахать хорошо землю и вести маленькое хозяйство, либо бесполезно и случайно умирающее, как Рудин и Алексей Петрович. У них, как и у самого автора, нет ни энергии, ни жизнерадостности ни веры, ни даже простого личного удовлетворения.

1) „Дворян. гнездо“, „Накануне“, „Отцы и дети“, „Дым“, „Новь“.

2) Фет. Воспоминания. 1-я часть м. 1890. Стр. 44.

Так ли чувствуют себя авторы, тесно спаянные с коллективом, стоящие на твердой его почве и верящие в общее дело? Оторвавшись от господствующего класса окончательно и бесповоротно, Тургенев не нашел и не мог найти себе точки опоры в дворянской интеллигенции, игравшей в общественной сфере еще мало значительную роль, к тому же, как всякая интеллигенция, дробившейся на всевозможные направления, кружки и течения. Вскоре она окончательно расслоилась, смешавшись с разночинной демократией. Господствующим ее устремлением стало народничество.

Казаюсь, кому же как не автору „Записок охотника“, еще в 1842 г. писавшему, правда, весьма осторожно, что рабство несовместимо с законностью и что в христианском государстве оно существовать не может,¹⁾ кому же и было, как не ему, пойти навстречу народническому движению и слить свое „я“ с народнической демократией, уверовав, подобно ей, в мужика, крестьянскую общину и грядущий социализм. Вот тут-то и сказалось различие путей Тургенева и Толстого. Толстой, в 60-е и 70-е годы замкнувший себя в круг семейного благопудучия и сельско-хозяйственных интересов, далекий от аскетического опрощения и народничества, после 1878-го преобразился, познал подлинную истину и устремился к тому идеалу жизни, который рисовался ему в народе, именно в крестьянстве, призванном осуществить божескую правду и высшее благо на земле. Тургенев в 50-х годах положивший начало мужицкой беллетристике, дававший Аннибалову клятву бороться против крепостного права, в самый разгар народничества вместо веры проникается поразительным скептицизмом, вместо слияния с народнической демократией уходит от ее идеалов и подвижничества, проповедуя „потугинские идеи“, отрывается окончательно от всякого коллектива и, вместо ожидаемого всеми русского Инсарова, создает мощную фигуру отрицателя новых идеалов — Евгения Базарова. Базаров пронизывает над мужиками, над тем, будто в них „вся сила и будущность России и будто от них начнется новая эпоха в истории“. И в этой иронии несомненно больше авторского снобизма и сарказма, чем подлинно нигилистического отрицания русского мужика. Стоит только вспомнить отзывы Базарова о русском крестьянине: „Русский мужик Бога слопаёт“, „Русский мужик готов сам себя обокрасть, чтобы только дурману в кабаке запиться“. Он отрицает общину, трудовую поруку и уж конечно не верит в прирожденный социализм русского мужика. („Отцы и дети“ — стр. 57).

¹⁾ „Несколько слов о русск. хозяйстве и русск. крестьянине“. Русские Пропилен. Т. III. Стр. 67. М. 1916. Сабаниникова.

Тургенев ¹⁾ сам заявил в заметке „По поводу Отцов и детей“, что, за исключением воззрений на искусства, он разделяет почти все убеждения Базарова. Пусть это преувеличено автором, но одно для нас несомненно: Тургенев такой же антинародник, как и его нигилист-герой.

Народнический дух не захватил собой автора „Записок Ох.“. Идеология народнической демократии не пленила его скептической мысли, как не опьянила его „славянофильская брага“. У Тургенева не было ни малейшей веры в избранничество русского народа, в его мессианиззм. „Русский человек только тем и хорош, что сам о себе пресекверного мнения“—таково национальное определение Базарова, устами которого готов говорить и сам автор, ибо стоит только напомнить речи Потугина в „Диле“ о русском национальном характере и народе, чтобы убедиться в полном отрицательном отношении Тургенева к указанным идеологическим устремлениям. Подобные взгляды не мог бы высказывать писатель, психологически и идейно спаянный с народным коллективом, уверовавший в его великую будущность. Чтобы подтвердить анти-народничество в Тургеневе, приведем следующие его слова из письма к графине Ламберт: „Я никогда не писал для народа. Я писал для того класса публики, которому я принадлежу, начиная с „Записок Охотника“ и кончая „Отцами и детьми“ ²⁾. Этим признанием Тургенев как бы намеренно отделял себя от той группы писателей, которые создали так называемое народническое направление в нашей литературе. Для какого же класса писал Тургенев? Конечно, для той разночинной и деклассированной интеллигенции, которая составляла более или менее определенный круг образованных людей, из какого бы общественного слоя они ни исходили.

Слово „класс“ Тургенев употребил здесь не в социально-экономическом значении, а исключительно в культурном, противопоставляя образованный класс—необразованному.

Нарождающейся капиталистической промышленной буржуазии он был враждебен еще в большей степени.

Когда идеалы и притязания представителей этого класса сделались довольно видными и заметными в обществе и социальных взаимоотношениях, Тургенев откликнулся на них с явным недоброжелательством, недоверием и ироническим протестом.

Он издали следил за разложением социально-экономической структуры, за классовой сменой и медленным образованием новых элементов общественного быта. А между тем дворянин-помещик, дей-

¹⁾ См. известное письмо Тургенева к Герцену от 8-го октября 1862 г., в котором дается известная характеристика русского народа. (Ватуринский. Герцен, его друзья и знакомые. Т. I. Спб. 1904, стр. 188).

²⁾ Письма к гр. Ламберт. № 90. Стр. 161—2.

тельный участник и строитель полигической жизни, с конца 40-х г.г. заканчивал свою доминирующую роль и уступал место дворянину-чиновнику (бюрократу) и дворянину-промышленнику. С другой стороны, из низов подымался промышленник-разночинец (буржуа) и капиталист из купцов и кулагов. Они несли с собой дух здорового практицизма, выгодно продавали „дворянские гнезда“, устраивали фабрики и заводы, как, напр., Сипягин, конкурировавший с купцом Фатеевым, заботились прежде всего о доходности и прибыльности своих имений. Буржуазно-коммерческий дух ярвался в застывшие усадьбы поместий. Проследите по письмам и воспоминаниям Фета, Боткина и Льва Толстого за настроением средне-дворянского помещика после освобождения крестьян, и вы поймете, что то хозяйственное строительство, тот помещичий раж, которым всецело предались и Шеншины и Толстые, не был лишь устройством личного благополучия, нет, это была работа над укреплением разваливавшегося дворянско-землевладельческого класса, борьба за его (и свое) существование и отстаивание не правительственными мерами, а собственным трудом и хлопотами прав на землю и ее блага, которые у дворянства грозили отнять, с одной стороны, освобожденные крестьяне, а, с другой—новые предприниматели-хищники из купцов и мещан.

Оттого и у Фета и у Толстого (того времени) так властно и сильно сказался классовый инстинкт с явно националистической и славянофильской окраской.

Для них благо родины заключалось в целостности и охране землевладельческих и исконных бытовых устоев, каковые, по их взглядам, связуют в одно целое и помещичье сословие (не служилую знать) и крестьянский народ. Послушали сы, как единогласно и единодушно заговорили они—и Фет и Толстой—против притязаний восставших поляков, как горячо готовились к добровольному зачислению в армию для подавления мятежа, как напали на Герцена и Огарева за поддержку польского восстания, как спорили с Тургеневым и негодовали на него за его антинационализм, за его западнические пристрастия¹⁾, Фет до самой смерти остался таким цельным и крепким „консерватором“; Лев Толстой опомнился и после 78-го года „воскрес“, чтобы обратиться к новому идеалу жизни—в опрощении, народничестве и в первобытном христианстве.

Дворянско-классовый дух чужд Тургеневу, как и буржуазно-капиталистический. Он не практик и не строитель для потомства, для продолжения рода. Бесемейный, одинокий на чужбине, прилепившийся на конце чужого гнездышка, он неспособен упорядочить свои финансовые дела, а не только что заботиться об интересах целого

¹⁾ См. письма Боткина, Фета и Л. Толстого. „Русск. Обзор.“ 1890.

класса. Фет удивляется его практической наивности и безалаберности, Боткин возмущается ими, Толстой слегка подтрунивает¹⁾. Вечно у него недоразумения с управляющими, чужими и родными, которые его то разоряют, то эксплуатировать. Типичная черта барски-интеллигентской натуры — непригодность к житейской повседневности, неумение быть хозяином жизни.

Отвлеченные идеи свободы и гуманности, цепкая приверженность к общим основам культуры и цивилизации, одним словом, „Полугинские идеи“²⁾ — вот что составляло главнейшие очертания Тургеневской идеологии, которая достаточно развита в специальных монографиях о нем.

Характеризуя идеологию Тургенева, как представителя беспочвенной интеллигенции, мы усматриваем в нем типичные черты этой промежуточной социальной группы; раздвоенность, неустойчивость и повышенный индивидуализм. Не разделяя идеалов того класса, который руководил жизнью, интеллигенты в роде Тургенева не могли всецело связать себя и с идеологией революционного класса, и общественно-политические бури частенько толкали их утлые корабли „без руля и без ветрил“ в те безопасные приюты, где они отдавались свободно самоуглублению, скептицизму и безжизненной мечтательности. В этой оторванности и отчужденности от определенного классового сознания и руководящего коллектива заключалась и историческая вина и историческое возмездие для таких интеллигентов-писателей, как Тургенев. И то и другое приводило их к трагической, в социальном смысле судьбе.

Оторванность от коллектива порождает не только скептицизм мысли, не и пессимистическое настроение. Тургенев в период создания „Призраков“, „Довольно“ и „Дыма“ (1863—67 г.) был вполне близок к такому мучительному состоянию, губительно действовавшему на его творчество. Ни опрошение, ни хождение в народ, ни славянофильство не привлекали автора „Записок охотника“, в былые годы глядевшего вперед без боязни — в надежде славы и добра“, говоря стихами его любимца — Пушкина. Родина становилась чужбиной, а чужбина не давала ни удовлетворения ни успокоения, так как не было того берега, к которому можно было бы смело пристать, и той почвы, которую следовало бы „пахать и хорошо пахать“. Как раз в эти годы у Тургенева рвутся тесные связи справа и слева: Герцен и Огарев, с одной стороны. Фет и Катков, с другой, — обе крайности сходятся в своем отталкивании от Ивана Сергеевича, конечно, по разным мотивам. Для одних — слишком умеренный, для других — слишком крайний,

¹⁾ Там же. Ср. Воспоминания Фета. Ч. 1-я и 2-я.

²⁾ „Правдивость, свобода возрений и понятий образованность“.

анти-националист и анти-народник, либерал-постепеновец, не признающий русской самобытности и мессианизма, он действительно какой-то отщепенец, одинокий среди своих и чужих, не понятый многими и не понимающий многого. От полнейшего нигилизма и мрачного отчаяния его спасала опять-таки свойственная ему „романтика души“. Под влиянием ее создавалась прекрасная мечта о „лазурном царстве“, благословлялась молодая, грядущая жизнь, слагалась торжествующая песнь в честь героических подвигов и порывов самоотвержения. Последнее впрочем, носило более отвлеченный идеалистический характер, а для действительной жизни указывался путь скромной и будничной работы в роде той, которую выполнял Лигвинов.

Скептическая мысль Тургенева утверждала: „честности, простоты, свободы и силы—нет в народе“¹⁾, а романтика души тотчас же создавала „возвышающий обман“: они есть в языке, значит, будут и в народе. Отсюда, несмотря на логическое противоречие, являлась спасительная вера в то, что „великий, могущий, правдивый и свободный русский язык“ дан великому народу²⁾. Тургенев, можно сказать с уверенностью, находился почти постоянно между верой и сомнениями, между утверждением и отрицаниями. Толстой, напротив того, будучи всегда по своему психическому складу цельным и едино-верующим, крепко связывает себя с миром и нравственно-абсолютным началом. Для него Бог ни в коем случае не является лучшим, равным человеческому „я“, потому что „личность есть ограниченность, а Бог бес-пределен“. И в то время как Тургенев предавался гамлетическим сомнениям и отрицаниям, Лев Толстой все сильнее утверждался в проникновении „сущностью христианского учения“. „Свобода воли, учит Толстой,—состоит в признании того, что внутренний закон есть мы сами. Внутренний же закон есть то, что мы называли разум, совесть, любовь, добро, Бог,—одно и то же под разными названиями“³⁾. Абсолютное в религиозно-этической области, столь нетреложно принятое Л. Толстым, для Тургенева высшей категорией, без которой нельзя существовать, не являлось. Скептицизм Тургенева религиозными мыслями порицался. Вот, например, какой отзыв дала о нем в своем дневнике мистически религиозная Вера Сергеевна Аксакова: „Это человек, кроме того, что не имеющий понятия ни о какой вере, кроме того, что проводил всю жизнь безнравственно и которого понятия загрязнились от такой жизни, это—человек, способный испытывать только физиологические ощущения: все его впечатления проходят через нервы (?),

1) Из письма к гр. Е. Е. Ламберт. № 33 стр. 64.

2) „Русский язык“. Стих в прозе. (Senilia). Изд. Маркса IX стр. 117.

3) Дневник Л. Толстого (1895—99). Стр. 10—43—50.

уховной стороны предмета он не в состоянии ни понять, ни почувствовать".¹⁾ Это приговор, который, конечно, более характеризует ламого судью, чем обвиняемого, а мы особенно подчеркиваем это заключение от неверия к безразличности Тургенева,—такова точка зрения верующего моралиста, которую усвоил по отношению к Ив. Серг. и Толстой. Про Тургенева он писал: „Тургенев боится имени Бога, а признает его. Но тоже наивно-спокойный. В роскоши и праздности жизни“.²⁾ И что бы ни писали биографы, друзья и дети Толстого о его уважении и даже любви к Тургеневу, им не затушевать того неприятия, которого не мог преодолеть Лев Толстой в отношении к Тургеневу.

Оба писателя стремились к своей истине по-разному и с разными целями. Для Толстого познание истины путем самоотречения приводило к утверждению любви и добра; для Тургенева то же самое познание посредством самоутверждения намечало путь к индивидуальной свободе и нравственной красоте. Тургенев искал истины гораздо более при помощи знания, чем веры, которой он не имел. „Все мы на смерть осужденные: hodie mihi eras tibi—это плохое утешение, но другого нет, если только не искать его в религии. Но вы, может, знаете, это не по моей части“.

„Имеющий веру, писал он гр. Ламберт³⁾, имеет все и ничего потерять не может; а тот, кто ее не имеет, тот ничего не имеет, и это я чувствую тем глубже, что я сам принадлежу к неимущим. Но я еще не теряю надежды“. „Если я не христианин,—это мое личное дело, пожалуй, мое личное несчастье“. (Письма к гр. Ламберт 87-е. Стр. 156). Письмо относится к 15/XI 1861 года. В этот год Тургенев как раз работал над созданием Базарова, и в романе очень рельефно отразилось это раздвоение писателя между отрицанием, с одной стороны, и верой и надеждой, с другой. Именно в эти годы он сильно подвинулся от немецкого идеализма к естественно-научному позитивизму, разделяя с Базаровым почти все его убеждения, исключая взгляда на искусство, но присущая ему романтика, изгнанная из сферы идеологии, тем громче давала о себе знать в художественном лиризме и нашла себе выход в заключительной сцене романа, где старички Базаровы склоняются перед могилой сына. И вот, когда Тургенев завершал в Базарове свой этап анти-религиозного направления, Толстой обретал в Каратаеве первый залог своего религиозно-нравственного утверждения и воскресения. Так снова разошлись идео-

¹⁾ Проф. Иванов, Тургенев 1914. Нежин. Стр. 180.

²⁾ С. Л. Толстой, Тургенев в Ясной Поляне.—„Гол. Мин.“ № 1—4. 1919 г. Стр. 231.

³⁾ Письма к гр. Г. Е. Ламберт. № 80 стр. 141. (Письма к Полторацкому. „Новый Мир“ № 73. 1902 г. 3-е письмо. Стр. 9).

логически и психологически два великих художника, непримиримых в своей противоположности. Здесь, чтобы еще рельефнее подчеркнуть их расхождение, я скажу несколько слов об отношении Тургенева к героине „Странной истории“. Софья Б. Она внушила ему уважение к своей душевной силе, но автор сожалеет, что она пошла „именно этим путем“ и нашла себе наставника—боже мой! в ком? ¹⁾ Писатель словно не в состоянии скрыть своего чувства ужаса и содрогания, даже, пожалуй, отвращения к той уродливой форме, в какую высокий дух облакал свое отречение и заклание, а также к самому объекту этого подвижничества. И это чувство художника передается и читателю.

Ведь тут вера граничит с изуверством, которое для европейски-культурного Тургенева было и „странным“ и страшным явлением. Будучи индивидуалистом-западником, он не видел ничего привлекательного и отрадного в уничтожении, в топтании своей личности. Он мог идеализировать, как художник, религиозно-нравственное отречение (Лиза Калинина, Софья Б.), но никогда не проповедывал обязательного ношения нравственных вериг и не призывает к покаянному искуплению, что мы находим в произведениях Л. Толстого после 1878 года. Нравственное сектанство ему было так же чуждо, как и всяческая ортодоксия. ²⁾ Сергей Орловский в своей статье „О религиозных исканиях Тургенева“, приводя цитату из „Фауста Гете, пользуется ею для опровержения мнения некоторых критиков о том, что Тургенев был „страдающим атеистом“ (Перцов. О Тургеневе. 1818—1918. стр. 169). Едва ли эти слова сомневающегося Фауста свидетельствуют о религиозных утверждениях Тургенева. Другие же замечания и доводы С. Орловского в этом спорном вопросе кажутся нам либо слишком сентиментально-субъективными, либо черезчур категорично-ортодоксальными. Гораздо правильнее было бы говорить о религиозных сомнениях и отрицаниях Тургенева, чем о его исканиях и утверждениях. Сергей Орловский словно намеренно обходит вполне определенные признания Тургенева на этот счет, высказанные в письмах к гр. Е. Е. Ламберт, на которые мы особенно ссылаемся в подтверждение нашего тезиса об атеизме Тургенева. Эстетик, он ценил красоту не менее, чем истину и добро, и это особенно возмущало в нем Льва Толстого, для которого важны были только добро, правда и чистая совесть. Облекать эти нравственные основы в красивую оболочку внешней формы с точки зрения Л. Толстого было кощунственно. И именно в этом грехе был повинен, по его мнению, Тургенев, которого он порицал за пристрастие к „прекрасной лжи“, к красивой фразе, к эсте-

¹⁾ „Странная история“ Собр. соч. (Салаев). 1871). Стр. 31.

²⁾ Ср. также М. Л. Бродский. Тургенев и русское сектанство. М. 1922 г. (Нячичев. Сиб.) стр. 48.

тике, а не к этике. Толстой не хотел ценить в писателе лишь художника, подобно Тургеневу; он требовал от него еще религиозного отношения к жизни, чего у Тургенева не было. 1). Оба они не могли установив от „понимания душевного мира“ ни взаимного признания исповедуемых ими взглядов и идеалов. И чтобы лишний раз оттенить их стихийную непримиримость, я коснусь еще одного пункта их расхождения, а именно их отношения к смерти, к тому, как реагировали они в своем творчестве на ее неизбежность.

V.

Для Тургенева смерть представляется полнейшим небытием, уничтожением не одной лишь телесности, но и духовности. За пределами нашего существования ничто: темнота и молчание. Его особенно угнетает мысль о личном исчезновении в немой и мрачной бездне. Исчезает личное „я“, — исчезает для него и весь мир с его многообразием и пестротой. Отсюда — беспредельный ужас, чисто инстинктивный, животное-органический, который парализует даже его творческую мысль настолько, что она не создает никаких „возвышающих обманов“ и не находит никаких упований. Несомненно, неопровержимо одно: там, за гробом, нет ничего. „Темнота, темнота вечная“, и вот „ужас деленит“ душу поэта, как он говорит в прозаическом стихотворении „Конец света“. Непобедимый страх смерти, живший в Тургеневе, усиливался с годами и, чем ближе подходил он к неизбежной могиле, тем тоскливее сжималось его сердце, тем безнадежнее становился его взгляд, тем судорожнее вздрагивало все его существо. Он неоднократно изображает картины смерти, и в них нет ничего отрадного, примирительного, просветленного. Почти все „стихотворения в прозе“ Тургенева, посвященные думам о жизни и ее неизбежном конце, созданы под этим гнетущим чувством страха смерти. Поэт, когда думает о смерти и рисует ее, всегда ее воображает, создавая жуткие скульптурно-рельефные образы. При этом смерть и судьба сливаются в одно кошмарно-томительное нечто. И от той и от другой не уйдешь. То это — старуха судьба гонит человека к могиле и смотрит на него с искривленным усмешкой беззубым ртом; то — насекомое, страшная муха, жалящая того, кто ничего не подозревает и не ожидает ее смертельного укуса. Она возбуждает „отвращение, страх, даже ужас“. Порой перед вами какие-то бредовые сны („Конец света“, „Черепья“). Вдруг в зале на концерте вся масса людей показалась поэту „каким-то отвратительным сонмищем черепьев с мертвенной белизной и синеватым оловом обнаженных десен и свул“. И сама невидя, которую называли бессмертной, превратилась в такой же чудовищный призрак. — Какая мучительная ирония! Смерть, это чудовище, под влиянием которого все уничтожается, все немеет. „Гнилым, тлетворным холодком несло от

1) С. И. Толстой. Там же. Стр. 235.

нее—от этого холодка—тошнило на сердце и в глазах темнело, и вены вставали дыбом. Это сила шла; та сила, которой нет сопротивленья, которой все подвластно, которая без зренья, без образа, без смысла—все видит, все знает и как хищная птица выбирает свои жертвы, как змея их давит и лижет своим мерзлым жалом¹⁾. Эти поэтические образы соответствуют жизненному восприятию и ощущению, а эти последние у Тургенева сосредоточены на содрогании живого существа перед гибельным концом. В них либо „пугливо жмется до конца неугасяющая искра жизни“ либо судорожно трепещет от страха придавленная необходимостью душа человека. „Чувство жуткости“ испытывает умирающий Чулкатурин, которому „тяжело расставаться с жизнью, не смотря на то, что он был „лашним“, несмотря на полкую резанья-апаю. И чем более он чувствовал свою ненужность, тем сильнее разгоралась в нем жажда жизни, красивой, осмысленно-яркой и счастливой. „Насыщайтесь в последний раз, глаза мои“, пишет он в „Дневнике“. Чисто инстинктивная привязанность к земной жизни, какова бы она ни была, растет в геометрической прогрессии с чувством страха перед полным небытием. Никогда Тургеневские герои не утешают себя сладостными соблазнами веры, как это мы находим у Л. Толстого. Напротив того, у них к ужасу присоединяются или мучительные сомнения или отчаяние неверия. Когда умирает Инсаров, верующая Елена в тоске спрашивает: „Неужели это все—в нас, а вне нас—вечный холод и безмолвие? Ужели мы одни... один, а там, повсюду, во всех этих недосыгаемых безднах и глубинах—все, все нам чуждо?“ Елена хочет чуда и пламенно взывает: „Неужели же нельзя умолить, отворотить, спасти... О Боже! Неужели нельзя верить чуду?!“²⁾. То же настроение выражает и сам автор в прозаическом стихотворении „Молитва“.—„О чем бы ни молился человек—он молится о чуде.—Всякая молитва сводится на следующее: „Великий Боже! сделай, чтобы дважды два—не было четыре“. У Тургенева страх перед неизбежностью смерти соединяется с глубочайшей тоской неверия и жаждой хоть какого-нибудь забвения невыносимой мысли о конце. Оба—и Тургенев и Толстой—думают о жизни, но первый ждет ее спасения от неизбежной могилы и только уничтожения; второй же требует ее оправдания и морального искупления. Для Тургенева всякая жизнь—ценное благо, для Толстого лишь та жизнь имеет цену, которая нравственно упорядочена и христиански осмыслена. Тургенев робкой душой жаждет чуда, а разумом дерзает сомневаться и отрицать „может ли личный, образный Бог сделать так, чтобы дважды два не было четыре?

¹⁾ Сочинения Тургенева. Изд. Маркса. Т. IX. 1898.—Стихотворения в прозе.—Боже. Изд. бр. Салаевых. Призраки, V. Стр. 320.

²⁾ „Накануне“. Соч. Тургенева. Т. IV. Изд. бр. Салаевых. 1880. Стр. 159.

Всякий верующий обязан ответить: может—и обязан убедить себя в этом. Но если разум его восстанет против этой бессмыслицы? ¹⁾ Так здание веры рассыпается в прах под напором рефлексии и скепсиса. Что же остается человеку? Либо рабья покорность, жалкое трепетанье, подобное „перешлибл. нному крылу на-смерть раненой птицы“, либо содроганье ужаса. Даже бесстрашный Базаров, умиравший с полным сознанием, что „теперь—темнота“, не избег этого последнего — „одроганья ужаса на его помертвелом лице“. Тургенев в отношении своем к смерти наиболее рефлексивно-раздвоен, как гамлетическая натура, и вот в противоположность себе совершенно объективно он рисует картины смерти простых русских людей.

Интеллигентным „Гамлетам“ он противопоставляет непосредственно-цельных и элементарных представителей народа. Они, эти люди природы и почвенного быта, умирают, „точно обряд выполняют“, обыденно, животво-покорно, почти естественно, иногда с отрадвым упованием и облегчением, от земных страданий, иногда с мистическим экстазом, как, например, Лукерья. — Живые мощи. ²⁾ Но это изображение смерти у Тургенева есть результат наблюдения и внешних впечатлений; а не интимно-пережитого и лично-проникновенного. В последнем случае он всегда выявляет трепет и ужас. Рельефнее всего они выражены опять-таки в двух его субъективно-пессимистических этюдах: „Призраки“ и „Довольно“. В „Призраках“ даже прекрасный фантастический образ Эллис, этой поэтической грезы, подвержен отчаянному страху смерти. „Но чего же испугалась Эллис? подумал я. „Ужели и она подлелжит ее власти? Разве она не бессмертна? Разве и она обречена ничтожеству, разрушению? Как это возможно?“ (Призраки. V-й т. изд. Салаевых. 1874. М. Стр. 321). Вот, значит, в чем мучительный вопрос. Кто бы ни была эта Эллис, человеческая душа, поэтическая мечта или „муза-вампир“, ужас в том, что и она трепещет полного уничтожения, что и она мгновение в вечности небытия, которого даже и вообразить нельзя. Отсюда у Тургенева постоянно гнетущая его мысль о мгновечности нашего существования. Оно—лишь мавутная вспышка в извечном царстве все-поглощающего ничто. „Остальное—молчание“ (The rest is silence)—воскликает перед смертью Гамлет. И этими же словами Тургенев заканчивает свое пессимистическое „Довольно“.

Люди, эти „творцы на час“, сродные чему-то вышнему, вечному, они живут, должны жить во мгновение и для мгновения“. Однодневки-мотыльки, козявки, тысячелетия жизни которых—одна минута, по

¹⁾ Стих в прозе. Молитва. Т. IX. (изд. Маркса). Стр. 114.

²⁾ — также рассказ «Смерть».—Максим и Мелыник.

сравнению с беспредельной бездной ледяного безмолвия¹⁾. По словам Мефистофеля: „Бог блистает в вечности, черти звергнуты во мрак, а человеку даны лишь одна ночь да день“. (Einzig Tag und Nacht). А между тем человек дорожит этой однодневкой, этим мгном, надеется, на его длительность, на себя, на будущее и жлет благ каких-то от грядущего („Завтра, завтра“). Но лучше не глядеть вперед, особенно, когда настал холод и мрак старости. лучше не думать и уйти, уйти „от грозного мрака, чернеющего вперед“. (Стих. в прозе: „Старик“. „Что я буду думать“). Есть ли у Тургенева какая-нибудь сила, которая помогла бы ему победить и преодолеть этот ужас? Порою кажется, что это чувство непобедимо, но не забудем о раздвоенности его психики. Отчаянному скепсису мысли диссонировала романтика души. Под ее влиянием поэт искал „успокаивающих лекарств“—des calmants ou des palliatifs. К ним относятся философия, наука, мораль, художество, поэзия. Все это—лекарства от болезни. Но болезнь-то, т. е. сама жизнь неизлечима; ее последнее отправление—смерть. Таковы мысли, высказанные Тургеневым в одном из писем к графине Ламберт. А в другом письме к ней же, он скорбно констатирует, что в судьбе каждого человека есть что-то трагическое и „при том мы все осуждены на смерть“. (Письма к графине Ламберт № 22 стр. 50—1 и № 73 стр. 132). От этой гнетущей мысли Тургенев не избавляется ни в творчестве, ни в переписке. Но он жадно принимает „успокаивающие средства“ и всей силой романтики души хочет верить им. „Счастливы те, которые верят“,—почему же ему не примкнуть к ним? Каждый из нас создает для забвения великий или малый обман, лишь бы подавить в себе гнетущее ощущение животного ужаса, содрогания до тошноты, лишь бы уйти от грозного чернеющего мрака. Одному — загробное царство, Himmelreich; другому—космическое слияние, метемпсихоз или пантеистическое растворение; третьему—просто „каленые орешки“. („Что я буду думать“). И вот романтика души пришла на помощь и спасла поэта от холода и мрака безнадежности. Она внушила ему „песнь торжествующей любви“, один из самых красивых и возвышенных обманов des calmants ou des palliatifs. „Любовь сильнее смерти и страха смерти“, заканчивает он свое стихотворение „Воробей“, в то время как трезво-скептическая мысль, не верившая в чудо и восставшая против бессмыслицы, с ужасом твердила: „а не будет жизни—и любви не будет.“

Поэт—романтик воспринял этот обольстительный обман, своего рода „навью чару“ и облек ее в нежно-лирические и грустно-элегиче-

¹⁾ „Довольно“. т. V. Изд. Салаевых. М. 1874. Стр. 337-338. „Разговор“. Стих. в прозе, т. IX. Изд. Маркса. Стр. 67-69.

ские аккорды и мелодии, чтобы заглушить похоронный припев: „все это — pallatifs, calmants, калёные орешки! И так до самой могилы — „ду а в могиле поневоле размышлять перестанешь“. („Завтра, завтра“). Так ли мыслил и чувствовал Лев Толстой?

Разделяя жизнь на добрую, хорошую и дурную, подобно янсенистам, он считает праведно чистую жизнь здесь на земле залогом вечной, перед которой смерть — ничто. Мучил ли Толстого страх смерти так, как Тургенева? Едва ли. В молодости, полный сил и мощного здоровья, он естественно мало тревожился и болел этим вопросом. Натура менее всего эсверциательная и пассивная, напротив того, действительная, мятущаяся и ищущая, Лев Толстой более всего был занят тем, как праведно устроить свою жизнь, как найти ее нравственный смысл и осуществить подлинное нравственное благо.

И у него, как религиозного моралиста, очень слабо было развито чувство страха. Гораздо сильнее мучил и терзал его страх жизни, именно бессмысленной, безнравственной и неоправданной. Страшно не умереть, а жить так, как живут, напр., Иваны Ильичи и сотни тысяч им подобных. „Исповедь“ этого центром Толстовских переживаний в мучений по этому вопросу, показывает, что писатель не столько томился мыслью о полном личном уничтожении, сколько о бессмысленности своего земного существования, и потому, усиленно искал его оправдания. И он одержал победу и, любозную смерть поправ, преодолел и бессмысленность бытия, а вместе с тем ужас перед полным небытием. Для Толстого смерть — совсем не полное уничтожение, не мрак, не вечное гнетущее безмолвие. Смерть — освобождение и просветление. Но это освобождение предварительно требует покаяния и нравственного возрождения. Будучи на войне, он близко видел смерть, чего Тургеневу не приходилось видеть, но не предавался призракам уничтожения и небытия, а еще более напряженно думал о том, как жить, чтобы каждую минуту своего существования наполнить правдой и добром. В силу этого отношения к жизни и смерти, Толстой рисует картины этой последней более примирительными и даже отраднo-светлыми. У Толстого сильнее содрогается от скверности жизни, чем от неизбежности и бессмысленности конца. Основная мысль его такова: смерть лишь растворение личного „я“ в первоначальном целом, воссоединение обособленного с общим все-объемлющим, конечное слияние с Богом. Кн. Андрей Болконский, умирая, думает: „любовь есть Бог, и умереть — значит мне, частице любви, вернуться к общему и вечному источнику“. И так мыслит наиболее яркий представитель индивидуализма, потерпевший, впрочем, как и все такого рода Толстовские герои, полное жизненное крушение. Переход от обособления к слиянию достигается путем полнейшего отречения от своего „я“, которое по взгляду Льва Толстого, всегда призрачно.

Кня. Андрей перед смертью просветлел, почувствовав „как бы освобождение прежде связанной в нем силы и ту странную легкость, которая с тех пор не оставляла его“.

У Толстого большую частью умирают люди склада сильно индивидуалистического или эгоистического, погруженные либо в возвеличивание своего „я“ либо в мелко корыстную юдоль самоудовольствования. Своих праведников и искателей нравственного блага он бережет и приводит к спасительному евангелизму. (Нежлюдов, отец Сергей).

У Тургенева, напротив того, весьма часто излюбленные герои умирают случайно-внезапно, нелепо-бессмысленно, не закончив своей человеческой и общественной миссии, как, напр., Рудин, Инсаров, Базаров. Сам Толстой умер вполне естественно, в срок, прожив более 80 лет, свершив полный жизненный круг, без особенных мучений и страданий.

Тургенев умер гораздо раньше возможного предела, не свершив всего, что мог, измученный физически, еще задолго до конца почувствовав „холодок, веющий от могилы“¹⁾. После 40 лет ему уже стало „жить не совсем весело“, а „кто перевалился за 50 лет—не выйти тому из минорного тона“²⁾. „Холод старости“ знобил душу поэта как раз в такие годы, в которые Лев Толстой жил в полной мере и в полной чаше счастья и довольства. Что дало возможность Толстому преодолеть и „холод старости“ и содрогание перед смертью? То, к чему пришел Левин, счастливый семьянин и благополучнейший помещик, который стал задумываться над смыслом жизни и, не обретая его, думать о самоубийстве:—„Жизнь, каждая минута ее не только не бессмысленна, как была прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в нее!“ („Анна Каренина“). „Исновець“ завершила этот извечальный путь: от стремления к тому, чтобы ему с семьей было как можно лучше—к нравственному усовершенствованию и воскресению,—от Левина к Нехлюдову.

Тургенев же еще в 1861 г. писал гр. Ламберт: „Неужели смерть есть нечто иное, как последнее отправление жизни? Я решительно не знаю, что думать, и только повторяю: счастливы те, которые верят“.³⁾ Толстой был несомненно в числе счастливых, ибо верил в то, чего решительно не мог знать и иметь скептический, несчастливый Тургенев. И у Льва Толстого все, кто не верит, не видит нравственного добра и блага в самоогречении, кто погружен в тину себялюбия,

¹⁾ Перв. собр. писем. Суворину. 258 стр.

²⁾ Там же. Полоцкому. № 114. Стр. 146.

³⁾ Первое собр. писем. Суворину. 253 стр. 721 Там же. Полоцкому. № 114. Стр. 146. 73) Там же. № 31. Стр. 144.

гибнут и нравственно и физически: умирают преждевременно (иногда катастрофично) кн. Андрей Болконский, Элен Курагина, Анна Каренина, Павлинычева, Николай Левин, Иван Ильич Головин, революционер Меженецкий, при чем, здесь писатель не просто открывает трагизм личной судьбы, а указывает на моральное крушение, давая таким образом читателям нравственный урок. „Мне отпущение, и Аз воздам“ — таков эпитаф, общий ко всем этим явлениям жизни и смерти. Смерть, которую люди стараются забыть, придет неожиданная, неизбежная и покарает тех, кто не хочет знать истинной жизни.. „Чтобы жить разумно, надо „жить так, чтобы смерть не могла разрушить жизни“. („В чем моя вера“. Изд. Черткова. England. 1902. стр. 114.).

В пов. „Смерть Ивана Ильича“ нас поражает не смерть заглавного лица, а его „ужасная“ жизнь, о чем нас предвещает сам автор: „Прошедшая история жизни Ивана Ильича была самая простая и обыкновенная, и самая ужасная“. ¹⁾ Толстому и в голову не приходит та мысль, что Иван Ильич мог жить разумно, даже свято, и все-таки страдать и в мучениях умереть бессмысленно-нелепо. Однако, по Толстому в момент смерти для Ивана Ильича наступает радостное просветление, как и для кн. Андрея: „Он искал прежнего, привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было. Вместо смерти был свет.. Какая радость!“ ²⁾.

Невольно для резительного контраста вспомнишь слова Тургеневского Базарова: „Да, попробуй-ка отрицать смерть; она меня отрицает, и basta!“ („Отцы и дети“.). У Тургенева — безнадежность и содрогание ужаса; у Толстого — радость освобождения и просветления. Для последнего смерть не страшна, потому что: „его жизнь и смерть будут служить спасению и жизни всех, а этому то и учил Христос“. ³⁾ Жизнь казалась ему ужасною „И вдруг я услышал слова Христа, понял их, и жизнь и смерть перестали мне казаться злом и, вместо отчаяния, и испытал радость и счастье жизни, ненарушимые смертью“ ⁴⁾.

Толстой понял, что истинная жизнь есть связь человека с Богом в любви и добре, есть непрерывное служение ближним, неособенно, а роду-коллективу и продолжение его в себе подобных.

Левин, изумляющийся тому, что „неразумным“ Бог открыл тайну жизни и смерти, скрытую „от премудрых“, в конце концов тоже постигнет ее.

¹⁾ Л. Толстой. Соч. т. X под редакц. Бирюкова. Стр. 9.

²⁾ Там же. Стр. 46.

³⁾ В чем моя вера? Стр. 132.

⁴⁾ Там же. Стр. 114.

В чем же она, эта тайна?—В том, чтобы отречься от самого себя, раствориться в целом во имя любви и блага.

Человеческая особь гибнет из-за своей оторванности, отделенности от целого, от коллектива, который есть все единство, Бог, Спасение лишь в слиянии, в покорности коллективу, в продолжении рода. Таково коренное различие Толстого и Тургенева. Индивидуализм последнего приводит к скептицизму, неверию и тоске недовольства; коллективизм Толстого дает твердость спокойствия, блаженство веры, радость просветления. Эта различие результат психологической полярности.

Тургенев более чувствует и рефлексировать, Толстой—рассуждает и наставляет. Один страдает и боится; другой—убеждает и пугает. Тургенев поддается „романтике души“ и, в ней ищет забвения от давящего груза сомнений; Толстой всегда обретается во власти догматичности разума и в сфере нравственных постулатов, куда он переносит вопросы о жизни и смерти; он разрешает тайны последних в пределах морали, этики, а не метафизики и мистики, разрешает их силою Разума, который для Толстого равнозначущ с Разумом вселенной и Богом. Рационалистически склад Толстовского мировоззрения столь же целостен и последовательно прямолинеен, сколь двойственны и противоречивы Тургеневские романтика и гамлетизм.

VI.

Что же можно сказать в заключительном итоге? Тургенев и Толстой — колоссальные вершины творческой индивидуальности. Их нельзя сразнять ни между собой, ни между другими. Слишком своеобразны изгибы их творческих возвышений, слишком разнородны составляющие их психические пороки и слишком различны их жизненно-писательские пути. Тургенев идет к индивидуализму. „Что делать? Я останусь индивидуалистом до конца“. (Письмо к А. И. Герцену. Батуринский. Там же стр. 276.). Толстой к альтруистическому мужицкому коллективизму. Первый стремится к духовной независимости и свободе личного начала, второй—требует нравственной связанности и подчинения тому, что он называет „высшим законом“. Для Тургенева нет догмы абсолюта, ортодоксальной нетерпимости, что в высшей степени присуще Толстому. Последний именно требовал от других, чтобы они верили и служили тем абсолютным велениям, без которых нет и не может быть спасения. Тургенев, напротив, никому не навязывал своего отношения к жизни и своего миропонимания; ему чужда была всякая педагогика.

Подлинный культурник и эволюционист-постепеновец, он никогда не отрицал известной доли истинности во всяком устремлении научно-философской и религиозно-нравственной мысли. Ему свойствен

Решно было рассматривать все оттенки и направления этой мысли, как известный результат непрерывного человеческого развития, и он, скептик по натуре, мог сказать то же самое, что говорит „дух отрицания“. Мефистофель в Гетевском „Фаусте“. „Неудержимо мысль стремится в нас вперед, ее безбрежное стремление превыше всякого земного наслаждения“¹⁾ Никогда Тургенев не позволяет себе таких отгульных осуждений различных научных и философских взглядов и теорий, как это делает всегда и всюду Лев Толстой, если они, по его мнению, противоречат христианскому учению о любви и добре.

Тургенев же очень редко рассматривает их сквозь призму этических норм и евангельских истин. Он при всем своем скепсисе и пессимистическом настроении по отношению к действительности, не перестает „смотреть без боязни вперед“ и видит в далеких очертах культуры непрестанный рост культуры и цивилизации. Даже „желчный динохондрик Погогин крайне высоко ценит это слово и верит в него. Вот что он говорит Литвинову: „Всякий раз, когда вам придется приниматься за дело, спросите себя: слушите ли вы цивилизации—в точном и строгом смысле слова, проводите ли одну из ее идей, имеет ли ваш труд тот педагогический, европейский характер, который единственно полезен и плодотворен в наше время, у нас? Если так—идите смело вперед: вы на хорошем пути, и дело ваше благое!“²⁾

Разумеется, и Тургенев благословил бы также всякого идущего по этому пути, который он считал единственно правильным и необходимым для всех, в том числе и для писателя—художника „Нет, без образования, без свободы в обширнейшем смысле—в отношении к самому себе, к своим предвзятым идеям и системам, даже к своему народу, к своей истории,—не мыслим истинный художник; без этого воздуха дышать нельзя.“³⁾ Толстой не хотел довольствоваться только этими лозунгами именно в силу „предвзятости“ своих нравственных идей, во имя которых он отрекался от свободы и личности и истинного „художества“. Он устремляет свой взор либо ввысь—от человека к Богу и Богочеловеку, либо назад—в естественное состояние, в патриархально-христианскую общину. По его учению люди должны вдруг переродиться и, сделав сверхъестественный прыжок из царства зла и своекорыстия попасть в обетованный рай добра и братолюбия, в своего рода Schlaraffenland („страну лени и изобилия“). Для него не существует середины: tertium non datur. Тургенев, напротив, не разделяя крайностей мировоззрения. По его взглядам, человечеству

1) „Der ungebändigt immer vorwärts dringt

Und dessen übereiltes Streben

Der Erde Freuden überspringst, (Faust Studierzimmer)

2) Тургенев. Дым. Т. V. Стр. 176. (Бр. Салаевых. 1889).

3) По поводу „Отцов и детей“, т. I стр. 107 (тоже).

суждено медленно, но неуклонно, в упорной борьбе, при помощи знаний, труда, и подлинной свободы, идти шаг за шагом к высшим ступеням культурного развития и гуманизма. В этом отношении он — подлинный выразитель нашей разночинной и демократической (но не социалистической) интеллигенции с ее устремлением к европеизму и эволюционизму. Толстой, наоборот, духовный бунтарь, моральный реформатор и максималист долга, типичный представитель какого-то дворянства с уклоном в сторону народничества и активного сектанства. Отсюда у Льва Толстого отрицательное отношение к интеллигенции, в которой он видел лишь какое-то средостение, мешающее осуществлению того, что он исповедывал и проповедывал. Требуя материального уравнивания и внезапного превращения нищего Лазаря в благополучного патриарха — христианина, он возмущался, когда слышалось на невозможность подобного переворота, указывая на данные объективной науки, а не субъективной религии. Толстой психологически принадлежит к той же породе людей, что и Кропоткин, Бакунин, Лизогуб и др., но, будучи активным бунтарем, как и они, он отказался от их путей и методов борьбы. Он и революционера Лизогуба превратил в Светлогуба, умершего на виселице с евангелием в руках. Для него одинаково непримлемы всякие революционеры — и народолюбцы — террористы и социал-демократы — марксисты. Об этом явно свидетельствует его рассказ „Божеское и человеческое“. Быть может, Толстой, отрицавший борьбу насилем и проповедовавший прощение, знал или предчувствовал, что социальный переворот, которого он несомненно ждал, придет не с любовью и милосердием, а с лютой враждой, классовой ненавистью и кровопролитием; зная это (хотя бы по революции 1904—5 года), он тем сильнее и настойчивее призывал к евангельскому примирению и добровольному перерождению. Этот писатель, вне всякого сомнения, носил в душе под конец жизни коммунистический идеал и во имя него проповедывал отказ от житейских благ, от культурной роскоши и всевозможных излишеств. Труд, материальное, экономическое уравнивание, прощение и полнейшее братство — вот его идеалы. Они осуществляются добровольной социализацией и самоотречением. Различие у Толстого с социалистами в путях осуществления, а не в конечных целях. И тот и другие близки по духу во многом и имеют своим вдохновителем Руссо. Один критик утверждает, что социально-экономический идеал Толстого весь позади, что возврат к нему невозможен, а его нравственный идеал бесконечно впереди, и один Бог знает, осуществлено ли осуществит его биологическому виду, называемому homo sapiens¹⁾. Современная действительность внесла существенные поправки в это голословное утверждение.

1) Алданов. Толстой и Роллан. Стр. 228.

Мне думается, что многие вопросы, мучившие Толстого, как социального реформатора, разрешены революцией по своему, разрубившей гордые узлы экономических противоречий, и тем осуществившей то, что было желательно Л. Толстому. Что это случилось не так, как мечталось нашему руссоисту, это—другое дело. Что касается нравственного идеала Толстого, то он, разумеется, лежит исключительно в пределах веры, и здесь предоставляется всякому из нас либо уповать, либо сомневаться. Толстой уповал, Тургенев—сомневался; как он сомневался и в осуществлении социализма. Отношение его к этому вопросу обстоятельно и четко выяснил профес. Сакулин в своем редкостном по сжатости и в то же время точности итоге общественно-политического мировоззрения Тургенева. ¹⁾ Позволяю себе напомнить два его основных положения: 1) Тургенев в области социальных вопросов не являлся натурой активной, боевой, выступая лишь в роли объективного наблюдателя и скептически—настроенного художника, не верующего не в какие обсолюты и системы; 2) он боялся социализма, видя в нем умаление прав личности (значит—во имя индивидуализма) и понимая, что „погоня за далекими идеалами мешает достижению ближайших целей“. ²⁾ Вот почему этот романтик-идеалист, поэтизирующий героические подвиги борьбы и самопожертвования в своих Елене, Марьяне, Инсарове и девушке у „порога“, в то же время то и дело в своих произведениях указывал на необходимость скромно-будничной культурной работы на пользу и улучшение убогой и скверной российской действительности. Ясно-трезвый ум Тургенева заставлял его подчеркивать насущность и важность кропотливо-мелкого строительства. Его Рудин хочет приспособит себя к такому полезному делу и советует Наталье выбирать круг, по которому пробегает жизнь, проще и теснее, не в том дело, чтобы отыскивать в ней новые стороны, но в том, чтобы все переходы не совершались своевременно“. Лаврецкий и Литвинов приходят в конце концов к тому же: один хочет хорошо землю пахать; другой культивировать сельское хозяйство; серый работник революции Соломин советует Марьяне сперва научиться „шелудивому мальчишке голову расчесать“. А вот, что пишет уже сам автор в частной записке: „Нора у нас в России бросить мысль о сдвигании гор с места“—о крупных, громких и красивых результатах; более чем когда-либо и где-либо следует у нас уловляться малым, назначить себе тесный круг действия: мы умрем—и ничего громадного не увидим. ³⁾ Тому же лицу он пишет, что в ожидании той поры, когда явятся крупные оригинальные личности, лучше всего „добро делать

¹⁾ Проф. Сакулин. На грани двух культур. Тургенев. Стр. 57—58, 64 и 67.

²⁾ Перв. собр. пис. Философовой. 1875 г. № 200 стр. 251.

³⁾ Тоже стр. 245 № 192.

помаленьку“: самим учиться азбуке и других учить. Все письмо к Философовой проникнуто подобным трезво-постепеновским духом и проповедью полезности. Удивительно сказалась здесь двойственность Тургенева: романтика души заставляла его презирать положительных людей в роде Курнатовского, Астахова и поэтизировать красоту и величие подвига, героических порывов, а скептически-трезвая мысль приводила к выдвиганию „великих людей на малые дела“. каковы Литвиновы, Соломины и т. п. Но будучи с одной стороны иллюзионистом дон-кихотского склада, Тургенев, по меткому замечанию профес. Сакулина, „ни близорукостью ни дальтонизмом не страдал“. К этой удачной метафоре я добавлю, что не было у него и религиозного визионизма, как у Л. Толстого. Его острое и четкое зрение „хорошо умело разобраться“ в связанном почерке событий“, как говорится у Герцене („Кто виноват“) и верно отличало подлинное горение и живо-творный свет от призраков и погони за далекими идеалами.

Могли ли сойтись оба великих писателя? Конечно, нет, и не потому, что „Толстой, как мировой мыслитель, не был понят Тургеневым“, что утверждает, напр., профес. Сакулин. Напротив, и частная переписка и отзывы Тургенева показывают, идеология Л. Н. Толстого им была хорошо понята, но понять еще не значить принять и признать. „Честный скептик всегда уважает стойка“, сказал Тургенев в своей речи о „Гамлете и Дон-Кихоте“, и он ценил и уважал своего противника, как он уважал, напр., Инсарова. Однако, ни Инсарова ни моралиста-мыслителя Толстого он ни любить ни вместить в себя не мог и не хотел. Мало того, Тургенев сознавал, что путь Толстого-проповедника вреден не только для художника и литературы, но и для всей культурной России, и он усиленно звал его свергнуть с этого пути, желая ему духовной свободы и выдвигая Пушкинское творческое начало, Аполлонийское, взамен Гоголевской учительности и сократизма. Тургенев, как и Пушкин, хранил и лелеял в душе художественно-человечный идеал Моцарта, а не идоложречество Сальери.

Как для Моцарта и Сальери не могло быть примирения в конген-нальности, так и для Тургенева и Толстого. Пути и устремления их в корне и по существу глубоко различны, и между их личностями мы усматриваем не маленькую неприязненную щель, а громадный не-омошенный овраг.

10/VII - 19V/III - 21 г.

БИБЛИОГРАФИЯ.

FRANCIS & TAYLOR

Полный библиографический указатель к изучению жизни и творчества Ив. С. Тургенева.

3-й отдел: биография, материалы и заметки по поводу их.

1. Агафонов Материалы для полного собрания сочинений И. С. Тургенева Казань 1883 г.

2. Анненков. П. В. Молодость И. С. Тургенева (1840—56) „Вестник Европы“ II Пб. 1884 г. Стр. 449—473.

3. Аргамакова. Семейство Тургеневых. Исторический Вестник XV т. Пб. 1884.

4. Ашкинази. М. О. Тургенев и террористы—Минувшие годы VIII. 1908 г.

5. Баргев П. Тургенев и Достоевский. Русский Архив 1902 г. IX.

6. Барышников Н. П. Не изданное стихотворение И. С. Тургенева. Дек. 1835 года. Стр. 730.

7. Батурицкий В. Герцен и Тургенев. Исторический Вестник № 1. П. 1900 года. Стр. 203—228.

8. Батурицкий В. Черты из жизни Тургенева. Исторический Вестник № 3. Петербург 1899.

9. Батурицкий В. Герцен и его друзья. Изд. Львовича. Петерб. 1904 г. Стр. 49—294.

10. Безродный. А. В. Тургенев и эмигранты. Исторический Вестник I Пет. 1906 г. стр. 181—198.

11. Бертенсон Лев. И. С. Тургенев. Медицинский Вестник П. 1883 а.

12. Бескин Э. „Тургенев и Савина“ „Авангард“ № 2 М. 1922 VIII. Стр. 35.

13. Бирюков П. Л. Н. Толстой. (Тургенев и Толстой) Биография I и 2 т.

14. Былое. Мелочи прошлого (о крестьянах Тургенева) № 6. 1908.

15. Венгеров С. А. Критико-биографический словарь П. 1904.

16. Венгеров С. А. Профессор Петербург. Ун-та. Тургеневский „Порог“—Русское Богатство № 11—12 С. П. Б. 1904 г. Тургенев Ив. Серг.—Всеобщий Ежемесячник П. 1911 П. Стр. 98. Изд. Брокгауз и Ефрон.

17. Викторов Н. Материалы для биографии Тургенева „Исторический Вестник“ № 7 1897 года.

18. Вся Россия. Энциклопедическая библиотека под ред. В. И. Маркова И. С. Тургенев. Биографический очерк Н. В. Носкова. Изд. Иогансон. Киев—Харьков. 1899 г.

19. Галерея. Русских деятелей. под Редакцией С. А. Венгерова—Брокгауз и Ефрон. П. 1903 г.

20. Галерея. русских писателей. Текст И. Игнатова. Изд. Смирновта. Моск. 1891 г.

21. Г—в. Тургенев—филантроп. Новости № 177 П. 1883 г.

22. Георгиевский. Тургенев в переписке с гр. Ламберт. „Голос Минувшего“ 1914 г. № 10.

23. Гершензон. М. О. 1) Образы прошлого М. 1912. Стр. 142—175. 2) Русские Пропилей. Материалы по истории русской литературы т. III Изд. Сабашникова Москва 1916 г. 350 стр.

24. Григорьев. История С.Петербургского Университета П. 1870 г.

25. Гутьяр Н. 1) Тургенев и Достоевский Русская Стар. № 2 1902 год, 2) Тургенев и Некрасов—тоже № 1 1903 г. 3) Тургенев и польский вопрос—тоже № 9. 1903 года. 4) Тургенев и его дочь П. Брюэр—тоже № 1. 1904 г., 5) Тургенев и Воткин—тоже № 3. 1904 год., 6) Предки Тургенева—тоже № 12. 1907 г., 7) И. С. Тургенев в ссылке (1852—53) там же № 1 1905 е.

26. Гутьяр. 1) Тургенев 1907 г. Юрьев.
2) Хронологическая канва для биографии
Тургенева „Академические Записки“ т. 87.
Петербург.

27. Двадцать пять. (XV лет) (1859—
1884 г.) Сборник, изданный комитетом Об-
щества для пособия нуждающимся литера-
торам и ученым. С. П. Б. 1884 г.

28. XIX-й век. Иллюстрированный обзор
минувшего столетия. Приложение к журна-
лу „Нива“ „Литературное движение XIX в.
Очерк В. Соловьева.

29. Деятнадцатый (XIX век.) Обзор науки,
техники и политических событий, под ред.
М. М. Филиппова С.П.Б. 1900 г.

30. Добрыв. Биография русских писате-
лей 1900. Петербург.

31. Дризен. (барон) Арест и ссылка Тур-
генева. „Исторический Вестник“ II кн. Пе-
тербург 1907 г. Стр. 559—570.

32. Дунин А. Дело о буйстве Тургенева.
„Исторический Вестник“ № II Петербург
1912 г. Стр. 629—632.

33. Егоров А. Тургенев и князь Горчаков
(1876) Рус. Стар. 1889 г. XI.

34. Женское Образование. Тургенев на
музыкально-литературном вечере жен. пе-
дагогич. курсов № 3. 1879 г.

35. Ж. Тургенев и французск. литерат.
(1874—83). Новости 83. № 177.

36. Известия Толстовского Музея. в С.Пе-
тербурге. (Толстовский Ежедневник I) Сева-
стополь в августе 1855 г. Толстого с по-
правками Тургенева.

37. Из газет. вырвки о жизни и твор-
честве Тургенера по поводу юбилейных
торжеств (1897. 1903. 1908 и 1918 г.) состав-
ил Мих. Португалов. Орел 1919 г.

38. „Из Общественной хроники“. Прения о
Тургеневской улице в Одесской городской
думе.—Вестник Европы № 12 1883 г.

39. Н. Тургенев и его отношения к Сал-
тыкову—Книжки Недели 1897 г.

40. Каталог. Тургеневской выставки в
1908 году. Изд. Академии Наук П. 1909 г.
Составили Витберг Ф. и Модзалевский
Стр. 305.

41. Катков М. Н. Берлинские новости—
Отечественные Записки том XVI С.П.Б.
1941 г.

42. Кривошлын. Исторические анекдоты
из жизни русских замечательных людей
3-е изд. С.П.Б. 1898 г.

43. Кузнецов С. Гоголь и Тургенев. Не-
сколько параллелей из их жизни. Сборник
Учен. Лит. Общ. при Юрьевском Уни-те
1903 VI.

44. „Лепта Белинского“. В пользу голо-
дающих. Москва 1892 г.

45. Лириня и антология русских поэтов.
Сборник стихотворений. Издание П. Про-
фирова 1895 г.

46. Лисовский Н. М. Новые материалы
для биографии Тургенева П. 1892.

47. Литературно-библиологический сборник
под редакцией А. К. Ильинского. (Материалы,
изд. Клеман, Фоминым, Богдановым
ст. А. К. Ильинского Петр. 1918 г.

48. Литературный Музеум. Цензурные ма-
териалы Госуд. Архивн. фонда. Тургенев
стр. 125—328. Под ред. Николаева и Ок-
смана Петербург. Стр. 125—328.

49. Лучаковский. Русские писатели в
польской литературе. Выпуск III С.П.Б.
1913 г.

50. М. Три последние произведения Тур-
генева. (Живые мощи. Наши послали, Пу-
нина и Вабури).—Русский Вестник CXI т.
М. 1874 г.

51. Майнов Л. Н. Ссора между Гончаро-
вым и Тургеневым. Русская Старина 1900 I.

52. Мартов И. Галерея русских писате-
лей и художников с Пушкинской эпохи до
наших дней. Издание Мертца. С.П.Б. 1901 г.

53. Мартыанов П. К. Цвет нашей интелли-
генции. (Словарь альбом русских деяте-
лей XIX в. 3-е издание 93. П.

54. Матвеев. П. Тургенев и славянофил-
лы—Русская Старина № 4. 1904 г.

55. „Мелкие заметки о Тургеневе“. Сове-
ременник № 11 1855 г.

56. Мещерский А. А. ии О последних
днях Т-ва. Об. „На память о Т-ве“ 1883 г.
С. П. Б.

57. MOURIER. Tourguènéff a Spasskoé
velten 99. П.—Стр. 164.

58. Никольский Юр. Дело о похоронах
Тургенева „Былое“ 1917 № 4, стр. 146—156.

59. „Новые писатели“ (Сборник Т. I-ый
Тиблен. 68 П.

60. Оксан Ю. Г. а) Завтрак у предво-
дителя, б) Муму, Редакция, введение и при-
мечания. Одесса 1921 г.

61. „Оскорбление памяти Фета и Турге-
нева“. Ежемесячное сочинения № 4, 1900 г.

62. „Орловский Вестник“ 50-летие издания „Хорь и Калиныч“ (1847—97)—Юбилейный Номер № 85. Орел 1897 г.

63. Острогорский В. а) Русские писатели 79. б) Тургенев о культурной русской женщине (Речь) „В добрый час“ в) Памяти Тургенева—Ребус—83, II. (оттиск).

64. П. М. Эпизод из жизни Тургенева. Неделе № 43 П. 1883 г.

65. Певца П. Виардо-Гарсиа. Русская Старина № 5 1884 г.

66. По поводу кончины И. С. Тургенева:

1) „Нива“ № 34. 1883 г.—От издателя.
2) Наблюдатель № 9. 83 г.—Кончина И. С. Т.

3) „Луч“—№ 36. 1883 г. 4 IX С. П. Б.
4) „Вестник Европы“ № 11. 83 М. С. Мохорын Т.

5) „Нива“ № 42. 1883 г. Похороны.
6) Там-же № 37 1883 г. (С портретом).
7) „Вестник Европы“ № 10. 1883 г. Внутреннее обозрение (Смерть Т.), как событие в истории нашего общества).

67. Портретная галерея русских деятелей; издание М. Мюнстера с биографией Тургенева, написанной М. Д. Хмыровым.

68. Португалов М. В. Краткий путеводитель по Тургеневскому музею. Орел, Губ. издат. 1921 г. Стр. 16.

69. „Пушкинский Сборник“ (100 лет со дня рождения) С. Ф. Шаранов, Аксаков и Тургенев о Пушкине. СПб. 1899 г.

70. Рассказ Тургенева. „Франсуа“ (La Nouvelle Revue) 15/XII 1879)—Иллюстрированный мир № 22, 1879 г.—Живописное обозрение № 1, 1880 г.—Газета „Правда“.

71. Рецензия на книгу. „Новина“—сербский перевод романа Тургенева „Ночь“ (Тодорович)—Вестник Европы № 12, 1887 г.

72. „Родной язык в школе“. (Ст. Горового об экскурсии в Тургеневский музей в Орле книга 1-ая М. 1918 г. (стр. 89).

73. Руммель и Голубцов. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Том 2 Суворина П. 1886 г. (стр. 536).

74. Русаков Вик. Сто русских литераторов. Вольф 91. М.

75. „Русская Старина“: а) № 1, 1884 г., И. С. Тургенев в полицейской части в 1852 г., б) Незданная статья Тургенева о крестьянском вопросе. Н. Лернера П. 1911 г. Стр. 285—300.

76. Русская старина: а) Предки Тургенева, 1883 г. X., б) И. С. Тургенев четыре стихотворения его (1842—1844 г.) Сообщ. А. В. Смирнов XI. 1885 г. Стр. 420.

77. „Русская старина“ Тургенева X. 1883 г. в его рассказах из своей жизни и в его письмах.

78. Русский Архив. Предки Тургенева. 1878 г. II.

79. Русские Проплеки. Материалы см. Гершензон.

80. Русские современные деятели. (Сборник портретов и биографий), Составлен Лобановым. Изд. А. Баумана, т. I-й С.П.В. 1876 г. (Портрет и автограф Т-ва).

81. Руткевич В. П. Орел. Материалы для описания Орловской губернии. Рига 1903 г. Издан. Александрова. (Стр. 190—201.)

82. Рында И. Ф. Забытая усадьба. Историч. Вестник—1895 т. 62 и 54.

83. Рында И. Ф. Черты из жизни Тургенева. Суворина, 1903 г. II. Стр. 78.

84. Сборники: 1) вырезок из газетных статей и заметок 1883 г., касающихся Тургенева, его литературы, деятелей, кончины и погребения; 2) — Академии Наук (библиогр., хронологич. канва С.П.В. 1910)
3) И. С. Тургенев. Казань 1911 г.

85. Сватиков С. Г. Тургенев и русская молодежь в Гейдельберге.

86. „Северное обозрение“. Журнальные заметки 1848 г. № 2.

87. Семенович В. По поводу ст. Гутьяра: Т. и Фет.—Вестник Европы 1900 IV.

88. Соловьев Ал. Тургенев, биография и разбор его произведений. П. 1908 г.

89. Соловьев Евгений: 1) Тургенев (биограф. очерк). Павленкова 1894 г. П. (перевздано 1920—22). 2) Очерки из истории русской лит.—Знание 1903 г. Петербург.

90. Соловьев Е. Тургенев и его новые письма (рецензия) Журнал для всех № 9. 1903 г.

91. Ст. М. Злостное покушение на добрую память Тургенева.—Вестн. Евр. 1907. III.

92. Стахович М. В 1903 г. о 1853 г. Орловск. Вестн. 1903 г. № 224—22-VIII.

93. Сухотина-Толстая. Друзья и гости Ясной Поляны. Новое Время П. 1908 г. II/2 № 11456.

94. Тверской П. А. Американский женский клуб о Тургеневе.—Вестн. Евр. 1896 III.

95. Тихонравов Н. С. 1) Сочинения III т. М. 1898. 2) Тургенев в Моск. Ун.—те 1833-34г. Вестн. Европы № 2. II. 1892 г.

96. Труды Тульской Ученой Архивной Комиссии. 1) Записка Тургенева и др. 2) Арсеньев. О портрете В. П. Тургеневой. Тула. 1915 г. Стр. 178-9.

97. Изв. Серг. Тургенев, Издание „Волжского Вестника“. Казань 1883 г.

98. Тургенев в Баден-Бадене. Современное Обозрение. II 1868 г.

99. TURGENEV AND HIS FRENCH CIRCLE. London. 1898 г.

100. Тургенев М. С. Неизданные произведения. (О русском крестьянстве, Музей, Подмудуй, Прощание и Толпа). Изд. „Молодые силы“. Казань 1911 г. Тургенев и молодая Россия. Тургенев и гр. Д. Толстой Общее Дело № 56. 1883 г.

101. „Тургеневский Сборник“. Под редакцией Н. К. Пиксанова.—Огни. II. 1915. Ст. Богдановой, Малышевой, Островской и Петрашневич. Стр. 215.

102. „Тургенев в 1839—52 г.“ Перевод с немецкого.—Русская Старина № 5. II. 1894.

103. Тургеневский Сборник. Под редакцией А. Ф. Кони. (Неизданные письма и материалы). Ст. Кони, Утевского, Корепина, Клеман и др. Кооперат. изд. лит. и ученых. Петербург. 1921 г. Стр. 207.

104. Фатов Н. Н. Рукопись Тургенева „Студент“.—Культура театра. М. 1922 г. № 1-2. Стр. 47-52.

105. Чешинский В. Виадро и любовь к ней Тургенева. „Русская музыкальная Газета“ № 6-25. II. 1916.

106. Чуковский Н. Жена поэта (А. Я. Пашаева). Изд. Эпоха 1922 г. II. (Воспоминания о Тургеневе и материалы). Стр. 22.

107. Чуковский К. Повесть о Достоевском, Тургеневе, Белинском и др.—Неизданные произведения Н. А. Некрасова. Петерб. 1918 г. Стр. 1-22.

108. Штейн В. Тургенев как политик и конституционалист. Историч. Вестник. 1913 X.

109. Щекин-Кротов: Тургеневский музей в Орле. Изд. Орлов. Губ. Отд. Нар. Обр. Орел. 1919 г. Стр. 16.

110. Юсупов (Иглыз). Изв. Серг. Тургенев. (Размышления и выводы) Петербург. 1883 г.

111. Яновлев Н. Тургенев и Виадро.—Нива. № 119. X П. 1913 г. Стр. 830-833.

112. „Ясная Поляна“. (Журнал). Бесплатное приложение. Сочинения, печатавшиеся до сих пор за-границей и избранные рассказы русских писателей. Вып. I-X С.П.Б. 1906 г. Стихотворения Тургенева: „Порог“ (в прозе) и „Кнут“.

II-й отдел: историко-литературные и критические статьи и исследования. (Монографии).

1. А. Историческая справка по поводу Тургеневской „Нови“—Вестник Европы. № 3. 1877 г.

2. Авдеев. Наше общество в героях и героинях литературы за 50 лет. Петербург. 1907 г. 2-е изд. Стр. 262.

3. Аверьянов. Опыт художественной критики. Москва 1889.

4. Авсеенко В. Г. Статья о „Нови“, „Русский Вестник“ 2. М. 1877 г.

5. Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. Выпуск II-ой „Мир“. Москва. 1908 г.

6. Айхенвальд Ю. И. Тургенев в музыке. „Похвала праздности“. Сборник статей. М. 1918 г. Костры. Стр. 140-155.

7. Аландров А. О воспитательном значении произведений Тургенева и Гончарова.—Новый Сборник. Под редакц. Вл. Курочкина С.П.Б. 1867. I.

8. Аммон Н. И. Неведомое в поэзии Тургенева.—Журнал Мин. Нар. Просв. № 4. II 1904 г. Стр. 240-294.

9. Андреева А. А. 1) Тургенев в кругу французских литераторов. Сборник „Почини“. Москва 1896 г. Стр. 553-594. 2) Из заметок Буслаева о Тургеневе. Вестн. Евр. 1899. XII.

10. Андреева А. А. Призраки, как исповедь Изв. Серг. Тургенева. „Вестн. Европы“ IX П. 1904 г.

11. Андреевич. (Е. Соколов). Опыт философии истории русской литературы.—Знание. II. 1903 г.

12. Андреевский С. Литературные очерки II. 1902 г. 1) Тургенев 2) Город Тургенева. Изд. Пирожкова. Стр. 262 и 319

13. Анненский Ин. Книга отражений. (Умиряющий Тургенев). Изд. бр. Ванмаковых. П. 1906 г. Стр. 59-75.

14. Антонович М. А. Асмодей нашего времени. (По поводу „Отцов и детей“). Современник П. 1862 г.

15. Арсеньев Н. К. 1) Критические статьи (Природа в прозае Тургенева). Петерб. Пейзаж в современном русском романе. Вестник Европы. 1885 г. V 2) Двадцать второе августа (1883—1908 г.). Вест. Евр 1908. VIII.

16. Ашевский С. 1) Тургенев и Белинский. Образование. № 3. 1901 г. и № 4 1901 г. 2) Тургенев и народное образование. Там-же. 1899. III.

17. Багрий А. Изображение природы в произведениях Тургенева. Русский Филологич. Вестник № 1-2.

18. Бардовский А. Чтение о „Записках охотника“ И. С. Тургенева. Петербург. 1899 г.

19. Барсов А. Статьи: 1) Литература после Гоголя 2) Крестьяне по „Зап. Охот.“ Педагогический сборник № 1-2. 1904 г.

20. Басистов П. Статья о „Накануне“—Отечеств. Записки № 5 1869. П.

21. Батюшнов Ф. Д. Критические очерки. Петербург 1900 г.

22. Белинский В. Г. Сочинения (критические статьи и заметки о Т.). Изд. Венгерова 1875 г. т. т. 4, 7, 8 и 11. М.

23. Беринг М. Вехи русской литературы. Перев. Базилевской с предисловием Н. А. Хомякова. (Тургенев и Толстой. Место Тургенева в русской литер.). Изд. 1913 г. М. Стр. 50-75.

24. „Бирюч“. Журнал Петроградских Государ. театров.—Тургеневский 1918 г. X № 7, 9, 13-14, 15-16. (Статьи Переселенкова, Розенберга, Утевского). То-же летний за июль и август. 1919 г.

25. Боборыкин. Новые повести Тургенева („Клара Милпич“). „Живописное Обозрение“ № 4. 1883 г.

26. Богданович А. Критические заметки. Мир Волий. 1900. X и 1903. IX.

27. Богучарский В. Я. Из прошлого русского общества С. П. Б. 1904 г.

28. Богучарский. (Яковлев). 1) Герцен и Тургенев—„Вестник Всемирной История“ № 1-4. П. 1901 г.

29. BORKOWSKY. Turgenew. Berlin. 1903

30. Бороздин А. И. (проф.). Русская литература XIX века.

31. Брандес Георг. Тургенев. (Характеристика) П. 1888 г.

32. BRANDES GEORG. Moderne Geister (Turgenjev)—Berlin. 1887 г.

33. Бродский Н. Л. Предисловие и примечания к поэме „Поп“. Издание Бухгейма 1911 г. Москва. Стр. 21.

34. Бродский Н. Л. Поэты кружка Станкевича. Изв. Академии Наук. 4 кн. П. 1912 г.

35. Бродский Н. Л. 1) Замыслы Тургенева—Вестник Воспитания М. 1917 года. 2) Тургенев и русское сектанство 1922 г. М. Изд. Кружка „Никитинские субботники“. Стр. 48.

36. Буренин В. Литературная деятельность И. С. Тургенева. П. 1884 г. 2-е издание А. С. Суворина. Стр. 256.

37. Бурже П. 1) Очерки современной психологии. Пантеон Литературы. П. 1888 г. 2) Psychologie contemporaine—Paris. Letnerre.

38. WALISZEWSKI (Валишевский). Littérature russe. Turguéneff. Edition A. Colin.—Paris. 1900 p. 280-296.

39. Введенский Арсений. 1) Общественное самосознание в русской литературе—2-ое Мельникова. П. 1909 г. 2) Литературная характеристика. С. П. Б. 1903 г. 2-ое изд. 1910 г. Стр. 118-161.

40. WEGNER. I. Turgenew i jego dzieje. Poznan. 1883 г.

41. Венгеров С. А. И. С. Тургенев. Критико-биографический этюд. П. 1875 г. Стр. 164.

42. „Веню Тургеневу“. Статьи Варнеке Гишпиус, Фишера, Гроссмана. Одесса. 1918 г.

43. Васеловский А. Н. Западное влияние в новой русской литературе. IV-е издание. Москва 1910 г. Стр. 259.

44. Ветринский. (Челихин). Герцен (Многочислен.). Изд. „Светоч“ П. 1908 г.

45. VOGÜE. (M. vicomte). 1) Le roman russe Paris, 1886 p.p. 133-203. 2) Turguéneff.—„Revue des deux Mondes“ T. LIX 83. Paris. p.p. 786-820.

46. Ганжулевич Т. „Записки охотника“ Т.-ва.

47. GEIGER Z. Geschichte des geistigen Leben der Preussischen Hauptstadt. (1688—1840)—Berlin. 1895

48. Герцен А. И. 1) Еще раз Базаров—(Полярная звезда VIII 1869). Сочинения т. X. Стр. 433. Новая фаза русской литературы—Русское Богатство № 4 П. 1912 г.

49. Гершензон М. Из жизни и творчества Тургенева.—Русские ведомости № 196. Москва 1912 г.
50. Гершензон М. Мечта и мысль И. С. Тургенева. Книгоизд. писателей в Москве. М. 1919 г. Стр. 169.
51. GLOUJAU OTTO. Die russische Literatur und Iv. Turgenjev.—Berlin. 1872 г.
52. Головин Орловский. Русский роман и русское общество XIX века. Изд. Маркса 2-ое П. 1899. Стр. 83-98 и 294-317.
53. HAUMANT EMILE. (Э. Гоман) Iv. Tourgueneff, la vie et l'oeuvre. Paris. 1906 г.
54. Горнфельд А. Критические заметки о книге Овс.-Куликовского о Тургеневе.—Русск. Богат. 1897. III.
55. Григорьев Ал. 1) Сочинения т. I. П. 1876. 2) Тургенев и его деятельность (по переводу ром. „Дворянское гнездо“).—Современник 59. № 1.—Русское Слово 59. № 4
56. Гроссман Леонид. 1) Портрет Манон Леско. (Два этюда о Тургеневе). Омфалос 1919. 2-е изд. Север. дни. М. 1922. Стр. 90. Стр. 66. 2) О Тургеневе — драматурге „Театральное Обозрение“ № 9. 1921 г.
57. Грузинский А. Е. 1) И. С. Тургенев. Личность и творчество. Изд. т-ва „Грань“ М. 1918 г. стр. 236. 2) Стат. о Тургеневе в „Истории рус. литер.“ XIX, в том III „Мир“.
58. Грузинский А. Е. Литературные очерки. 1908 г. М.
59. Гудзий проф. 1) Единый Тургенев. Киев. 1919. „Родная Земля“ № 2. 2) Литературный дебют Тургенева „Известия Таврического Ун-та“.
60. Данилов. 1) Комментарий к роману „Рудин“. „Коммунист“ Петербург. 1918 г. 2) Рудин и Крымская война. Русский Филог. Вестн. 1912 г. I-II. 3) К 50-лет. „Отцов и детей“, idem.
61. Дашневич Н. На могилу Тургенева. Статья по нов. русск. лит. П. 1914.
62. DELINES. Tourgueneff inconnu. Paris.
63. Демидов Н. Тургенев в его взглядах на жизнь и счастье.—Журнал для всех № 8. 1899 г.
64. Добровский. Тургенев как великий поэт. Воронеж.
65. Добролюбов Н. А. 1) Полное собрание сочинений т. III и V. Издание „Промышленности“ Петербург. 2) Новая повесть Т-ва „Накануне“—Современник. 1860. № 3. т. LXXX.
66. Дружинин. 1) Сочинения т. VII. М. 1856 г. 2) Повести и рассказы Тургенева. Библиотека для чтения № 2. СПб. 1857 г.
67. Дудышкин С. Статьи и заметки о Тургеневе — Отечественные записки. П. 1857 г. др.
68. Евгеньев В. Великий неудачник и его последн. заветы „Журнал для всех“. 1913. XII.
69. Евлахов А. М. Тургенев—поэт мировой скорби.—Русское Богатство № 6. П. 1904 г.
70. ECKARDT. Studien. Turgenev und seine Zeitgenossen. 2-te auflage. Dunker. Leipzig.
71. Заозерский Н. Чтение по русск. лит. (Тургенев. Женщины). М. 1914.
72. Замотин И. И. Сороковые и шестидесятые годы. (Очерки истор. русск. лит. XIX-го века), Варшава. 1911 г. 2-е изд. 1915. П. и М.
73. Золотарев С. А. Историко-литературные очерки П. 1909 г. Стр. 104—141.
74. Иванов И. И. 1) Тургенев. Жизнь, Личность, Творчество. Изд. I-е П. 1896 г. „Мир Божий“ стр. 389. 2) То же. Новое издание. Нежия 1914 г.
75. Иванов-Разумник. История Русской общественной мысли 2 т. II-е изд. Бунина. Петербург 1908 г.
76. Из истории русской литературы. (сборник статей) Клевенского, Переселенкова, Толстой, Изд., „Голос минувшего“. 1919 г. М. Стр. 201—237.
77. Иностранная критика о Тургеневе. Изд. Рагозина П. 1884 г. Речи Абу. Релана, ст. Брандеса, Ю. Шмидта, воспомин. Л. Пича, Рольстона и др. (См. сборник П. Пердова о Тургеневе II-й отдел) стр. 222.
78. Исаев проф. Что сделали Тургенев и Григорович для русской экономической науки. Сборник „В пользу голодающих“. Москва 1892 г. Изд. ред. „Русская мысль“.
79. Истоини К. К. Старая манера Тургенева (1834—55 г.) П. 1913 г. Изд. Акад. Наук стр. 128.
80. И. М. Тургенев. Литературная характеристика. Дело № 1 П. 1884 г.
81. Кавелина Е. П. Тургенев в оценке своих ближайших современников 1887.
82. И Истории русского нигилизма „Отцы и дети“ Кшишев 1880 г.

83. Клевенский М. 1) Тургенев. Изд. Кооператив Посредник Тверь 1919 г. стр. 39. 2) Тургенев и семидесятники—Голос минувшего № 1 1914. 3) Тургенев в карикатурах и пародиях—Голос минувшего Кн. 1-ая 1918 г. 4) Тургенев. „Рабочий мир“ 1918 г. № 18 Москва. 5) Поэма „Пол“ Реувенция „Голос минувшего“ 1917. № 11—12.

84. Коган П. С. Очерки по истории нов. русск. лит.—Саблина. Москва. Вып. II г. 1910. Стр. 1—96.

85. Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II. Мезява 1909 г.

86. Коробка Н. Опыт обзора русск. литературы. Эпоха реалистического романа П. 1907 года.

87. Котляревский Н. А. 1) Старинные портреты. Тургенев—драматург. С.П.Б. 1907 г. 2) Две поминки Т. И. Вейнберг. Стр. 259—275. Вестн. Евр. 1910 г.

88. Крапоткин П. А. 1) Идеалы и действительность. Изд. „Знание“ СПб. 2) Записки революционера (1878 г.) Лондон 1902 года. Петр. 1906.

89. Круковский А. Русская женщина в изображении Т-ва Журн. Минист. Наредл. Пров. 1914 г.

90. Кугарев. Вопросы религии и морали в русск. художеств. литературе Часть I-я С.П.Б. 1913 г.

91. Кунцевич З. „Записки охотника“ по девятутой рукописи. Журн. Минист. Нар. Пров. VII Петерб. 1909 г.

92. Куприевич Стихотворения в прозе Тургенева и диалоги Леопарди. Сб. Милерга Изд. Ист.-фил. факт. Киев 1913 г.

93. Лавров П. Л. Тургенев и развитие русского общества. Востник Народной Воли—Женева 84. 1. 2.

94. Лемне Мих. а) Николаевские жандармы и литература 1826—55. 908 П. Бунина. б) Очерки освободительного движения 60-х годов в) Дополнение к полному собранию писем Тургенева, Книга и революция П. Госиздат 1920 г.

95. Литературная газета, Т. Л. Параша. Разбор 1844 г. № 1.

96. „Литературное обозрение“. „Тургенев, психопатолог“ № 12 1899 г.

97. Лонгинов М. Н. Статья о Тургеневе, Русск. Вестн. 61 г. № 2.

98. Львов А. Гамлет и Дон-Кихот и мнения и них Тургенева 1862 г. П.

99. Ляцкий Е. 1) Чернышевский в редакции „Современника“ Современный мир IX, X и XI 2) Тургенев и Гончаров— „Современник“ 1912 г.

100. MARETIC. Turgeniew i chrvatskim, srpskim priklidica и Zagrebu 1904 г.

101. Марновский М. П. С. Тургенев с современ. точки зрения (Айхенвальда IV—V) Педагог. Сборн. 1914 г.

102. Мережковский Д. а) О причинах упадка русск. лит. XIX века. б) Речь на Тургеневском вечере „Речь“ 1909 г. П. № 51. в) Поэт вечной женственности. В сборн. „От войны к революции“ П. 1917 г.

103. MERIMEE. P. I. Tourqueneff.

104. Миллер Овст. 1) Русские писатели после Гоголя.—Вольф IV 1909 г. П. т. I. 2) Публичные речн. (Об общественных делах в пов. Тургенева) Изд. 2-е СПб 1878 г.

105. Михайловичий Н. К. Сочинения Т. II, III, V (Русское Волатство) П.

106. Михайловский Н. К. Записки профана.—Отечественные записки 77—2. (см. его—же „сочинения“).

107. MORFILL Russia London 1881 г.

108. Муратов П. Герои и героини. Смерть Рудина. Геликон 1918 г.

109. Насимович А. К вопросу о характере Тургеневаго творчества. Горн. М. 1920 г. Книга V стр. 40—47.

110. Неведомский Зачинатели и продолжатели (Два начала) 1919 П. „Коммунист“. Стр. 50—94.

111. Невзоров Н. Тургенев (железя) Университет 83 Казань. Стр. 42.

112. Незеленов А. И. 1) Тургенев в его произведениях 2) Речь о Тургеневе—Искусство 83 г. П. Стр. 361.

113. Нинитина Е. Ф. Тургенев,—Донской землероб № 20—21—24—Новый путь—Ревтов/Дон 1918-19. Кооператив изд.

114. Николаев Ю. (Говоруха отрок) Тургенев (эпюд) М. 1894 г. Стр. 263.

115. Никольский Ю. 1) Тургенев и писатели Украины „Русская Мысль“ кн VIII 1914 г. Стр. 99—118. 2) История одной вражды. Тургенев и Достоевский. Российско-Волгарское Кн-во 1921 г.

116. „Новый роман Тургенева „Новь“ как страница и истории нашего века“. Внутреннее Обозрение 1шт 77 г. „Вестник Европы“ № 3 С.П.Б. 1877 г.

117. Овсяннико-Куликовский Д. Н. профес.
а) Этюды о Тургеневе 1913 П. б) История
русск. интеллигенции евр. 270 г. т. 1 и 2.
Прометей П. 1911 г. (стр. 125—177 и 29—51
во II-м т.).
118. Овсяннико-Куликовский Д. Н. 1) Тур-
генов и Толстой, „Северный Вестник“ 1896 г.
№ 10 2) „Тургеневское“ „Жизнь“ № 25
1918 год.
119. Одоевский В. ин. Не довольно! (оттиск)
Издание Общ. люб. руск. слов. Ответ на
от. Тургенева „Довольно“.
120. Оксман, Г. Ю. проф. И. С. Тургенев.
исслед. вания и материалы Гос. изд. Украин-
ны, Харьков 1922 г. Стр. 125.
121. Орловский. О религиозных исканиях
Тургенева. Русская мысль 1911 г. № 9.
122. П. П. Тургенев и его произведения
Живописн. Обзорен. № 39 1883.
123. Перцов. П. П. Критический сборник,
(Русская и иностранная критика о Т-ве).
Кооператив изд. М. 1918 г. Стр. 235.
124. Петухов Е. В. О пессимизме Тур-
генева. Юрьев 1897 г.
125. Писанов Н. И. Три эпохи. (Екатери-
нинская, Александровская и Николаевская)
Библиографический указатель П. 1913 г.
2-е издание.
126. Писарев Дм. Ив. Сочинение П. Изд.
Навленкова 1909 г.
127. POLONSKI Georg. Geschichte der
russischen Literatur Leipzig 1902 г.
128. Португалов М. В. а) Женщина в рус-
ской художествен. литературе XIX в. Куль-
турно-историч. библиот. № 6. Историческ.
ком. М. 1914 г. б) Статьи о Тургеневском
музее в Тургеневе в журналах: „Свобода,
звание и труд“ и „Свободный путь“ № 6.
и № 1—3 Орел, 1919—1920 гг.
129. Потемкин В. Душа Тургенева „Еже-
месячный журнал“ 1914 г.
130. Протопопов М. А. Критика Тургене-
ва. „Русск. Бог“ 96 № 1.
131. Пуле-де (Де-Пуле). Ст. о „Дворян-
ском гнезде“. — Русское слово—59 № 11.
132. Пыпин А. Н. Некрасов СПб 1905 г.
133. Пыпин А. Н. Некрасов 1859 г. П.
134. „Рассвет“. „Дворянское гнездо“
роман Тургенева. Разбор 1856 г. № 11.
135. Родзевич, С. Тургенев Киев, 1919 г.
136. Саводник В. Забытые границы
Тургенева. Кушперев 1915 г. М. Стр. 16.
137. Садовский Борис. И. С. Тургенев.
Опыт историко-психолог. исследования.
Русский Архив 1909 г. Стр. 601.
138. Сацулин П. И. проф. На грани двух
культур (Тургенев) Мир. 1918. М. Стр. 102.
139. Сацулин П. Н. проф. Неопубликован-
ный отзыв современника (кн. В. Ф. Одоев-
ского о Базарове) Новая жизнь 1912 г. № 3.
140. Сацулин П. Н. проф. М. У. Худо-
жник эпохи перелома. Вестн. Восп. 5/1908 г. М.
141. SALONEN Die Landschaft bei Turgeneff
1915 Heisingfors.
142. „Свиток“ № 2. (Изд. Лит. Кружка
„Никитинские Субботники“ № 22) 1) Брод-
ский. Тургенев в работе над романом „На-
кануне“. 2) Гроссман. Композиция „Записок
Охотн.“. 3) Бродский, Гинзбург, Гудзий, Пор-
тугалов. Материалы, библиография и „Тур-
геновiana“. (1918—1922). Стр. 71—127.
143. Семевский В. И. Крестьянский вон-
рос в России том 2-ой.
144. Снабичевский А. М. Сочинения 1895 г.
П. Издание Павленкова I-ый том.
145. Снабичевский А. М. История новей-
шей русской литературы. СПб. 1891 г. Стр.
94—110.
146. Смирнов С. Тургенев и его „Запис-
ки Охотника“. М. 1913 г.
147. Спасович В. Д. Сочинения 1889—
90. П.
148. Стасов В. В. Собрание сочинений.
1894. П (1847—86) т. III.
149. Страхов Н. Н. 1) Критические статьи.
Изд. 3-е П. 1895 г. стр. 1—182. 2) О пове-
сти „Дым“. Русск. Вестн. III/67—Отечеств.
Записки. СПб. т. 172 1867 г.
150. Степанов. Религия Тургенева. Са-
ратов 1913 г.
151. Сумцов проф. Влияние Жорж-Санд
на Тургенева „Книжки Недели“ 1897 г. № 1.
152. Сухомлинов. Отчет о деятельности
II отд. отдела И. А. Наук за 1883 г.
153. „Сын Отечества“. 1) „Дворянское
гнездо“. Рецензия. 1860 г. № 6. 2) „Нака-
нуне“. Рецензия. 1860 г. № 18. 3) Хитров
А. „Накануне“. Рецензия 1860. № 10.
154. Творчество И. С. Тургенева. Сбор-
ник статей под редакц. И. Н. Розанова и
Б. М. Соколова-Задруга. М. 1918 г. стр.
233.
155. Темлинский. Золаизм в России 2-ое
издание. Москва 1881 г.

156. Тиандер Н. а) К вопросу о международном значении Тургенева, б) Хронологический список переводов Т-ва на датский язык. Датско-русские исследования II в. СПб. 1913 г. (Записки вст.-фил. фак. СПб. Ун. ч. СХIII.

157. Тичачев (П. Н. Никитин). О „Нови“.— Дело № 2 1877 г. Петербург.

158. Толь. „Новь“ роман Тургенева (разбор).— Иллюстриров. Вестник № 4. 1877 г.

159. TORSCH, I, Turgeniew. Leipzig.

160. Тургенев И. С. в эпоху трудов по крестьянскому вопросу 1858 г. Русская Старина 1883 г.

161. Тухомцкий. Прототипы Базарова. Сборник „К Правде“. М. 1904 г.

162. Философов Д. Старое и новое. (Сборник статей по вопросам искусства и литературы.— Суд современников. По поводу писем Тургенева). Издание Сытина № 1 1912 г. Стр. 204.

163. Флеров А. Русский психиатр о Тургеневе.— (Вопросы философии и психологии) книга 3. 1900 г. Москва.

164. Фриче В. Тургенев и революционное движение. Творчество № 8. 1918 г. М. Стр. 1—3.

165. Цабель (Zabel E. 1) I. Turgeniew 1884 г. 2) Literarische Streitzüge durch Rüsseland Berlin 1885 г.

166. Чернышев. Лишние люди и женские типы в произведениях Тургенева СПб. 1896 г.

167. Чернышевский Н. Г. Собрание сочинений т. 1-й Изд. М. Чернышевского М. 1895—1906 г.

168. Чиж В. Тургенев, как психопатолог. Вопросы философии и психологии. №№ 6, 10, 11 и 12. 1899—1900 г. Москва. Отд. эстетик. журнала 1899 г.

169. Чубинский Н. Тургенев и его роман „Новь“. П. 1885 г.

170 Чуданов Герасим. Низости высоких. Орловские известия 1913 г.

171. Чуйко В. Тургенев и его роман „Новь“. Печала 1877 г. № 3, 4 и 5. Петербург.

172. Шабыновский П. Мирозрение Тургенева. Вестн. Восп. 1914 г. V.

173. Шелгунов Н. В. 1) Русские идеалы, герой и типы.— Дело 1868 г. 2) Из прошлого и настоящего. Изд. Попова. Т. 2-ой 1895. П.—бург.

174. Шемгели Г. О ритмике Тургеневской прозы 1921 г.

175. Шлихтер П. Два слова о романе Тургенева „Накануне“. Зарницы. 1860. СПб.

176. Шмидт Ю. (Schmidt Iul) Bilder aus dem geistigen zeven unser Zeit. Leipzig. 1870.

177. Эдельсон Е. Н. Призраки. Фантазия. И. С. Тургенева.— Эпоха. 1864 г. Кн. 1—3.

178. Эйхенбаум Б. Тургенев (Вступительная статья к „Запискам Охотника“. Госизд. Лито. М. 1919 г.

179. Энгельгардт Н. А. История русской литературы. Том 2. П. 1902 г.

180. Энциклопедический словарь. Венгеров (С. А. проф.) Тургенев. Издание Брокгауза и Ефрона т. 67.

181. Юзефович. Я. В. Рассказ „Живые мощи“ и Le lépreux de la cité d'Aoste гр. Ксавье де-Местра. Русский Филологический Вестник. XII. 1909 г.

182. Юнгмейстер А. Тургенев и художественное изображение жизни. П. 86 г.

III-й Отдел: Письма Тургенева и к Тургеневу, письма с отзывами о нем.

1. Автографы писем Тургенева и Ильину (Московск. экипаж. мастеру) „Помощь“ евреям, пострадавшим от неурожая. Лит.-худ. сборник. СПб. 1901 г.

2. Анненков П. В. Шесть лет переписки с Ив. С. Тургеневым.—Вестник Европы, II. Пб. 1885 г. стр. 465.

3. Банунин М. А. Письма к Тургеневу— Исторический Вестник. П. 1906 г.

4. Веселовский Алек. Н. Отрывки из старой переписки. Сборник „В память С. А. Юрьева“ М. 1890 г.

5. VIARDO PAULINE (Виардо Полина). Письмо в редакцию.—Исторический Вестник № 1. П. 1898 г.

6 В. Л. Письмо к Тургеневу о результатах вольного труда. Библиотека для чтения. т. 154. 1859 г. III.

7. В память С. А. Юрьева. Сборник, изданный друзьями покойного. Москва 1891 г. (Письма Тургенева к С. А. Юрьеву).

8. Временник Пушкинского дома. (Отрывок письма Тургенева к Некрасову) П. 1914 г.

9. Гальперин-Каминский. (Halperine-Kaminsky). Jv Tourgueneff d'après sa correspondance. Paris. Charpentier 1901 г. п. 358.

10. Десять неизданных писем Тургенева к Полторацкому „Новый Мир“ 1902 № 73. Стр. 10—11.
11. „Ежемесячные очинения“ за 16 лет. (Письма Тургенева). П. № 12—XII. 52 письма к Н. В. Ханькову. Стр. 291—323.
12. Из переписки Тургенева с Герценом в 1867 г.—Русское Обозрение № 1. 1895 г.
13. Из переписки Тургенева с К. К. Случевским. Щукинский Сборник VII. М. 1908 г. („Правительственный Вестник“ № 55 1908 г.).
14. Из писем Тургенева к С. К. Брюловой (Кавелиной ур.). С предисловием и примечаниями Д. А. Корсакова. Русская Мысль VI кн. М. 1897 г.
15. Из писем Тургенева к М. М. Стасюлевичу. (По поводу печатания „Нови“ в 1876г.) Сборник Общ. Люб. Росс. Слов. на 1891 г. Москва 1891 г.
16. Каптерев. Переписка с И. С. Тургеневым. Русское Обозрение № 12. 1893—95 г.
17. LETTRES à m-me Viardot Paris. 1907 г.
18. Минувшие годы. Тургенев, Руге и Бакунин 1909 г. М. VIII.
19. Неизданные письма Тургенева к П. Л. Лаврову—Минувшие годы. 1908. VIII. М.—Вылое 1906 г. № 2.
20. „Новый журнал для всех“. Письмо Тургенева к имп. Александру II и заметка о нем. М. Н—ча—1913 г. П. VIII. № 8.
21. Переписка Тургенева с Аксаковыми: 1) Вестник Европы № 1 1894 г. 2) Русское Обозрение. Отгиск 1894 г. Введение и примечание Л. Майкова. 3) Новое Время № 8626. 1900 г. (О. Аксакова).
22. Переписка Тургенева с Фр. Боденштедтом в 1861—65 г.—Русская Старина. 87. II. № 5—9.
23. Переписка Л. Н. Толстого с А. А. Толстой СПб. 1911 г. Толстовский музей, т. I.
24. Письма Герцена к Вырубову. Вестн. Евр. I. 1913.
25. Письма Герцена к Тургеневу. С примечаниями Богучарского—Современник. II. 1913 г. № 6—9.
26. Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к Герцену. С примечаниями М. П. Драгоманова. 1892 г.
27. Письма Льва Николаевича Толстого. Под редакц. П. А. Сергеенко. 2 т. 1910—11 г.
28. Письма Л. Толстого к жене. 1913 г.
29. Письма Л. Н. Толстого к А. Н. Пыпиу. (Л. Толстой о Тургеневе). Современник. 1913. № 3.
30. Письма Варвары Петровны Тургеневой к сыну. „Тургеневский сборник“, под редакцией Н. К. Пиксанова. Огни. II. 1915. (См. ст. И. Малышевой).
31. Письма: 1) Тургенева к Аксаковым—Вестн. Евр.—94 I-II. 2) Письмо Т. к имп. Александру II. 1859. Попельницкий. „Голое минувшего“. 1913 г. VIII.
32. Письма Тургенева к П. В. Анненкову. Русское Обозрение № 1, 2 и 3. 1894 г.
33. Письма Тургенева к Вагету. Сборник „Пережитое“, т. II.
34. Письма Тургенева к П. Виардо и французским друзьям. Изд. Вримова. М. 1900—1903 г.
35. Письма Тургенева к Полине Виардо—„Русские Ведомости“. 1911. М. III. 9—„Современный Мир“. 1912. П. III. Норое Вр. 1906 г. СПб.—Страна 1906 г. № 204.
36. Письма Тургенева к Вучетичу. (Сообщил Р.) „Литературный Вестник“. 1903 г. 3 письма.
37. Письма Тургенева к О. К. Гжицкой.—„Слово“ VIII кн. Кн—во писателей в Москве.
38. Письма Тургенева к В. Н. Каптерову. 1) по поводу постановки оперы „Мария Тюдор“—17. XII 59 г.—Русское Обозрение № 11. М. 1893 г. 2) Письма к нему же—Русское Обозрение, т. XXIV.
39. Письма Тургенева к Е. П. Ковалевскому.—Русская Старина № 5. 1884 г.
40. Письмо Тургенева к П. А. Кочубею от 7/V-81 г. по поводу памятника Н. В. Гоголю.—Филологические записки. Вып. VI. Воронеж. 1890 г.
41. Письма Тургенева и Герцена к А. А. Краевскому. СПб. 1893 г. Из собрания автографов Имп. Публ. Библиотеки.
42. Письма Тургенева к Краевскому. СПб. 93 г.
43. Письма Тургенева к графине Ламберт. Примечания и издание Георгиевского. 1915 г. П. Стр. 244.
44. Письма Тургенева к К. Н. Леонтьеву. Русская Мысль № 12. М. 1886 г.
45. Письма Тургенева к Марко-Вовчку (неизданные) „Минувшие годы“ VIII 1908 г.
46. Письма Тургенева к доктору Миницкому „Вестник Европы“ 8 кн. 1909 г. II.

47. Письма Тургенева к Некрасову—Русская Мысль № 1. М. 1902 г.

48. Письма Тургенева к немецким друзьям.—Вестник Европы 1909 г. кн. V, VI и VII. П.

49. Письма Тургенева (собрания) к одному из его германских друзей.—Живописное Обращение. № 27. 1884 г.

50. Письма Тургенева к А. Ф. Писемскому.—„Новь“, т. XII, № 23. 1886. (30 писем).

51. Письма Тургенева к Л. А. Похлещому. „Вжемесячные сочинения“. 1902 г. № 1.

52. Письма Тургенева: 1) К редактору „Вестника Европы“ № 1. 1876 г. (О первом печатном произведении). 2) „Пергамские раскопки“ (Письмо в редакцию И. С. Т. 18. III. 1880 г.). Вестник Европы: IV. 1880 г. 3) Письмо И. С. Т. и несколько слов по этому поводу.—Вестник Европы. II 1880 г.

53. Письма Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечкиным. Издание гр. М. М. Толстого под ред. М. Г. Попруженко. Одесса 1902 г.

54. Письма Тургенева к Фету и Борису: 1) „Щукинский сборник“, 1909 г. 2) Русское Обозрение, вып. I. 1901 г. Стр. 252-256.

55. Письма Тургенева к Флоберу и в-ше Комманвиль. Перевод с французского.—Северный Вестник № 11. 1896 г.

56. Письма Тургенева к французским друзьям. Русская Мысль. Вестник Иностранной литературы 1902 г. I.

57. Письма Тургенева к С. А. Толстой. Вестник Европы, кн. I 1908 г. II.

58. Письма И. С. Тургенева к его брату Ник. Серг. Т.—ку (1868-73 г.). Русская Старина, т. VIII. 1885 г. IX, X. 1885 г.

59. Письма Тургенева: а) три письма к Щепкину.—Культура театра № 6, 7-8. М. 1921 г. б) Неизданные письма И. С. Т. к Е. Н. Анненкову—„Печать и революция“, № 2. 1922 г. в) Сборник Росс. Публичн. Библиотеки, вып. I. (Письма).

60. Письма Тургенева к артисту М. С. Щепкину от 3/15 XII. 1848 г. относительно ном. „Нахлебник“. Труды Оренбургской Учен. Архив. Комиссии IV 1898 г.

61. Полное собрание писем Тургенева (1840-1883 г.). Изд. общ. пособия литер. Н. 1885 г.

62. Старина. Письмо к Никитенке. 96 XII.

63. Стаев В. В. Двадцать писем Тургенева и мое знакомство с ним.—Северный Вестник № 10. СПб. 1889 г.

64. Стасюлевич и его современники. СПб. 1912 г. II-й том и III г. Ред. Лемке. (Стр. 560).

65. Толстая А. А. Переписка графини с А. Н. Толстым. СПб. 1911 г.

66. Тургенев в его письмах (1874-1880 г.) Русская Старина, № 10. СПб. 1883 г.

67. Тургенев в письмах к М. А. и Н. А. Милютиным (1867-75 г.) Русская Старина, № 1. П. 1884 г.

68. Щербань. 32 письма Тургенева и воспоминания о нем.—Русский Вестник, № 7-8 М. 1890 г.

69. Щукинский сборник. Издание Отд. Истори. Муз. Москва, V 1906 г.

IV-й Отдел: Воспоминания, речи, некрологи и посвящения Тургеневу.

1. Ансаков. Воспоминания студенчества. Минувшие годы. VIII. М. 1908 г.

2. Ансанова В. С. Дневник (1854-55). „Огни“. П. 1913 г.

3. Алчевская Х. Д. Передуманное и нерешитое. Москва, 1912 г.

4. Анненков П. В. Речь на литературном вечере памяти Тургенева.—Неделя. № 40. СПб. 1883 г.

5. Анненков П. В. Воспоминания и критические очерки 1877-79. Петерб. 2 т. Изд. Стасюлевича.

6. Анненков и его друзья. (Лит. воспоминания и письма). 1855-1885 г. СПб. 1892 г. Стр. 666.

7. Антокольский М. М. Его жизнь, творения, письма и статьи. Изд. Вольфа. Петер. Москва, 1905 г.

8. Ардова. (Апрелева) В. Из воспоминаний о Тургеневе.—„Русские Ведомости“ М. 1904 г.

9. Б. Ф. Признательный мальчик (быль) Из воспоминаний о Тургеневе.—Русский Вестник № 1 М. 1885 г.

10. Б-и. Из воспоминаний о селе Спозском и Тургеневе (Русск. Вестн. 1885 г. I).

11. Батурицкий В. Воспоминания о Тургеневе (К 20 летию со дня кончины) Изна № 4 П. 1903 г.

12. Б. И. Тургенев дома и за границей. Новости № 177. 1883 г.

13. Белоголовый. Воспоминания Литературный—фонд 1901 г. П.

14. Белокопский. И. П. Деревенские впечатления СПб 1900 г. (См. „Русские Ведомости“ № 11—62. 1895 г.).
15. Берг Н. В. Воспоминания о Тургеневе. Историч. Вестник XIV П. 1893 г.
16. Бертенсон. Тургенев в воспоминаниях современников и в его письмах к ним—Вестник Европы № 10 П. 1906 г.
17. Боборыкин. Т. Д. 1) За полвека—Голос минувшего № 2 1913. М. 2) Из пачки писем.—Искусство 83. П. № 39. 3) О чем говорят.—Новости № 155. П. 1883 г. 4) Памяти Тургенева.—Новости 1883 г. № 144. 5) Печальная гововщина.—Русские Ведом. № 194 1908 г.
18. BOBORUKINEP. Tourguènéffotes d'un écrivain. Revue independance XII Paris 1884 года.
19. Боденштедт Ф. Воспоминания (1860—65).
20. Боцановский В. Памяти Тургенева. Новое время № 8076.
21. Боцановский В. 1) Памяти Тургенева. 2) Из материалов о нем же „Театр и искусство“. Стр. 562—6 № 33 17. VIII. 1902 г.
22. Бунза. (Василевский) 1) Воспоминания о Тургеневе—Одесский листок. № 230. Одесса. 1903 г. 2) Из московских в честь Пушкина празднеств 1880 г.—Русские Ведомости № 136 М. 1899.
23. Булганов Ф. И. С того берега. Новое время. № 4191 П. 1897 г.
24. В. Е. П. Воспоминание—Неделя № 38. К. 1883 г.
25. В. О. Из воспоминаний о Толстом и Тургеневе—Воля № 313 Нижний 1897 г.
26. Вальтер. Воспоминания.—Новости № 151—167 П. 1883. г.
27. Василенко М. Воспоминание одной из учениц Виардо о Тургеневе—Киевлянин № 198. Киев, 83 г.
28. Верещагин В. В. Очерки, наброски и воспоминания П. 83 г.
29. Виардо Поль. Воспоминания артиста. перевод Буринского.—Новое время. № 10, 991. П. 1906 г.
30. Вицицкая А. 1) Воспоминания о Тургеневе Новое время 1895 г. Петербург. 2) Из приключений в Париже—Историческ. Вестник № 1. Петербург 1002 г.
31. Водосзова Е. Н. На заре жизни. (с Вазарове) СПб 1912 г. Стр. 521—4.
32. Воспоминания. о Тургеневе Джемса и Войзева. „Минувшие годы“ VIII 1908 г.
33. Воспоминания об И. С. Тургеневе. К 26 летию со дня его кончины „Нива“ 1903 г. № 34.
34. Воспоминания товарища Тургенева по Берлинскому Университету—Русская Старина № 5. 1894 г.
35. Галахов А. Д. Сороковые Годы Исторический Вестник т. 47 П. 1892 г.
36. Гаршин Е. М. Воспоминания о Тургеневе. Исторический Вестник т. XIV П. 1883 год.
37. Ге М. Воспоминания. Новый Журнал для всех 1915. № 2.
38. Головачева—Панаева. 1) Воспоминания (1824—70) П. 1890 г. 2) Русские писатели и артисты П. 1890 г.
39. Головин Н. Ф. Мои воспоминания 1908—1910 г. 1 и 2 томы. Петербург.
40. Гонкур. (Goncourt) 1) Дневник.—Северный Вестник П. 1898 г. 2) Journal V.
41. Григорович Д. Литературные воспоминания—Русская мысль 1-я кн. М. 1893 г.
42. Гриневская И. Воспоминания Гонкура о Тургеневе—Театр и Искусство № 36. П. 1903 г.
43. Доде Альфонс. 1) Воспоминания—Новости № 212—214 П. 1893 г.
44. DAUBET ALFENS. Trente ans de Paris (A travers ma vie et mes livres) Paris 1882. Edition de Marpon et Flammarion. P. P. 323—344.
45. „Дорогие места. (Сборник) под ред. И. Белоусова. Книгоизд. писателей III изд. Москва 1918 г. (Ст. Михайловского „В Спасском“). Стр. 133—143.
46. Драгоманов. Воспоминания о знакомстве с Тургеневым. Казань. 1906 г.
47. Е. М. Встреча с Тургеневым (из дневника современницы). Тобольск 1892 г.
48. Женский Сборник. М. Г. Савина. Мое знакомство с Тургеневым. (из воспоминаний) изд. Кушнерова 1915. Москва.
49. Житова В. И. Воспоминание о семье И. С. Тургенева—Вестник Европы № 11 П. 1884 г.
50. Златовратский Н. И. Из литературных воспоминаний.—Братская помощь армянам. Москва 1897.
51. Зорин В. Гостеприимные хозяева Спасского.—Орловский Вестник № 187. 1897 г. Орел.
52. Инсарский В. Записки часть 2-ая М. 1898 г.

53. Искусство. Журнал 2 X. № 39. Памяти Тургенева 1883 г.

54. Козалевский М. 1) Воспоминания № 18 Минувшие Годы. Москва 1908 г. 2) Баденский период жизни Т-ва. Юбилейн. Сборн. Литер. Фонда (С.П.В. 1910 г. 3) За рубежом (из переписки)—Вестн. Евр. 1914 г. III.

55. Козалевский П. Стихи и воспоминания 1912 г. Петербург.

56. Колбасин Е. Тени старого „Современника“—„Современник“ кн. 8-я 1911 г.

57. Коломенский Кандид. (Михневич) Воспоминания о Тургеневе.—Новости № 147. П. 1883 г.

58. Колонтаева. Воспоминания о селе Спасском. Исторический Вестник, № 10. Петербург 1885 г.

59. Коки А. 1) Орывки из воспоминаний—Вестн. Евр. № 5 П. 1908.—Московский Вестельник № 50 1908 г. 2) Памяти Тургенева. Изв. П. Отд. Акад. Наук. XIV/4 П. 1909.—Ива. Литер. приложения 1909 года том III (IX—XII).

60. Кравичинский (Стенняк) Сочинения т. VI Петербург 1907—8 г. г.

61. Краснов Платон Воспоминания Жана Муре о Спасском.—Новый Мир № 25 1900 г.

62. Кречетов П. И. О памятнике Тургеневу в Орле.—Смоленский Вестник № 144. 1896 году.

63. Кривенно С. Н. (С. Н. К.) Из литературных воспоминаний.—Историч. Вестник 1890 № 2.

64. Куликов, Н. И. Дневник режиссера. Театр и искусство № 3 П. 1913 г.

65. L. Eine Begegnung mit Turgeniew Gnom. 1885 г. № 11.

66. Лаврентьева С. Знакомство с Тургеневым. Истор. Вестн. 96 П.

67. Леонтьев, Н. Н. 1) Тургенев в Москве. (Из моих воспоминаний 1851—61 г.) Русск. Вестн. 82 г. М. № 2—3. 2) Письмо провинциала по поводу „Накануне“ Отч. Запис. 1860. V. 3) Мол. дела с. Т. Собр. соч. IX т.

68. Леснов Н. (Стебницкий) 1) Загальний человек. С. П. В. 1971 г. 2) Беседа с хроникером „Петерб. газ.“. „Новое Время“ 1894 г. № 6476.

69. Леткова (Султанова) Из воспоминаний курьезиста „К свету“ 1904 г. П. Научно-литер. сборник. под. ред. Летковой и Батюшкова.

70. Луанина. Мое знакомство с Тургеневым „Северный вестник“ 87 г. П. № 2.

71. Маркс А. Ф. О Тургеневе—Ива. 83 г. П. № 34—36—37.

72. Матвеев П. А. И. С. Тургенев (из личных воспоминаний) Русская Старина—1903 г.

73. Maupassan Guy Souvenirs sur Tourgeneff.

74. Мопассан Гюи (де). 1) Воспоминание.—Новое время—93. П. № 2693. 2) Случай из жизни Т—ва—Истор. Вестн. 84. П. № 10.

75. Московские торжества 6/8 июня 1880 г. Изд. Тульск. Архив. Ком.

76. Неверов Я. М. Воспоминания. Русская Старина 83. № 10, 11.

77. Неурологи. 1) „Огонек“. № 36—37. 1883 г. 2) там же № 41—42 1883 г. 3) Вестник Евр. № 9 1883 г. 4) „Женское образование“ № 9 1883 г. 5) „Ива“ № 36 1883 г. 6) „Друг женщины“ VIII 1883 г.

78. Нелидова. Воспоминания о Тургеневе.—Вестн. Евр. 1909 г. П. № 9.

79. Никифоров. Странщца из эпизода „Орловский Вестник“ № 245, 246.

80. Сбодовский Н. Рассказы о Тургеневе.—Истор. Вестн. № 2. П. 93.

81. Оболенский Л. Я. Литературные воспоминания и характеристики.—Историч. Вестн. П. 1902 г. № 3.

82. Оболенский Д. А. ии. Воспоминания о Гоголе. Русск. Старина 1873 г. VII.

83. Огарева-Тучкова. Воспоминания. 1848—70 г. г. (Русск. Стар. 1889 г. № 2.

84. Олсуфьев. Воспоминания о Тургеневе. Истор. Вестн. 1911 г. П. III.

85. Островская Н. А. Воспоминания о Тургеневе.—Волжский Вестн. 1884—85 г. г. Казань.

86. PAWLOWSKY (Нарловский). Souvenir sur Turgeneff. Alb. Savine. Paris. 87 г.

87. Панаев И. И. Литературные воспоминания 76 в. П.

88. Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. Книга 1-я и П-я. П. 1905—1908 г. г.

89. Пассев Т. П. Из дальних лет. (Из воспоминаний) Ш й том.

90. Пич Людвиг. Воспоминания. Доля Тургенева.—Тургенев в Баден-Бадене.—Литерат. Вестн. 1904 г.

91. Полевой П. Капитальная бестактность. Живописное обозрение. 84. П. № 46—47.

92. Полевой П. Н. Ахиллесова пята Тургенева. Историц. Вестн. * Ноябрь 1885 г. Стр. 362 (критич. ст. к отд. II).
93. Половцев А. Воспоминания о Тургене-ве. Календарь „Парь-колокол“ на 1887 г.
94. Полонский Я. а) Тургенев у себя на родине.—Нива. 84. № 1—8. П. 6) Мои студенческие воспоминания.—Нива. 1898 г. П. № 12.
95. Пастерзний (Н. Михайловский). Письмо в редакцию по поводу смерти Тургенева.—Отечеств. записки. П. № 9. (1883 г.).
96. Пыпин А. Ч. Тургенев. (Некролог). Вестн. Европ. 83. П. № 10.
97. RENAN ERN. Речь при отправлении тела Тургенева на родину.—Journal des Débats. t. 83. P. 2. X.
98. Репин И. Е. Воспоминание о картине „Славянские композиторы“.—Нива. 1914 г. № 1.
99. Рольстон. Воспоминания. Новости и Неделя. (84 в. 83 г. №№ 163—37).
100. Ромм. Воспоминания о Тургене-ве. Вестн. Евр. П. 1916 г. № 12.
101. Савина М. Г. Мое знакомство с Т.-м. (Из воспоминаний) Театр и искусство. 1900. П. № 2.
102. Сергиенко Толстой и его современ-ники.—Очерки. Москва. Изд. Саблина. 1911 г.
103. Серебряков В. И. Воспоминания Ор-ловск. В-сти. 1903 г. № 224.
104. Серова В. С. А. Н. Серов.—Русская Мысль. 1913 г. П.
105. Силовский В. Д. Памяти Тургенева. (Оттиск) П.
106. Случевский К. Н. Новые повести. Одна из вещей с Т.-вым. 1904 г. П. гл. 2-ая
107. С.-ой. Воспоминания. *Новости №83 №№ 157—160 Происхождение „Зап. охоты“ (воспомин.) Новости 83 № 177.
108. SOUVENIRS SUR TOURGUENEEF „Mémora de France“. III. № 449. Wallete (édition) Paris 1917 г.
109. Стасюлович М. М. Воспоминания и некролог о Тургене-ве. Вестник Европы 83 в. 84 г. П. № 9, 10, 11—83 г. кн. 3 и 5—84 г.
110. Стечкин Н. Я. Из воспоминаний о Тургене-ве (с приложением 7-ми писем Тур-генева).
111. Сухомлинов М. И. Акад. речь о Тур-гене-ве по поводу его кончины. 83 и 84 г. № 1 и 33. П. Академия наук.
112. Сухотин П. М. Из памятных тетра-дей.—Русский Архив—1894 г. I.
113. Толстая И. А. Воспоминания о Тур-гене-ве.—Орловский Вестник. № 224. 1903 г. Орел.
114. Толстой Илья П. Мои воспоминания. М. 1914 г.
115. „Тургенев в воспоминаниях Неверова“ Русская Старина № 11. П. 1883 г.
116. „Тургенев и Савина“ (Письма и статьи) изд. Госуд. театрн. Петербург. 1918 г.
117. Успенский Н. В. Из прошлого. Москва. 1889 г.
118. У. С. Воспоминания о Т. Ист. В. 1912/ХII. „Мозаика“ (1880).
119. Ф. Б. У. Тургенев. (Baltische Monats-schrift) воспоминания. Русская Старина т. II кн. V. №. 1884 г.
120. Федоров Н. Воспоминания—Новое Время № 7607. П. 1897 г.
121. Фет А. А. 1) Воспоминания 2 тома М. 1890 г. 2) Боткин, Тургенев Толстой. Русское обозрение. I—IX. М. 1890 г.
122. Филиппов М. М. Тургенев (некролог). „Вест“ № 11. П. 1883 г.
123. FRIDLANDER Z. (Фридлендер) Erinne-ung an Turgenew (Erste Theile) Strassburg. 1905 г.
124. Хин Р. Глава из неизданных запи-сок. Под знаменем науки. Москва. 1902 г.
125. Чулков Георгий Статьи т. V. Памяти Тургенева. Изв. Шиповник. 1912 г.
126. Шелгунова Л. Из далекого прошлого. Петерб. 1901 г.
127. Штаненштейндер Е. Из дневника и из записок.—Русский Архив № 2. П. 1893 г. Русский Вестник №№ 5, 7, 8 и 10. Москва. 1901 г.
128. Щелкин М. 1) Воспоминания о Тур-гене-ве и селе Спасском.—Историц. Вестн. № 9. П. 1898 г. 2) О селе Спасском и его до е.—Историц. Вестн. 1912 г. VIII №. 122 и № 143 1916 г.
129. Юмаков С. Хроника внутренней жизни—Русское Богатство № 10. Я. 1891 г.
130. Явкул. Воспоминания—Русская Ста-рина № 5 П. 1910 г.
131. Якимирский А. И. Воспоминания по-этов-критики о русских писателях. Истори- Вестн. № 8. П. 1904 г.

V-й Отдел: Пособия для школ и самообразования, популяризация Тургенева.

1. Александров А. На уроков по русской литературе. Биографич. заметка о Т—ве. Филолог. записка. 1913 г. I.
2. Александровский, Г. Чтения по новой русской литерат. Выпуск I-й. Изд. Дучинской. Киев.
3. Алферов А. Д. Очерки по истории русской литературы XIX в. Москва 1916 г. (Тургенев. Стр. 262—208).
4. Балалон И. Пособие для литературных бесед и письменных работ. М., 5-ое. 1904 г.
5. Бороздин, Жохов, Золотарев и Липовский. Очерки по истории русск. литературы. Сотрудник. П. 1913 г.
6. Бранжинов Л. Д. Идеи русских писателей XIX в. СПб. 1892 г.
7. Вейяберг Л. Критическое пособие, т. III, М. 1913 г.
8. Ветринский (Чешихин) Тургенев (очерк), Изд. Муриновой. М. 1894 г.
9. Владиславлев И. I) Русские писатели XIX и XX-го в. 2-е издание М. 1913 г. 2) Библиографические ежегодники за 1911-14 гг. М. 1912-15 г. „Навка“.
10. Гербель Н. В. Русские поэты в биографиях и образах. Изд. 2-е СПб. 1880 г.
11. Глебов. Учебн. курс. ист. новейш. русск. литер., Новочеркасск, 1911 г.
12. Гринцер Тематик-Хрестоматия I-й вып., IV-я часть. СПб. 1913 г.
13. Дюблин и Новиков. Тургенев. Учащимся пособие для сочинений. 1909 г.
14. Евстафьев. Новая русская литература в отдельных очерках—Тургенев.—Гутцад. П. 1907 г. 2-й выпуск.
15. „Журнал для детей“. „Безин Дур“ повесть Тургенева, № 1. 1856 г.
16. Записки по истории русской словесности. Дополнение к курсу Михайлов. Артикал. Учил. 1882 г.
17. Завадовский-Краснопольский. Тургенев, Гончаров, Островский. (биография). СПб. 1907 г.
18. Зелинский. Критический комментарий к сочинениям Тургенева, 3 т. 5-е издание. М. 1905-7 г.

19. Иванов И. И. а) Новая культурная сила. Русские писатели XIX в. б) Детские годы великого писателя и его отношение к детям. Сборник „На трудовом пути“, М. 1901 г.

20. Игнатов И. Н. Веселы о русской литературе. (Тургенев). Вып. VI. „За друга“. М. 1917 г. 2) Тургенев.—„Колос“. 1922 г.

21. Истоини Д. и Говоров В. 32 биографии образцовых русских писателей (с портретами и автографами) СПб. 1905 г. Изд. Аскарханова.

22. „Надетский досуг“. Журнал 1-го кад. корп. № 1 15/X 1908 г. СПб. 1908/9 г. (На 25 летие со дня кончины Т.).

23. Кадмин Н. Очерки по истории русской лит. XIX-го в. Стр. 88-121. Изд. Ключкова Москва. 1912 г.

Кадмин Н. Тургенев. Жизнь, личность и творчество. Изд. бр. Башмаковых. Стр. 77 М. 1913 г.

25. Каллаш В. В. 1) Очерки по истории новейшей русской литературы. Стр. 263-311. Изд. бр. Салаевых М. 1911 г. 2) Мать Тургенева—Гимназист. 1915. М. Стр. 4. Журнал, изд. под ред. В. Зеленого и В. Каллаша.

26. И—ов М. Россияда или школа русской жизни. Литературный Сборник для самообразования. Москва, 1905 г.

27. Крамл. Тургенев. (Пособие для учащихся). Изд. Острогорского. П. 1885 г. Стр. 86.

28. Лернер Н. и Ставергин Н. Гражданские мотивы в русской поэзии от Пушкина до наших дней. Сборник: Книгоиздат. Слово и жизнь 1906 г.

29. Литературная „Детская библиотека“ (Всемирная хрестоматия), т. 2-й. Москва, 1882 г.

30. М. [?]. Н. Разбор русских классиков. Вып. IV Тургенев. СПб. 1909 г. Изд. книж. маг. Строчилова.

31. Майков Б. А. Тургенев. Орус. П. 1913. Стр. 224.

32. Максимов В. Очерки по ист. русск. лит. 40-х и 60-х гг. СПб. 1912 г.

33. Марков М. Ф. Пособие для изучения образцовой русской литературы XIX века. 1907 г. П.

34. Мезьер А. Русская словесность с XIX по XIX в., часть 2-я СПб. 1902 г.

35. Мендельсон Н. М. Очерки по истории русской литературы. Издание Народного Ун-та. М.

36. Мишеев. Новейшая русская литература „Прометей“ П. 1913 г. Стр. 75-176.

37. Модестов А. Е. О смысле жизни. Вып. 1-й. Изд. „Энергия“. П. 1913 г.

38. Морозов П. Тургенев. Издание Теоркомпроса. Ст. 15.

39. Мошин А. О писателях. Собранные и записанные рассказы очевидцев. (Мелкие штрихи для больших портретов) 1907 г.

40. Наши деятели. Вып. 1-й Тургенев „Нева“, 83. П. Стр. 15.

41. На добрую память из русских писателей. Книга для семейного чтения, сост. Л. П. Никифоровым.—Москва. 1894 г.

42. Орлов и Нарский. „Дворянское Гнездо“.

43. Орловский Сергей. Тургенев, его жизнь и груды. Семья в школе. 1909. № 1. Стр. 23-33.

44. Павлов. Тургенев. Одесса Козман Стр. 77.

45. „Педагогическая Мысль“. Библиографические заметки. Петроград. 1919-20 г. № 1-3/10-12.

46. Петров П. Курс истории русской литературы. П. 1904 г.

47. Плиссский. Тургенев (очерк) 83. П. Стр. 31.

48. Покровский. Тургенев и его значение 1905 г. Москва.

49. Покровский В. Сборник критических статей. 2-ое 1908 г. М.

50. Солиновский. Русская лит. в отрывках из произведений исследователей и критиков. Пособ. для ср. шк. Одесса, 1913 г. Брошюры.

51. Саводник В. Очерки по истории русской лит. XIX в. Часть Ч-я, 4-ое изд. 1908 г. М.

52. Сальников. а) Ист. русск. лит. 1906 г. П. б) Тургенев, биография и разбор его произведений. П. 1908 г. в) Русские писатели после Гоголя, П. 1906 г.

53. Самсонов В. А. Родные писатели. Н. С. Тургенев. Стр. 128-135. Изд. Барбасникова. П. 1915 г.

54. Сивнов К. В. Крепостное право и русская изящная литература. 2-е издание „За друга“. М. 1912 г. Тургенев. Стр. 26-30.

55. Синюхаев Г. После Гоголя, часть 1-ая. 1908 г. П.

56. Сиповский В. В. История русской словесности. П.

57. Словарь литературных типов, вып. 1-й Тургенев. Вскоды. 1908 г. П.

58. Смирнов Ив. Заступники народные. 1908 г. М.

59. Советов. Литературный указатель, 4-ое, 1903 г. М.

60. Соловьев В. з. (редакция) Ив. Сер. Тургенев „Народные чтения“. СПб. 1900 г.

61. Тургенев (1918). Биография и характеристика Летковой.

62. Ульяновы Н. и В. Указатели журнальной литературы. Вып. I (1906-10). М. 1912 Вып. II. (1896-1905). М. 1913 г.

63. Филонов А. История русской словесности. П. 1909 г.

64. Фишер В. Русская литература, ч. II-я. Стр. 29-49, 108-135.—За друга. Москва. 1918 г.

65. Цветков А. Новейшие русские писатели. Изд. Павленко а. Петербург. 1882 г.

66. Черепнин И. С. Тургенев. Стр. 62. Начатки знаний. П. 1919 г.

67. Шалыгин А. Теория словесности и хрестоматия С. П. В. 1908 г. (Отрывки из соч. Т-ва).

68. Язынов Д. Д. Обзор трудов покойных писателей Вып. III. М. 1882 г.

VI-й Отдел: Стихи, посвященные Тургеневу. Тургенев в искусстве (Поэзия, театр, музыка, живопись, и другие).

1. А. Е. Нигилистка (Стихотворение С. П. В. 1873 г.)

2. А. Н. и Б. Б. „Дым“ Драматические сцены в 4-х действиях По роману Тургенева. Изд. „Новости“ С. П. В. 1896 г.

3. ALBUM ROYALISTE illustré du Clairon. Paris. 1884 г.

4. Алексеев. Тургенев и музыка. Киев. Общест. изуч. искус.

5. Альбом. Карикатур. жур. „Стрекова“. Изд. Корнфельда П-б. 1878 г.

6. Андриевский, С. А. „Довольно!“ (новма) Вести. Евр. I кн. П. 1884 г.

7. Андриевский С. А. На смерть Тургенева (Стихотворения).

8. Бальмонт К. Д. 1) Тургеневу (Стихотворение) Собр. сочин. 2) В „Дворянском Гнезде“ (Стихотв.).—Голос народа IV. 1917 г.

9. Вейнберг П. И. Памяти Тургенева. Вестник Европы.

10. „Галерея отцов и детей“ (Сатирическ. Стихотвор. по поводу романа Т-ва) — Искра. 1862. № 18.

11. Гуревич Л. Комедия Тургенева на сцене Москов. Худож. театра. Современ. 1912 г. V.

12. Захаров А. Собрание юмористич. и сатирич. соврем. стихотв. „Рапеодия о нигилизме“ (по поводу романа Т-ва) Казань 1866 г.

13. Зягинцева В. „Клара Милич“. Стр. 44. На мосту. Стихотв. М. 1922 г.

14. Ковалевская София Нигилистка (роман) о романе Т-ва „Новь“ М. 1906 г.

15. Курочкин В. (В. К.) „Гореть земли на могилу Тургенева. — Альманах „Стрекозы“ П. 1884 г.

16. Лебединский В. Над дорожной могилой (Памяти Т-ва) Орловск. Вестн. № 193 22/VIII 1913 г.

17. А. А. Лунин. Сельская Лира. Стихотворения. (На смерть Т-ва) ч. 1-я издание 2-ое Гор. Вольск. 1895 г.

18. Мятлев. (О. П. Ввардо) Шуточное стихотворение (Сообщил. Конг.) С. П. В. 1908 г. (Стих. относ. к П. Ввардо).

19. Минаев Д. Д. (Обличительный поэт.) Отцы и дети! По поводу романа Т-ва — Искра 1862 г. № 15.

20. Надсон С. Я. Над могилой Тургенева 14-ое издан. Общества для пособия нужд. лит. и учен. С. П. В. 1896 г. Стр. 82.

21. Некрасов Н. А. а. Отъезжающему б. Тургеневу. Полн. собр. стихов т. I стр. 177 и т. III стр. 393 Изд. — Стасюлевича, Пб. 1879 г.

22. Никольский Л. Я. „Отцы и дети“. Драма в 5 д. по роману Т-ва Изд. газ. „Новости“ С. П. В. 1900 г.

23. Пиотровская А. Памяти Тургенева. Орловск. Вестн. № 224. 22/VIII 1903 г.

24. Плещеев. Тургеневу. Полн. Собр. соч. и стих.

25. Подолинский А. М. Бывшим Тургеневским крестным. Русская Старина V. 84 405 стр.

26. Полонский Л. П. Полн. собр. Стихотворений т. 11-й Изд. Маркса П. 1896. Стихотв. стр. 263 и 322.

27. Протопопов В. Я. М. Г. Савина (Биограф.) Силлюстрац. С. П. В. 1900 г. 3 вып.

28. Солихов Ив. Памяти Тургенева — Орлов. Вестник. № 218—22. VIII—1908 г.

26. Сокол Евг. В Дворянском Гнезде. (К. Д. Бальмонту) Голос Народа 1917. IV.

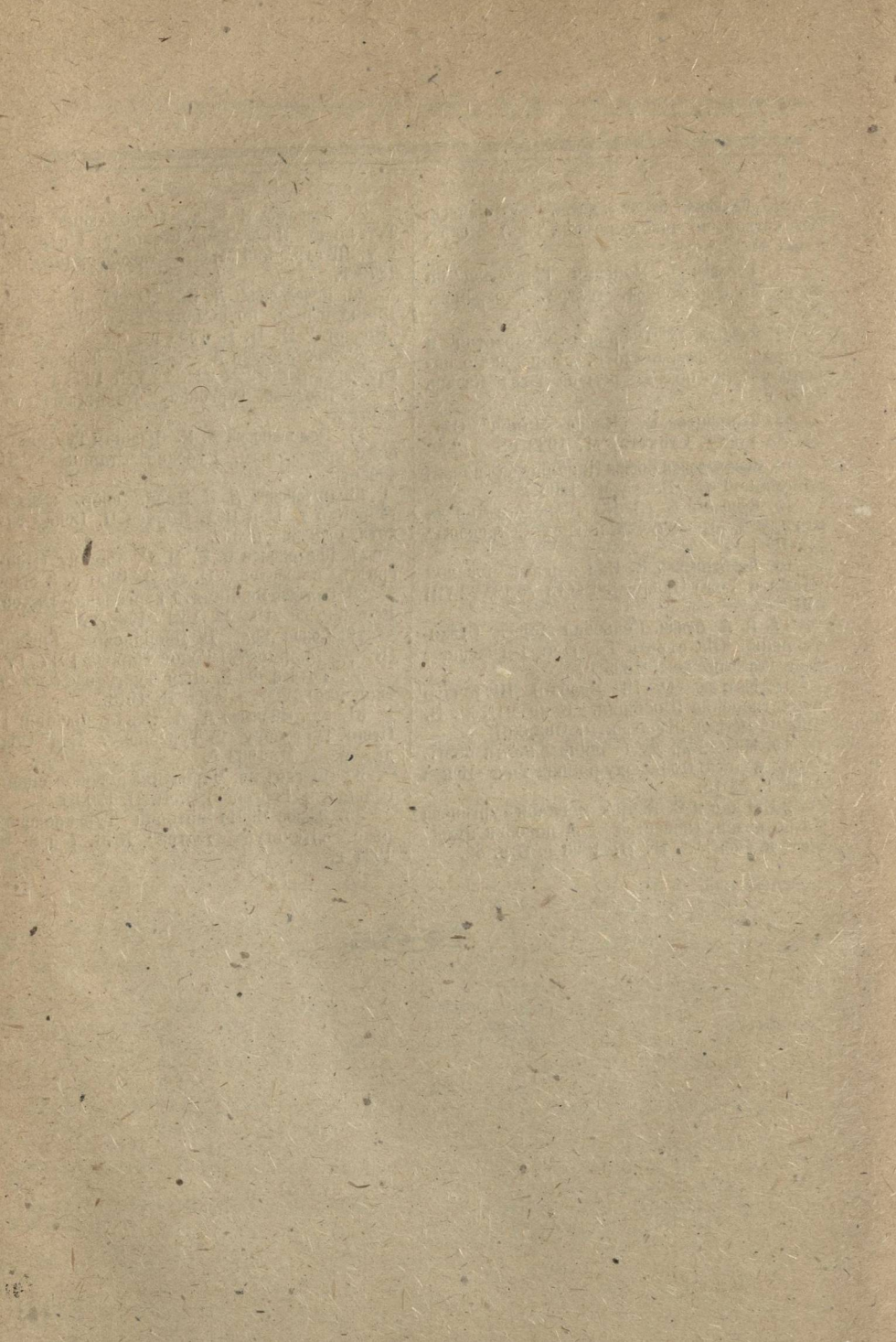
30. Тютчев Ф. И. Дым Тургенева (Стихотворение) Изд. Маркса. П. 1913.

31. Фет-Шеншин А. А. Стихотворения: 1) Ответ Тургеневу 2) Тургеневу. Изд. Солдатенкова М. 1963 г.

32. Щеглов Ив. Чародейка русской сцены (Савина и Тургенев) С. П. В. 1900 г.

33. Эфрос Н. Из истории Тургеневских пьес. „Культура театра“ № 6. 7 и 8. М. 1921 г.

Отделы I, II и V.

№№	Авторы статей, монографий, исследований, критики, биографы и пр.	№№	Авторы статей, монографий, исследований, критики, биографы и пр.	№№	Авторы статей, монографий, исследований, критики, биографы и пр.
1	А.	25	Барловский.	49	Валишевский.
2	Авдеев.	26	Барсов А.	50	Варнеке Б.
3	Аверьянов.	27	Бартенов П.	51	Введенский Ар.
4	Авсеевко.	28	Басистов П.	52	Вегнер.
5	Агафонов Н.	29	Батурвский Н.	53	Вейнберг Л.
6	Айхеввальд Ю.	30	Батюшков Ф.	54	Венгеров С. А.
7	Александров.	31	Везродный.	55	Веселовский Алексан.
8	Александровский.	32	Велинский В.	56	Ветринский.
9	Алексеев М.	33	Беринг.	57	Викторов.
10	Александров А.	34	Бертенсон Л.	58	Витберг.
11	Алферов А. Д.	35	Бирюков П.	59	Владиславлев И.
12	Аммон Н.	36	Боборькин П. Д.	60	Волгов Мельхор.
13	Андреева А.	37	Вогданов.	61	Ге.
14	Андреевич Евг.	38	Вогданова.	62	Ганжулевич Т.
15	Андреевский.	39	Вогданович А.	63	Гейгер.
16	Анненков П.	40	Вогучарский.	64	Георгиевский Г.
17	Анненский Ин.	41	Борковский.	65	Гербель Н. В.
18	Антонович М.	42	Бородин А. К.	66	Герцен А. И.
19	Аргамасова	43	Богдановский.	67	Гершензон М. О.
20	Арсеньев К. К.	44	Бражников.	68	Гиппиус В. В.
21	Ашевский С.	45	Брандес Георг.	69	Глебов.
22	Ашкенази М.	46	Бродский Н. Л.	70	Глюгау Отто.
23	Багрий А.	47	Буренин В. П.	71	Говоров.
24	Балтаюн Ц.	48	Бурже Поль.	72	Головин-Орловский.

№ №	Авторы статей, монографий, исследований, критики, биографы и пр.	№ №	Авторы статей, монографий, исследований, критики, биографы и пр.	№ №	Авторы статей, монографий, исследований, критики, биографы и пр.
73	Голубцов (и Руммель).	98	Евстафиев.	123	Коган П. С.
74	Гоман.	99	Егоров А.	124	Кони А. Ф.
75	Горкфельд А. Г.	100	Ж.	125	Корнилов А.
76	Горовой С. И.	101	Жохов.	126	Коробка А.
77	Григорьев Апол.	102	Завадовский-Краснопол.	127	Котляревский И.
78	Григорьев.	103	Заозерский Н. А.	128	Крамп.
79	Гроссман Л.	104	Замотий И. И.	129	Крапоткин П.
80	Грузинский А. Е.	105	Зелинский.	130	Кривошлык.
81	Гудзий.	106	Золотарев С.	131	Круковский А.
82	Гуревич Л. Я.	107	Иванов И. И.	132	Ктитарев.
83	Гутвяр Н.	108	Иванов-Разульник.	133	Кузнецов.
84	Данилов.	109	Игнатов И. Н.	134	Кунцевич.
85	Данкевич.	110	Ильинский Л. К.	135	Кузриевич.
86	Delines.	111	Исаев А. (проф.).	136	Лавров П. Л.
87	Демигов.	112	Истомин К. К.	137	Лемке М.
88	Добровский.	113	К.	138	Лернер Н.
89	Добролюбов И. А.	114	К. М.	139	Липовский.
90	Добрыя.	115	Кавелина Е.	140	Лисовский И.
91	Дризен (барон).	116	Кадмий Ч.	141	Лобанов.
92	Дружинин А.	117	Каллан В. В.	142	Локс.
93	Дудышкин С.	118	Карский.	143	Ломгинов М. М.
94	Дунин А.	119	Катков М. Н.	144	Лугаковский.
95	Дюцкий.	120	Клевенский М.	145	Лукьяновский.
96	Евгеньев В.	121	Клеман.	146	Львов А.
97	Евлахов А.	122	К-ов.	147	Ляцкий В. А.

Авторы статей, монографий, исследований, критики, биографы и пр.	№ №	Авторы статей, монографий исследований, критики, биографы и пр.	№ №	Авторы статей, монографий, исследований, критики, биографы и пр.
148 М.		178 Мурье Ж.		188 Петровский М.
149 М. П. В.		174 Насимович А. Ф.		199 Петухов Е.
150 Майков Б. А.		175 Неведомский М.		200 Пиксанов Н. К.
151 Майков Л.		176 Невзоров Н.		201 Писарев Ди. И.
152 Малышева.		177 Незеленов А. П.		202 Плиссский.
153 Маретич.		178 Никитина Е. Ф.		203 Покровский.
154 Марков.		179 Никифоров.		204 Полинковский.
155 Марковский.		180 Николаев.		205 Подонский Георг.
156 Мартов И.		181 Николаев Ю. (Говоруха-Отрок).		206 Попельницкий.
157 Мартянов.		182 Никольский Ю.		207 Португалов М.
158 Матвеев.		183 Новиков.		208 Потемкин В.
159 Меэбер А.		184 Носков Д.		209 Протопопов М.
160 Мендельсон Н. М.		185 Овсяннико-Куликовский.		210 Пуле-Де.
161 Мережковский Д. С.		186 Оловский В.		211 Пыпин А. И.
162 Мерме П.		187 Оксман Ю.		212 Родзевич С.
163 Мещерский А.		188 Орлов.		213 Розанов И. И.
164 Миллер Ор.		189 Орловский С.		214 Розенберг И.
165 Михайловский Н. И.		190 Семеновский В.		215 Рольстон.
166 Мишеев.		191 П. М.		216 Руммель.
167 Модестов А. Е.		192 П. П.		217 Русаков.
168 Модзалевский Б.		193 Павлов.		218 Руткевич.
169 Морозов П. О.		194 Пересеменков С.		219 Рында И.
170 Морфинь.		195 Пердов И.		220 Саводник В.
171 Мошин А.		196 Петрашкевич С.		221 Садовский Б.
172 Муратов П.		197 Петров.		222 Сакулин П. Я.

№№	Авторы статей, монографий, исследований, критики, биографы и пр.	№№	Авторы статей, монографий исследований, критики, биографы и пр.	№№	Авторы статей, монографий, исследований, критики биографы и пр.
223	Салонен (Salonen).	250	Тверской П. А.	277	Чудаков Герасим.
224	Сальников.	251	Темлинский.	278	Чуйко В.
225	Святиков С.	252	Трайдер К.	279	Чуковский К.
226	Семевский В.	253	Тихонравов Н. С.	280	Чулков Г.
227	Семенкович.	254	Ткачов (Никитин).	281	Шаблюковский.
228	Сергиенко П.	255	Толь.	282	Шалыгин.
229	Сивков К. В.	256	Торш (Torsch).	283	Шарапов С.
230	Синюхаев.	257	Тухомидский.	284	Шелгунов Н. В.
231	Сиповский В. Д.	258	У. С.	285	Шенгели Г.
232	Скабичевский А.	259	Ульянов.	286	Шлихтер И.
233	Смирнов Ив.	260	Ульянова.	287	Шмидт Юл.
234	Смирнов С.	261	Утевский.	288	Штейн.
235	Советов.	262	Филонов.	289	Шувалов С.
236	Ооколов Б. М.	263	Философов Д.	290	Щеглов Ив.
237	Соловьев А.	264	Фишер В. Н.	291	Щекин-Кротов П.
238	Соловьев Всев.	265	Филиппов.	292	Эдельсон Е.
239	Соловьев Е.	266	Флеров А.	293	Эйхенбаум Б.
240	Спасович В. Д.	267	Фомин.	294	Эккардт (Ekkardt).
241	Ставрогин.	268	Хмыров.	295	Энгельгардт Н.
242	Стасов В. В.	269	Цабель Евг.	296	Эфрос Н. Е.
243	Стасюлевич М.	270	Цветков.	297	Ювефович Я.
244	Стахович М.	271	Череннин.	298	Юшмейстер.
245	Страхов Н.	272	Чернышев.	299	Юсупов кн.
246	Степанов.	273	Чернышевский Н. Г.	300	Языков Д.
247	Сумцов.	274	Чепихин Ве.	301	Яковлев.
248	Сухомлинов.	275	Чиж (проф.).	302	Яцимирский А.
249	Сухотина-Голетая.	276	Чубинский Н.		

Отдел III-й.

№ №	Участники переписки с Тургеневым и о Тургеневе, а также редакторы издатели его писем.	№ №	Участники переписки с Тургеневым и о Тургеневе, а также редакторы издатели его писем.	№ №	Участники переписки с Тургеневым и о Тургеневе, а также редакторы издатели его писем.
1	Аксаковы И. и К.	25	Герцен А. И.	49	Кашиперов.
2	Александр II-й.	26	Гижанская О.	50	Кизи—Дедлов.
3	Анненков П. В.	27	Гинзбург барон.	51	Кларетт (Claretie).
4	Бакет Ю.	28	Глазунов.	52	Ковалевский М. М.
5	Бакунин М. А.	29	Голицын.	53	Ковалевский В. М.
6	Бертевсон Л.	30	Готье Т. (Gautier Teoph).	54	Колбазин Е.
7	Бодештендт Фр.	31	Грановский Т. Н.	55	Комманвиль (m. me.)
8	Борасов И. П.	32	Григорович Д. В.	56	Корсаков Д.
9	Брюллоу С. К.	33	Губернатис (де).	57	Кочубей.
10	Брянчанинов.	34	Давыдов В. Н.	58	Краевский А.
11	Бюрти (Burdy).	35	Депре (Dépret).	59	Крамской.
12	В.	36	Де-Мулл.	60	Крестьяне с. Спасского
13	В. Л.	37	Доде (Daudet).	61	Лавров П. Л.
14	Ваксель.	38	Дожоевский Ф. М.	62	Ламберт гр. В. Е.
15	Вейсберг Петр И.	39	Драгоманов М.	63	Леонтьев К. Н.
16	Венгеров С. А.	40	Дрентельн.	64	Лихачев.
17	Веселовский Алексей.	41	Дружинин А.	65	Лорис-Меликов.
18	Виардо Люп.	42	Думнов.	66	Майков А. Н.
19	Виардо Пелина.	43	Дюран-Гревиль.	67	Майков Л. Н.
20	Вучетич.	44	Ильин.	68	Макаров.
21	Гаевский.	45	Кавелин К. Д.	69	Марко-Вовчок (Маркович М. А.).
22	Галахов.	46	Кацперев.	70	Маркс А. Ф.
23	Гальперин-Каминский.	47	Карганевская.	71	Мамов И. И.
24	Георгиевский.	48	Катков М. Н.	72	Милютин Н.

№ №	Участники переписки с Тургеневым и о Тургеневе, а также редакторы издатели его писем.	№ №	Участники переписки с Тургеневым и о Тургеневе, а также редакторы издатели его писем.	№ №	Участники переписки с Тургеневым и о Тургеневе, а также редакторы издатели его писем.
73	Милюткина М. А.	93	Редактор „СПб Вед.“	113	Тургенева В. П.
74	Миницкий д-р.	94	Савва М. Г.	114	Тургенева В. Н.
75	Монисов.	95	Салтыков М. Е.	115	Тургенев Н. Н. дядя.
76	Некрасов Н. А.	96	Санд-Жорж. (George Sand).	116	Тургенев Н. С. бр. и Н. С. отец.
77	Никитенко.	97	Сент-Бев.	117	Урусов А. И.
78	Т-в.	98	Случевский К. К.	118	У. Ф. Барон.
79	Павленков Ф. Ф.	99	Сомова В. В.	119	Фед-Шеннинг.
80	Нисемский А.	100	Сорокин.	120	Философов Д.
81	Полевой.	101	Спасевич В. Д.	121	Флобер Г.
82	Полокская Ж. З.	102	Стасов В. В.	122	Ханьков.
83	Полонский Ася.	103	Стасюлевич М.	123	Шевырев С. И.
84	Полонский Л.	104	Стечкин Н. Я.	124	Шереметев.
85	Полонский Я. П.	105	Стечкина Л. Я.	125	Щепкин М. С.
86	Полторацкий.	106	Суворин А. С.	126	Щепкин Н. М.
87	Поляков А. С.	107	Терье А.	127	Щербань.
88	Попруженко.	108	Топоров А. А.	128	Эдманд Шарль.
89	Пыпин А. И.	109	Толстая гр. А.	129	Юрьев С. А.
90	Рейнак Ж.	110	Толстая гр. С. А.	130	Юсупов кн. А. В.
91	Редактор „Вест. Евр.“	111	Толстой гр. А. К.	131	Языков М. А.
92	Редактор „Моск. Вед.“	112	Толстой Лев.		

Отдел IV и VI-й.

№ №	Авторы воспоминаний, речей и посвящений Тургеневу.	№ №	Авторы воспоминаний, речей и посвящений Тургеневу.	№ №	Авторы воспоминаний, речей и посвящений Тургеневу.
1	А. Е.	25	Вальтер.	49	Зорин.
2	Абу В.	26	Василенко.	50	Исарский.
3	Аксаков И. С.	27	Вейнберг П.	51	Каратыгин.
4	Аксакова В. С.	28	Верещагин В. В.	52	Ковалевская С.
5	Алчевский Х. Д.	29	Виардо-Гарсиа П.	53	Ковалевский М.
6	Андреевский С.	30	Виардо Поль.	54	Ковалевский Н.
7	Анненков П.	31	Виницкая А. М.	55	Колбасин Е.
8	Автокольский М.	32	Водовозова В. Н.	56	Коломенский Кандид.
9	Ардова (Анрелева).	33	Галахов.	57	Колонтаева А.
10	В. Ф.	34	Гаршин Е. М.	58	Кони А. Ф.
11	Бальмонт К. Д.	35	Ге М.	59	Кравчинский (Степняк).
12	Батуринский.	36	Головачева-Панаева.	60	Краснов Платон.
13	В-в.	37	Головин К.	61	Кречетов.
14	Велогсловый.	38	Гонкуры Э. и Ш.	62	Кривенко С. Н.
15	Белокопский.	39	Григорович Д.	63	Куликов.
16	Берг Н. В.	40	Гриневская И.	64	Хурочкин В.
17	Вертевсон Л.	41	Джемс.	65	Л.
18	Воборыкин П.	42	Доде Ал.	66	Лаврентьева С.
19	Воденштедт Ф.	43	Драгоманов М.	67	Лебединский.
20	Бойезен.	44	Е. М.	68	Леонтьев К.
21	Буква-Васильевский.	45	Житова В. Н.	69	Лесков Н. С.
22	Булгаков Ф. И.	46	Захаров А.	70	Леткова-Султанова.
23	В. Е. П.	47	Звягинцева В.	71	Лукашина.
24	В. О.	48	Златовратский Н. Н.	72	Лушин А.

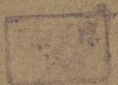
№№	Авторы воспоминаний, речей и посвящений Тургеневу.	№№	Авторы воспоминаний, речей и посвящений Тургеневу.	№№	Авторы воспоминаний, речей и посвящений Тургеневу.
73	Маркс А. Ф.	93	Пиотровская Л.	113	Стечкин Н. Я.
74	Матвеев.	94	Пич Людвиг.	114	Сухомлинов.
75	Минаев Д. Д.	95	Плещеев А. Н.	115	Сухотин С.
76	Михайловский.	96	Полевой.	116	Толстая С. А.
77	Монассан Гюл де.	97	Цоловцев А.	117	Толстой И. Л.
78	Надсон С. Я.	98	Полонский Як.	118	Успенский Н.
79	Неверов Я.	99	Посторонний.	119	У. С.
80	Некрасов Н. А.	100	Репан Эри.	120	Ф. В. У.
81	Нелидова Л.	101	Репин Ил. Е.	121	Федоров.
82	Никифоров Л.	102	Рольстон.	122	Фет-Шеншиль.
83	Ободовский.	103	Ромм.	123	Филиппов М.
84	Оболенский Д.	104	Савина М. Г.	124	Фридлендер.
85	Оболенский Л.	105	Селихов Ив.	125	Хин.
86	Огарева-Тучкова.	106	Серебряков.	126	Шелгунова Л.
87	Оксуфьева А. Г.	107	Серова В. С.	127	Штакеншнейдер Е.
88	Островская А.	108	Сиповский В. Д.	128	Щепкин М. С.
89	Павловский.	109	Случевский К.	129	Южаков С.
90	Папаев И.	110	С-ой.	130	Янжуч И.
91	Пантелеев Л. Ф.	111	Сокол Евг.		
92	Пастек Т.	112	Стасюлевич М.		

83.3P5-8

П60

К. В.

68386

BIBLIOTEKA TURGENEVA

068386

1050